Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал
Издается с 2001 года Выходит 6 раз в год
(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки”)

Вестник

**СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Свидетельство о регистрации
Эл № ФС77-89123
выдано 07 февраля 2025 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Л.А. Жгилева (отв. редактор),
Т.Ю. Загрязкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия), А.В. Колмогорова,
Н.И. Коновалова, Л.А. Кочетова,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
А.Г. Лошаков, В.А. Марьянчик, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия), М.Ю. Опенков,
А.В. Петров, Р.Г. Пихоя, А.М. Поликарпов,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Теребихин, Т.И. Трошина, П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
“Гуманитарные и социальные науки”

Т. 26,
№ 4 / 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Кискидосова Т.А. «Детям фронтовиков – наши заботы и любовь»: проблемы социальной помощи семьям военнослужащих в Хакасии в 1941–1945 годах..... 5
Васильева А.В. Полярные походы туристического клуба «Сампо» на рубеже 1970–1980 годов..... 17
Разиньков М.Е. Военно-политический вождизм в Черноземье весной 1918 года..... 29

ЛИНГВИСТИКА

Лаптинова А.И. Когнитивно-корпусные технологии в исследовании структуры и содержания концептосферы CLIMATE CHANGE («изменение климата»)..... 40
Дубовик Е.А., Бондарчук Е.В. Использование хеджей и бустеров в англоязычных научных статьях конца XIX – начала XX века..... 52
Воронцова И.А. Трансформация лексикографической парадигмы в эпоху искусственного интеллекта..... 63
Авдонина Н.С., Постникова А.А. Лингвистические аспекты создания стилизованных текстов с применением систем искусственного интеллекта..... 74

ФИЛОСОФИЯ

Касаткина С.С., Макарова А.Н. Музеефицикация городского пространства: социально-философский контекст..... 86
Казнина И.А. Детерриторизация коренных народов Канады: трансформация этнокультурного ландшафта и идентичности..... 95

СОДЕРЖАНИЕ

Индексируется в: **Размещается в:**

Редактор
М.Г. Аверина

Переводчик
Е.Л. Сафроненкова

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого,
д. 56, каб. 26
Тел.: +7 (8182) 21-61-00 (18-20)
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 31.08.2026.
Бумага писчая. Формат 84×108 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 13,15.

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2026

Кротенко Т.Ю. ИИ как собеседник: философия ищет новые границы человеческого..... 106
Коновалова А.Д. Взаимосвязь социального мифа и бренда в современном социокультурном контексте..... 116
Петев Н.И. Интеграция религии в виртуально-игровое пространство: аспект стимулирования и стереотипизации..... 127

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Голдин В.И. Русские и сербы: дружба и испытания..... 140
Зеленская Ю.Н. Торжество исторической правды (к вопросу о признании преступлений финских оккупационных властей на территории Карело-Финской ССР в 1941–1944 годах геноцидом).... 146

К сведению авторов..... 150

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education “Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov”

Scientific journal
Published since 2001 Issued bi-monthly
(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

VESTNIK

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL UNIVERSITY

Registration certificate
El no. FS77-89123
issued on February 7, 2025
by the Federal Service for Supervision
of Communications,
Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
L.A. Zhgileva (Executive Editor),
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
L.A. Kochetova,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
A.G. Loshakov, V.A. Maryanchik,
A.A. Medova, J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, A.M. Polikarpov,
Yu.V. Popkov, A.M. Prilutsky,
A.V. Repnevsky, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin, T.I. Troshina,
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipitsina

SERIES
“Humanitarian and Social Sciences”

Vol. 26,
No. 4 / 2026

CONTENTS

HISTORY

Kiskidosova T.A. “Our Care and Love are for the Front-Line Soldiers’ Children”: Problems of Social Assistance to Servicemen’s Families in Khakassia (1941–1945)..... 5
Vasil’eva A.V. Polar Expeditions of the Tourist Club “Sampo” at the Turn of the 1970s–1980s..... 17
Razin’kov M.E. Military-Political Leadership in the Black Earth Region in the Spring of 1918..... 29

LINGUISTICS

Laptinova A.I. Cognitive-Corpus Technologies in the Study of the Structure and Composition of the Concept Sphere CLIMATE CHANGE..... 40
Dubovik E.A., Bodnaruk E.V. The Use of Hedges and Boosters in English-Language Scientific Articles of the Late 19th and Early 20th Centuries..... 52
Vorontsova I.A. Transformation of the Lexicographic Paradigm in the Age of Artificial Intelligence..... 63
Avdonina N.S., Postnikova A.A. Linguistic Aspects of Stylised Texts Generation Using Artificial Intelligence Systems..... 74

PHILOSOPHY

Kasatkina S.S., Makarova A.N. Musealisation of Urban Space: Social and Philosophical Context..... 86
Kaznina I.A. Deterritorialisation of Indigenous Peoples in Canada: Transformation of the Ethnocultural Landscape and Identity..... 95
Krotenko T.Yu. AI as an Interlocutor: Philosophy and the Search for New Human Frontiers..... 106

CONTENTS

Indexed in: **Included in:**

Editor
M.G. Averina

Translator
E.L. Safronenkova

Make-up by
O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of candidate and doctor of science have to be published

Publisher's address:
nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:
ul. Uritskogo 56, office 26, Arkhangelsk, 163060
Phone: +7 (8182) 21-61-00 (18-20)
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 31.08.2026.
Writing paper. Format 84×108 $^{1}/_{16}$.
Conv. printer's sh. 15.96.
Acad. publ. sh. 13.15.

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2026

Konovalova A.D. Social Myth and Brand: Communicative Intersections in Contemporary Sociocultural Context 116
Petev N.I. Integration of Religion into Virtual Game Space: The Aspect of Stimulation and Stereotypisation 127

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Goldin V.I. Russians and Serbs: Friendship and Challenges 140
Zelenskaya Yu.N. The Triumph of Historical Truth (On the Question of Recognising the Crimes of the Finnish Occupation Authorities on the Territory of the Karelo-Finnish SSR in 1941–1944 as Genocide) 146

Information for Authors 150

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 5–16.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 5–16.

Научная статья
УДК [94(571.513)"1941/1945":316.74](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V523

«Детям фронтовиков – наши заботы и любовь»: проблемы социальной помощи семьям военнослужащих в Хакасии в 1941–1945 годах

Татьяна Александровна Кискидосова
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия,
tak_74@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1031-835X

Аннотация. Статья посвящена проблемам социальной помощи семьям военнослужащих в Хакасии в годы Великой Отечественной войны. Основной источниковой базой исследования стали делопроизводственные документы местных органов власти. В годы войны положения действующих нормативно-правовых актов не всегда реализовывались исполнительными органами. Архивные источники показывают, что в ряде случаев социальная помощь семьям фронтовиков оказывалась несвоевременно или была несущественной. Это было связано преимущественно с объективными обстоятельствами, вызванными недостатком средств и ресурсов, имевшихся в распоряжении региональных и местных органов власти. Реализация мер по социальному обеспечению семей военнослужащих сопровождалась многочисленными трудностями. С 1943 года поддержка семей военнослужащих в стране приобрела организованный характер. Однако в ходе исследования обнаружено, что в Хакасии специальные отделы государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих были организованы с опозданием. Тяжелое материальное положение семей фронтовиков и серьезные недостатки в работе сотрудников отделов социального обеспечения способствовали появлению многочисленных писем-жалоб. Рассмотрены различные виды жалоб, направленные в местные органы власти. В основном семьи фронтовиков обращались с просьбами о трудоустройстве, оказании материальной и бытовой помощи. Особенно тяжело приходилось многодетным семьям, им требовалась дополнительная помощь. Приведены примеры равнодушного и бюрократического отношения чиновников и руководителей предприятий к нуждам и просьбам населения. В целом даже в военное время социальная политика государства была направлена на поддержку незащищенных слоев населения. Материально-бытовая помощь семьям фронтовиков являлась одной из приоритетных задач руководства страны. Помощь семьям военнослужащих оказывали также трудовые коллективы, комсомольские и профсоюзные организации и отдельные граждане.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Хакасия, семьи военнослужащих, социальная помощь, отделы социального обеспечения, жалобы, повседневная жизнь, материально-бытовые условия*

© Кискидосова Т.А., 2026

Для цитирования: Кискидосова Т.А. «Детям фронтовиков – наши заботы и любовь»: проблемы социальной помощи семьям военнослужащих в Хакасии в 1941–1945 годах // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 5–16. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V523

Original article

“Our Care and Love are for the Front-Line Soldiers’ Children”: Problems of Social Assistance to Servicemen’s Families in Khakassia (1941–1945)

Tatyana A. Kiskidosova
Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia,
tak_74@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1031-835X

Abstract. The article is devoted to the issues of social assistance to servicemen’s families in Khakassia during the Great Patriotic War. The main source base for the study was the official documents of local party authorities. The provisions of existing legal acts were not always implemented by the executive authorities. Archival sources show that the social assistance provided to the families of frontline soldiers was either untimely or insignificant. This was primarily due to objective circumstances caused by the shortage of funds and resources available to regional and local authorities. The implementation of social security measures for servicemen’s families was accompanied by numerous difficulties. Since 1943, support for servicemen’s families in the country has been organized. In Khakassia, special departments for state support and military families were established with a delay. The difficult financial situation of the front-line soldiers’ families and serious shortcomings in the work of social security staff resulted in numerous letters of complaint. Various types of complaints, sent to local authorities, have been reviewed. The veterans’ families applied mostly for employment, financial and household assistance. It was especially difficult for large families of frontline soldiers, who needed additional government assistance. Examples of the indifferent and bureaucratic attitude of officials and factory managers to the needs and requests of the population are given. Overall, even during the wartime, the state’s social policy was aimed at supporting the low-income population. Providing material and social support to servicemen’s families was one of the country’s top priorities. Workers’ collectives, Komsomol and trade union organizations, as well as individual citizens provided assistance to servicemen’s families.

Keywords: *Great Patriotic War, Khakassia, servicemen’s families, social assistance, social security departments, complaints, daily life, material and living conditions*

For citation: Kiskidosova T.A. “Our Care and Love are for the Front-Line Soldiers’ Children”: Problems of Social Assistance to Servicemen’s Families in Khakassia (1941–1945). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 5–16. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V523

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для всего советского народа. В 1941–1945 годах семьи военнослужащих наряду с инвалидами войны, детьми и эвакуированными являлись наименее социально защищенной группой населения. Практически все семьи фронтовиков остро нуждались в социальной поддержке. В современных реалиях политика государства в отношении семей военнослужащих продолжает играть важную

роль. Опыт деятельности социальных органов в годы войны, в т. ч. и недостатки их работы, может быть учтен при реализации социального обеспечения незащищенных слоев населения России в настоящее время.

В последние годы появился ряд работ по истории государственной социальной политики и материального положения семей военнослужащих в тылу в годы Великой Отечественной войны [1–14]. В частности, А.Ш. Кабирова на примере Республики Татарстан раскрыла особенности проведения социальной политики, в т. ч. и негативные последствия. Она проанализировала недоработки и упущения местных органов власти [7]. Д.А. Вычеров, основываясь на обширном архивном материале, пришел к выводу, что органы власти реагировали на жалобы граждан, но в ряде случаев они оставались без внимания в течение длительного времени или вообще не рассматривались [12, с. 367]. В работах К.А. Шалатовой [15; 16], Ю.В. Карюкиной [17] и Л.Э. Мезит [18] проанализирована организация социальной помощи семьям фронтовиков в Красноярском крае. В частности, Л.Э. Мезит привела некоторые сведения по оказанию социальной поддержки на примере треста «Хакассуголь». Однако малоизученными остаются вопросы организации и реализации социальной политики в отношении семей фронтовиков на материалах Хакасской автономной области, входившей в то время в состав Красноярского края. Цель статьи – рассмотреть социальную политику, проводимую СССР в отношении семей военнослужащих в Хакасии в 1941–1945 годах, и проблемы, возникавшие при ее реализации.

Основой работы стала делопроизводственная документация партийных органов власти, хранящаяся в фондах П-2 (Хакасский областной комитет КПСС), Р-39 (Исполнительный комитет Хакасского областного Совета), П-11 (Абаканский городской комитет ВКП(б)), П-4 (Черногорский городской комитет ВКП(б)) Национального архива Республики Хакасия (НАРХ) и фонде 17 (Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991)) Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). В ней содержится информация о результатах совещаний и заседаний местных органов власти, жалобы семей военнослужащих, результаты проведения проверок комиссий о материально-бытовом положении семей красноармейцев и т. п.

В работе были применены общенаучные и общеисторические принципы. Принцип историзма, понимаемый как постижение объективной закономерности исторического процесса и основанный на анализе возможного круга источников, позволяет изучать явления в их развитии. Историко-системный метод дал возможность рассматривать исторические явления и процессы как целостные системы. В исследовании использованы такие общенаучные методы, как анализ, синтез и систематизирование.

Руководство Рабоче-крестьянской Красной армии было убеждено, что во время войны находящиеся вдали от дома красноармейцы должны быть спокойны за членов своих семей. Уверенность в благополучии родных способствовала душевному равновесию солдат в зоне военных действий, поднимала их боевой дух, а также укрепляла единство фронта и тыла [19, с. 76]. Повсеместное распространение получило мнение, что «невнимательное отношение к семьям военнослужащих ослабляет мощь нашей Красной армии»[1].

С началом войны социальная политика СССР была направлена на максимальную поддержку семей бойцов и командиров Красной армии. Приоритетными стали вопросы о материальной поддержке и льготах для семей фронтовиков. 26 июня 1941 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время».

[1]НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 867. Л. 115.

В нем устанавливался порядок выплаты пособия семьям фронтовиков. Оно назначалось по месту жительства семьи и выплачивалось ежемесячно в зависимости от количества нетрудоспособных в размере: при наличии одного – 100 р., двух – 150 р., трех и более – 200 р. в городе и 50 % этой суммы в сельской местности. Если в семье имелось три и более нетрудоспособных при одном трудоспособном, ежемесячное пособие выдавалось в размере 150 р. в городе и 50 % этой суммы в сельской местности. При назначении пособия семье военнослужащего к нетрудоспособным, состоявшим на его иждивении, были отнесены дети, братья и сестры (в случае, если они не имели трудоспособных родителей) моложе 16 лет / учащиеся моложе 18 лет; отец старше 60 лет и мать старше 55 лет; жена и родители – инвалиды I и II групп независимо от возраста. В случае увольнения военнослужащего по инвалидности назначенное его семье пособие выдавалось ему до назначения пенсии по инвалидности. Семьи убитых, умерших или пропавших без вести продолжали получать назначенное им пособие вплоть до назначения пенсии[2].

Кроме пособий и пенсий семьям военнослужащих полагались льготы при оплате жилищно-коммунальных услуг, определении детей в ясли, детские сады и т. п. Среди прибывшего в Хакасию эвакуированного населения было много семей фронтовиков. Местные власти обязывались решать проблемы с обеспечением их жильем, работой, топливом, продуктами питания, теплой одеждой и обувью.

Семьям солдат и офицеров предоставлялись льготы (жилищные, налоговые, по обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции и др.). 5 августа 1941 года Совет народных комиссаров (СНК) СССР принял постановление «О сохранении жилой площади за военнослужащими и о порядке оплаты жилой площади семьями военнослужащих в военное время». Площадь, которую занимали военнослужащие, не оплачивалась, а члены их семей платили за квартиру и коммунальные услуги по льготным ставкам. В годы войны льготы для семей военнослужащих расширялись по мере возможности. В случае гибели фронтовика за его семьей сохранялись все льготы, предоставляемые родственникам призванных в Красную армию, Военно-морской флот и войска Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР [16, с. 163–164].

При реализации мер по социальной поддержке населения возникали такие проблемы, как задержка выдачи пособий и пенсий, несвоевременное рассмотрение заявлений и жалоб, бюрократические проволочки и ошибки со стороны сотрудников отделов социального обеспечения (собесов). Для получения пособий нужно было предоставить справку с места жительства о количестве иждивенцев, паспорта и ряд других документов. Часто несвоевременное или неправильное оформление бумаг приводило к задержке выплаты пособий и пенсий[3], что порождало просьбы и жалобы как от самих фронтовиков, так и от членов их семей. В основном жалобы касались материально-бытовой сферы: своевременная выплата денег по аттестатам, трудоустройство, оказание материальной помощи, снабжение топливом в зимнее время и т. п. Многие семьи фронтовиков находились в бедственном материальном положении, их жилищные условия были неудовлетворительными[4].

Порой жалобы семей военнослужащих долго не рассматривались, и, следовательно, не принимались должные меры. Это было связано не только с бюрократическими проволочками и бездействием чиновников, но и с отсутствием в ряде случаев у местных вла-

---

[2]Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26 июня 1941 г. // РСФСР – фронту: документы и материалы. М., 1987. С. 318.

[3]НАРХ. Ф. Р-335. Оп. 1. Д. 16. Л. 28.

[4]РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 752. Л. 51.

стей возможности, достаточных ресурсов и средств, чтобы незамедлительно оказать помощь всем нуждающимся. В таких условиях соответствующие обращения с фронта позволяли в приоритетном порядке решать проблемы конкретных семей. Доходило до того, что командиры из фронтовой зоны обращались в региональные партийные органы с просьбой об оказании помощи семьям воинов. Так, в 1942 году Герой Советского Союза полковник Н.Я. Клыпин написал письмо в Хакасский областной комитет партии, в котором просил проявить заботу о семье капитана И.З. Немкова, участника военных действий, награжденного правительственными наградами. Супруга Немкова с тремя детьми проживала в селе Боград. Семья нуждалась в квартире, дровах и продуктах питания. Все жалобы Немковой, ранее обращенные к Боградскому районному комитету партии, оставались без внимания[5]. Герой Советского Союза Михаил Чебодаев в своих фронтовых письмах к родным настоятельно советовал: «В чем будете нуждаться обращайтесь к местным властям. Они вам никогда не откажут, как семье фронтовика и при этом знают как семью Героя»[6].

Заведующий военным отделом Хакасского областного комитета партии Винокуров заявил о важности помощи семьям военнослужащих: «Письма на фронте читают вслух <…>, и когда боец, которому нужно идти в атаку, получил письмо, в котором семья сообщает, что живет плохо от бездушно-бюрократического отношения ряда хозяйственных организаций к ней. Семья не имеет огорода, картофеля, топлива, а квартира не отремонтирована. Боец, прочитав такое письмо, будет морально подавлен, деморализован и угнетен»[7]. В связи с тем, что количество подобных писем на фронт увеличивалось, местные власти должны были предпринять решительные меры.

Семьи фронтовиков, испытывавшие крайнюю нужду и доведенные до отчаянного состояния, небезосновательно просили помощи[8]. Так, например, некоторые семьи фронтовиков г. Абакана и г. Черногорска проживали на частных квартирах в тяжелых бытовых условиях, в помещениях совершенно непригодных для жилья. В частности, эвакуированные супруга красноармейца Куланаева и двое их детей ютились в барачной квартире, которая не отапливалась по два-три дня. Старшая дочь Куланаевых, второклассница Нина, была вынуждена бросить школу и ухаживать за младшим братом, заболевшим воспалением легких. Спустя некоторое время он скончался[9].

Стоит отметить, что жалобы, поступавшие от семей военнослужащих, отличались разнообразием. Нередко встречались претензии даже по поводу больших очередей на почте при выдаче пособий. Порой предъявлялись письменные требования наказать разносчиц, которые вручали извещения на получение пособий родственникам или второстепенным лицам (т. е. соседям или знакомым), в результате чего извещения были утеряны.

В некоторых случаях жалобы семей были необоснованными или не соответствовали действительности. Так, в Саралинском районе жена фронтовика Миллера работала завучем начальной школы, получала зарплату и пособие на детей, проживала в отдельной квартире, ее обеспечивали бесплатным топливом (дровами). Миллер пожаловалась на Копьевский лесторг, где до войны работал ее супруг, за то, что с нее хотели взыскать в судебном порядке задолженность мужа в размере 500 р. При рассмотрении жалобу посчитали необоснованной и рекомендовали Миллер самостоятельно погасить задолженность. Также признали не-

[5]НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 939. Л. 39 об.

[6]Там же. Ф. Р-655. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

[7]Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 939. Л. 39.

[8]Там же. Д. 933. Л. 27.

[9]Там же. Л. 28.

обоснованной жалобу жены красноармейца Майдиборова. Семья фронтовика получала через денежный аттестат выплаты, сама Майдиборова нигде не работала, но при этом просила о расширении квартиры до трех-четырех комнат[10]. Заведующий военного отдела Хакасского обкома партии Винокуров, предложил привлечь к работе ряд семей фронтовиков, «получавших по аттестатам, которые могут работать на предприятиях, но не желают, а только жалуются во все организации»[11].

Наблюдались случаи провокационных писем со стороны некоторых жен фронтовиков. В письмах своим мужьям они жаловались, что «никто не помогает», «они умирают с голоду», «пухнут от голода ребятишки», «организации ничего не делают». По факту жалоб проводились проверки и порой выяснялось, что они не соответствовали реальности. Из письма супруги фронтовика Голикова следовало, что «директор нефтебазы (до войны место работы ее мужа – прим. авт.) не обеспечил семью дровами, углем, мукой, сеном и картофелем», т. е. всем, что было необходимо в повседневной жизни. На деле же оказалось, что в 1942 году Голиковой выдали 70 кг муки (по колхозной цене), 70 кг семенного картофеля, 7 кг ранеток, 23 кг арбузов. Кроме того, она ежемесячно получала 5 л керосина, семью полностью обеспечили топливом и сеном. В другом случае в письме красноармейцу Кропачеву на фронт супруга додумалась угрожать крайними мерами, она писала: «Дорогой муж Коля, живем мы неважно, у нас в квартире холодно, нужен ремонт, никто не желает помогать и я решила умертвить всю семью: закрыть трубу». Подобные безапелляционные строки не могли не вызвать срочную проверку положения дел. В результате удалось установить, что семья Кропачевых не испытывала острой нужды и занимала двухкомнатную квартиру, в которой требовался небольшой ремонт. Всем самым необходимым (топливом, продуктами и пр.) Кропачевых своевременно обеспечили. Но самым интересным в этом деле было то, что Кропачева нашла себе «нового мужа» и, не раздумывая, стала сожительствовать с ним. Видимо, своим посланием эта легкомысленная особа хотела ввести в заблуждение законного супруга, выдумав историю о крайне бедственном положении семьи и безразличии местных органов власти[12].

Многие семьи фронтовиков бедствовали, испытывали крайнюю нужду и порой доходили до безысходного состояния. Особенно тяжело приходилось многодетным семьям. В то время как главы больших семейств находились на фронте, матери вынуждены были самостоятельно обеспечивать самым необходимым всех детей. Жена фронтовика Гущина, жительница колхоза «Ленинский октябрь», воспитывающая 6 детей, получила II-ю группу инвалидности по состоянию здоровья (ранее она работала учителем, имела 19 лет педагогического стажа). В результате ее семья находилась в крайне бедственном материальном положении, в доме не было элементарных продуктов питания и дров. Двое детей соответствующего возраста не ходили в школу из-за отсутствия одежды и обуви. Один ребенок умер, и Гущина не могла похоронить его 4 дня. Жена фронтовика, доведенная до отчаяния, обращалась с просьбами к председателю колхоза Бодягину, директору школы Гобелеву и в райком партии, но нигде ей не оказали помощь[13].

К концу войны секретарю Хакасского обкома ВКП(б) Ф.И. Афанасьеву поступила докладная записка о состоянии многодетной семьи Денисевич из Абакана, подготовленная после рассмотрения заявления о материальной помощи матери-героине М.Л. Денисевич.

---

[10]НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 933. Л. 33 об.

[11]Там же. Д. 939. Л. 40.

[12]Там же. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 96. Л. 24 об.

[13]Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 939. Л. 40.

До войны ее муж работал главным бухгалтером в областном Осоавиахиме, он был единственным кормильцем 9 детей. В 1942 году супруг погиб на Ленинградском фронте. Старшего сына Ивана (1926 года рождения) мобилизовали на фронт в 1944 году. Вдова Денисевич осталась с 8 детьми на руках в двухкомнатной квартире. В ходе проверки этой семьи комиссия установила, что их квартира находилась в антисанитарном состоянии, не у всех домочадцев имелись постельные принадлежности. Дети содержались небрежно и выглядели грязными, потому что «отсутствовало мыло». У четверых из них не было ни зимней обуви (валенок), ни верхней одежды. Из пятерых детей соответствующего возраста в школу ходили только трое, остальные двое не посещали занятия по причине отсутствия теплой одежды и обуви. Трое детей дошкольного возраста сидели дома. При проверке удалось установить, что при скудном выборе пищи дети часто голодали. В их ежедневном рационе отсутствовало молоко, а основу питания составляли хлеб и капуста. Всего на тот момент у семьи в хозяйстве имелись две курицы и пять кулей картофеля. Многодетная семья, находившаяся в бедственном положении, ни разу не получила никакой поддержки с места работы погибшего кормильца. После проверки комиссия признала крайне плачевное состояние семьи Денисевич. Хакасский обком партии решил удовлетворить просьбу матери-героини М.Л. Денисевич о приобретении путевки в санаторий для нее (по причине болезни легких) и устройстве двух детей в детский сад, выдаче теплой одежды для детей (пальто и валенок), оказании продуктовой помощи. Всем детям оказали материальную помощь в виде предоставления детских свитеров, платьев, чулок, туфель, отреза на костюм и помощи в питании[14].

В случаях бюрократической волокиты семьи военнослужащих также оставались без государственной помощи. Ярким примером стало дело пенсионерки М.П. Козловой, матери боевого офицера, погибшего в 1944 году на фронте. До ухода на пенсию она работала в Черногорском отделении Госбанка. В течение года ей не выплачивали пенсию, из-за чего Козлова оказалась без средств к существованию. Испытывая материальные трудности, она голодала и собирала картофельные очистки на помойке. В сложнейших условиях ей приходилось выживать и обращаться за помощью к соседям. После нескольких запросов и жалоб пенсионное дело Козловой передали в отделение Госбанка из Новосибирского военкомата, затем переслали в Кемеровский и Красноярский военкоматы. По рекомендации Госбанка Козлова обратилась за поддержкой в Черногорский военкомат, который мог оказывать помощь только рядовому и младшему командному составу Красной армии. Ее обращение в собес в 1945 году также осталось без результата[15].

В тяжелом положении оказалась семья красноармейца Ивана Павловича Комлева, ушедшего на фронт в начале войны. В довоенное время он работал на руднике «Коммунар» Ширинского района. В сражении под Смоленском боец Комлев попал в плен, затем в лагерь, откуда бежал и оказался в партизанском отряде. В 1942 году в Белоруссии он был избран командиром одного из партизанских отрядов. Находясь в тылу врага, он нашел способ отправлять домой крайне редкие сообщения о себе. На руках его жены Полины Кузьминичны Комлевой остались 5 детей и престарелая мать. В первые годы войны они не испытывали больших трудностей, однако единственной работавшей П.К. Комлевой становилось все труднее содержать семью. Четверо старших детей пошли в школу, и расходы увеличились. По рекомендации депутата Ширинского сельского совета Щелкуновой, Комлева обратилась за помощью в военкомат, где после предоставления справки

[14]НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1139. Л. 32, 32 об.

[15]Там же. Ф. П-4. Оп. 22. Д. 8. Л. 1.

об участии супруга в партизанском отряде ее отправили в отдел гособеспечения. Там, просмотрев приложенные документы, Комлевой сообщили, что просьбу удовлетворить не могут и посоветовали вновь обратиться в военкомат. Ни военкомат, ни отдел гособеспечения не решились оказать поддержку семье фронтовика Комлева[16].

Очевидно, что государственных средств было недостаточно для оказания материальной помощи семьям фронтовиков. Важную роль в организации материально-бытовой поддержки сыграли трудовые коллективы, комсомольские и профсоюзные организации, а также частные лица. Руководители предприятий и учреждений старались своевременно помогать семьям красноармейцев с предоставлением жилой площади, устраивали детей в ясли и детские сады, ремонтировали квартиры, обеспечивали необходимыми овощами, одеждой и обувью. Нуждающиеся семьи получали топливо и сено для личного скота. Однако далеко не все руководители предприятий и организаций имели возможность оказать поддержку семьям фронтовиков в полной мере, поскольку не располагали достаточными ресурсами и средствами[17].

В 1943 году потребность усилить на законодательном уровне материально-бытовую поддержку семей военнослужащих определялась появившимися возможностями государства и объективным ростом числа семей военнослужащих. До января 1943 года назначение выплаты пособий и пенсий семьям воинов рядового и младшего начальствующего состава Красной армии и Военно-морского флота производилось собесами. После выхода постановления Центрального комитета (ЦК) ВКП(б) «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» от 22 января 1943 года активизировалась работа по материально-бытовому обеспечению семей фронтовиков. Для этого при исполнительных комитетах областных, городских и районных Советов образовывались специальные отделы[18]. Отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих должны были разгрузить органы социального обеспечения и улучшить социальную работу с семьями красноармейцев. К их основным задачам относились: обеспечение пособиями, пенсиями и установленными законом льготами, трудовое устройство и проведение мероприятий по материально-бытовой поддержке, рассмотрение жалоб и заявлений. Появление таких отделов позволило четко выделить основные направления работы, обнаружить причины неудач и наметить дальнейшие пути решения проблем [10, с. 30].

В феврале 1943 года на пленуме Хакасского обкома ВКП(б) было принято решение обязать секретарей городских и районных исполкомов обсудить постановление от 22 января 1943 года на пленумах и собраниях партийных и комсомольских организаций в кратчайшие сроки и принять решение о создании отделов[19]. Их возглавили соответствующие заместители председателей исполкомов Советов депутатов трудящихся. В первый год была организована достаточно разветвленная система отделов государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих в соответствии с территориальным делением [7, с. 33].

В Хакасии специальные отделы государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих удалось в полной мере укомплектовать кадрами и всем необходимым лишь спустя несколько месяцев после при-

---

[16]*Шорин Н.* Заколдованный круг // Советская Хакассия. 1945. 8 марта (№ 48). С. 4.

[17]НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 418. Л. 79.

[18]Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. URL: https://dexter900.narod.ru/index/0-108 (дата обращения: 09.03.2025).

[19]НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 939. Л. 41 об.

нятия решения об их создании. Например, в Абакане отдел был укомплектован аппаратом с большой задержкой, лишь в июне 1943 года. В сформированном городском отделе за короткий период сменилось 4 заведующих. Такая текучка руководителей отрицательно сказывалась на работе. Поступившие жалобы и заявления по вопросам выдачи пенсий и пособий рассматривались не сразу, порой задержка составляла до 15 дней[20].

14 июня 1943 года Хакасским областным Советом депутатов трудящихся был вынесен ряд решений с целью проведения комплекса мероприятий по улучшению материально-бытового обслуживания семей военнослужащих: увеличить количество мест в детских садах: в Абакане – на 350 чел., в Черногорске – на 150 чел.; принимать в детские дошкольные учреждения в первую очередь детей военнослужащих; увеличить контингент детей в детских столовых на 550 мест; для особо нуждающихся членов семей выделить талоны на товары широкого потребления и организовать в артелях мастерские для починки одежды и обуви. Из отпускаемых фондов промышленных товаров для рыночной продажи в области требовалось выделить не менее 60 % для снабжения семей фронтовиков. На зимний период нужно было предоставить домохозяйствам топливо в объеме: в Абакане – 3 тыс. м^3 дров, 2 тыс. т угля, в Черногорске – 3 тыс. т угля, в районах – по 500 м^3 угля. Согласно решению местных партийных органов власти, полагалось обеспечить взрослых членов семей бойцов Красной армии усиленным питанием и прикрепить к столовым детей. Также предусматривалось обслуживание членов семей фронтовиков во всех поликлиниках, больницах и амбулаториях области[21].

За 5 месяцев 1943 года семьи фронтовиков Хакасии получили от государства 9 млн 590 тыс. р. пособий, не считая пенсий. Районные и городские отделы по гособеспечению выдали наиболее нуждающимся семьям 188 тыс. р. единовременных пособий. Денежный фонд помощи семьям фронтовиков на 1 июня 1943 года составил 34,5 тыс. р. За три месяца (с марта по июнь) семьям красноармейцев оказали следующую помощь: отремонтировали 158 квартир и выдали 207 ц картофеля. В отношении детей из семей участников войны: более 1 тыс. определены в детские сады и ясли, 1112 прикреплены к детским столовым[22]. Всего за 1943–1944 года остронуждающимся семьям фронтовиков выдали 49 т муки, 13,6 т крупы, 1666 пайков, 16,9 тыс. шт. овчин, 2274 «американских подарков»[23].

Однако многие решения, принятые местными властями после выхода постановления 22 января 1943 года, не были выполнены. В реальности торговые организации не могли выделить 60 % промышленных товаров для удовлетворения потребностей нуждавшихся. Руководителям государственных и кооперативных предприятий и организаций не удалось организовать материально-бытовое обслуживание семей военнослужащих: ремонт обуви и одежды, подвозку топлива и т. п. Кассы взаимопомощи в колхозах, совхозах, учреждениях и на предприятиях, которые должны были оказывать материальную помощь семьям фронтовиков, не были созданы или не функционировали из-за отсутствия средств. Заведующие отделами районных и городских комитетов партии, призванные отвечать за государственное обеспечение, в большинстве случаев занимались другой работой[24]. Семьи военнослужащих нерегулярно и не в полной мере получали положенные

[20]НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 930. Л. 17.

[21]Там же. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 470. Л. 155 об.

[22]Большая помощь // Советская Хакассия. 1943. 12 июня (№ 124). С. 1.

[23]РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 752. Л. 51 об.

[24] НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1036. Л. 39 об.

им промышленные товары. Выданный скудный набор вещей не мог удовлетворить даже самые минимальные потребности в теплой одежде и обуви. Например, в 1944 году в Абакане с наступлением зимы многие дети фронтовиков не имели зимнего пальто и теплой обуви. В теплую погоду они ходили босиком и в грязной одежде. Постирать детские вещи не представлялось возможным, потому что семьи военнослужащих по полгода не могли получить по карточкам хозяйственное мыло. Им могли бы выдать мыло, изготовленное местным мясокомбинатом, но всю продукцию распределяли по торговым организациям города, не учитывая обеспечение этой категории населения[25].

Повсеместно в тылу создавались денежные, вещевые и продовольственные фонды по оказанию помощи семьям военнослужащих. Обычно они формировались из добровольных отчислений трудящихся в результате проведения декадников и месячников и за счет сборов среди населения. К месячнику по созданию фондов привлекались широкие массы. Особое внимание уделялось проведению ремонта квартир, снабжению топливом на зиму, обеспечению товарами широкого потребления, трудоустройству членов семей военнослужащих. Фонды предоставляли семьям фронтовиков индивидуальные огороды и оказывали практическую помощь в приобретении семян. К ведению фондов относилось распределение детей фронтовиков: детей трудоустроившихся родителей отправляли в детские учреждения, детей-сирот – в детские дома. Одной из основных задач фондов было обеспечение промтоварами учащихся из семей фронтовиков[26].

По справедливому замечанию А.Ш. Кабировой, несмотря на создание и деятельность фондов помощи семьям фронтовиков, основным источником финансирования социальной помощи продолжали оставаться государственные структуры, тесно связанные с командно-бюрократическим аппаратом управления. Поэтому неудивительно, что и постановление 22 января 1943 года не смогло решить проблем оказания помощи семьям военнослужащих [5, с. 130].

Таким образом, в военные годы в Хакасии проводились комплексные мероприятия по оказанию социальной помощи семьям фронтовиков. Данной категории населения полагались пенсии или пособия, различные льготы, оказывалось содействие в образовании и трудоустройстве и т. д. Отмечены недостатки в реализации государственной социальной политики в регионе. Так, в первые месяцы войны работники органов социального обеспечения, недооценивая серьезность своих обязанностей, допускали волокиту и просчеты. Несмотря на то, что с 1943 года социальной поддержке семей военнослужащих в стране был придан организованный характер, в Хакасии специальные отделы государственного обеспечения и бытового устройства появились с некоторым опозданием. Как показывают архивные документы, в ряде случаев оказываемая социальная помощь была несвоевременной или несущественной. Это связано преимущественно с объективными обстоятельствами, которые вызваны недостатком средств и ресурсов, имевшихся в распоряжении региональных и местных органов власти. Также отмечены факты бюрократической волокиты, встречавшиеся в работе отдельных управленческих структур.

В тяжелейших условиях военных лет местным органам власти было очень сложно выполнить все обязательства по социальному обеспечению нуждавшихся в помощи членов семей фронтовиков. Нерешенность многих материально-бытовых проблем отразилась в письмах-жалобах, обращенных в различные инстанции. Несмотря на отдельные случаи бюрократического отношения и волокиты, все же в Хакасии с вниманием и заботой относились к семьям

[25]НАРХ. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 110. Л. 5 об.

[26]РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 995. Л. 12.

фронтовиков. В годы военного лихолетья материально-бытовую помощь им оказывали различные управленческие органы, предприятия, учреждения, общественные организации и отдельные граждане. Несомненно, данная тема требует более глубокого исследования и дальнейшего развития.

Список литературы

1. *Палецких Н.П.* Помощь семьям военнослужащих в годы войны // Южноуральцы в боях и труде. Челябинск, 1995. С. 128–144.

2. *Любецкий А.Е.* Социальная политика государства в Оренбуржье по отношению к семьям военнослужащих в 1941–1945 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 13. С. 414–418.

3. *Любецкий А.Е.* Государственный механизм социального обеспечения семей военнослужащих (1941–1945 гг.): структура и кадры // Проблемы Российской истории. Магнитогорск, 2005. Вып. 5. С. 170–186.

4. *Снегирева Л.И.* Деятельность органов власти Западной Сибири по оказанию помощи эвакуированным и семьям военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и современность. Томск, 2007. С. 106–121.

5. *Соколова В.И.* Молодежь Чувашской АССР в мероприятиях по оказанию помощи семьям фронтовиков в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. 2009. № 1(25). С. 151–152.

6. *Насонов К.А.* Социальное обеспечение военнослужащих Красной армии в годы Великой Отечественной войны: сущность, содержание и современное значение // Вестн. Воен. ун-та. 2010. № 3(23). С. 65–70.

7. *Кабирова А.Ш.* Война и люди: проблемы социальной защиты семей фронтовиков в Татарстане в 1941–1954 гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2011. № 2(14). С. 127–131.

8. *Чернышева Н.В.* Социальная политика государства в отношении семей военнослужащих в 1941–1945 гг. (на материалах Кировской области) // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. 2012. № 2-1. С. 54–59.

9. *Семенова Е.Н.* Образование органов государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Вестн. ТГПУ. 2015. № 2(155). С. 31–37.

10. *Мезит Л.Э.* Решение социальных проблем в годы Великой Отечественной войны // *Павлова И.П., Катцина Т.А., Мезит Л.Э., Долидович О.М.* Социальная помощь населению Сибири в годы мировых войн XX века: моногр. Красноярск, 2016. С. 162–189.

11. *Панарина Е.В.* Организация помощи семьям военнослужащих на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Гуманит. и юрид. исследования. 2018. № 3. С. 109–115.

12. *Вычеров Д.А.* Жалобы военнослужащих и их семей как отражение социальной политики советской власти в годы Великой Отечественной войны (на материалах Тюменской области) // Петерб. ист. журн. 2018. № 3(19). С. 362–370.

13. *Савицкий И.М.* Помощь трудящихся Западной Сибири семьям фронтовиков и эвакуированным детям в годы Великой Отечественной войны // Развитие территорий. 2019. № 1(15). С. 15–23.

14. *Циткилов П.Я.* Положение семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. 2021. Т. 26, № 1. С. 172–181.

15. *Шалатова К.А.* Обеспечение продовольствием семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны на территории Красноярского края // Вестн. КрасГАУ. 2011. № 11(62). С. 224–228.

16. *Шалатова К.А.* Социально-бытовое обеспечение эвакуированных семей военнослужащих в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Актуал. проблемы ист. исследований: взгляды молодых ученых. Новосибирск, 2012. С. 244–250.

17. *Карюкина Ю.В.* Мероприятия по поддержке семей военнослужащих в Красноярском крае, 1941–1945 гг. // Соц.-экон. и гуманит. журн. Красноярск. ГАУ. 2016. № 3(3). С. 85–90.

18. *Мезит Л.Э.* Организация социальной поддержки семьям фронтовиков в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2021. № 473. С. 26–32.

19. *Шалак А.В.* Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск, 1998. 183 с.

References

1. Paletskikh N.P. Help To the Families Of Military Personnel During the War. *Yuzhnoural'tsy v boyakh i trude*. Chelyabinsk, 1995, pp. 128–144 (in Russ.).
2. Lyubetskiy A.E. State Social Policy Regarding the Servicemen's Families in the Orenburg Region in 1941–1945. *Problemy istorii, filologii, kul'tur*y, 2003, no. 13, pp. 414–418 (in Russ.).
3. Lyubetskiy A.E. The State Social Security System For the Servicemen's Families (1941–1945): Structure and Personnel. *Problemy Rossiyskoy istorii*. Magnitogorsk, 2005, no. 5, pp. 170–186 (in Russ.).
4. Snegireva L.I. Activities Of Western Siberian Authorities To Provide Assistance to Evacuees and the Servicemen's Families During the Great Patriotic War (1941–1945). *Aktual'nye problemy istorii Velikoi Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) i sovremennost'*. Tomsk, 2007, pp.106–121 (in Russ.).
5. Sokolova V.I. The Youth of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in Measures to Assist the Families of Frontline Soldiers During the Great Patriotic War. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ehkonomicheskogo universiteta*, 2009, no. 1, pp. 151–152 (in Russ.).
6. Nasonov K.A. Social Security for Red Army Soldiers During the Great Patriotic War. *Vestnik voennogo universiteta*, 2010, no. 3, pp. 65–70 (in Russ.).
7. Kabirova A.Sh. War and People: Problems of Social Protection of Families of Front-line Soldiers in Tatarstan in the Period of 1941–1954. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 2, pp. 127–131 (in Russ.).
8. Chernysheva N.V. State Social Policy Regarding Servicemen's Families in 1941–1945 (Based on the Materials of the Kirov Region). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2012, no. 2-1, pp. 54–59 (in Russ.).
9. Semenova E.N. Formation of the Organs of State Support and Everyday Guaranteeing of the Families of Servicemen During the Great Patriotic War Based on the West Siberian Materials). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, no. 2, pp. 31–37 (in Russ.).
10. Mezit L.E. Solving Social Problems of the Population of the Krasnoyarsk Region During the Great Patriotic War. *Social Assistance for Siberian Population During the World Wars of the 20th Century.* Krasnoyarsk, 2016, pp. 162–189 (in Russ.).
11. Panarina E.V. The Aid to Military Families in the North Caucasus During the Great Patriotic War. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2018, no. 3, pp. 109–115 (in Russ.).
12. Vycherov D.A. Complaints of Military Men and Their Families As a Reflection of the Soviet Social Policy during the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Tyumen Region). *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*, 2018, no. 3, pp. 362–370 (in Russ.).
13. Savitskiy I.M. Aid of Workers of Western Siberia to the Families of Front-line Soldiers and Evacuated Children During the Great Patriotic War. *Razvitie territoriy*, 2019, no. 1, pp. 15–23 (in Russ.).
14. Tsitkilov P.Ya. Economic Status of Servicemen's Families During the Great Patriotic War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, vol. 26, no. 1, pp. 172–181 (in Russ.).
15. Shalatova K.A. Food Provision of Servicemen's Families During the Great Patriotic War in the Krasnoyarsk Region. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2011, no. 11, pp. 224–228 (in Russ.).
16. Shalatova K.A. Social and Welfare Provision of Evacuated Servicemen's Families in Krasnoyarsk Krai During the Great Patriotic War. *Actual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyady molodykh uchenykh*, 2012, pp. 244–250 (in Russ.).
17. Karyukina Yu.V. Military Families Support Measures in the Krasnoyarsk Region, 1941–1945. *Sotsial'no-ehkonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU*, 2016, no. 3, pp. 85–90 (in Russ.).
18. Mezit L.E. Organizing Social Support for Families of Front-Line Soldiers in Krasnoyarsk Krai During the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 473, pp. 26–32 (in Russ.).
19. Shalak A.V. *Living Conditions and Everyday Life of the Population of Eastern Siberia During the Great Patriotic War (1941–1945)*. Irkutsk, 1998. 198 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Т.А. Кискидосова *– кандидат исторических наук, заведующий сектором истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.*

Information about the author

Tatyana A. Kiskidosova*, Cand. Sci. (Hist.), Head of History Department, Khakass Research Institute of Language, Literature and History.*

Поступила в редакцию 12.09.2025
Одобрена после рецензирования 25.12.2025
Принята к публикации 29.12.2025

Submitted 12 September 2025
Approved after reviewing 25 December 2025
Accepted for publication 29 December 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 17–28.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 17–28.

Научная статья
УДК 94(470.22)"1970/1980"(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V524

Полярные походы туристического клуба «Сампо» на рубеже 1970–1980 годов

Анна Валерьевна Васильева
Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия,
eco-anna@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0008-1481-8176

Аннотация. После распада СССР многие туристические клубы пострадали из-за отсутствия финансирования и поддержки государства. В настоящее время появление интереса к путешествиям по России создает почву для возрождения таких клубов, которым стоит передать накопленный опыт спортивного туризма. Актуальность исследования полярных походов обуславливается важной научной и образовательной функцией арктического туризма, который помогает разрабатывать методы обеспечения безопасности жизнедеятельности человека на севере, подготавливает молодежь к работе в сложных условиях, тем самым влияя на экономику региона и создание его положительного имиджа. В статье на основе впервые введенных в оборот источников раскрывается история спортивных походов по Арктике студенческого туристического клуба Петрозаводского государственного университета «Сампо». Цель работы – изучить развитие полярной туристической деятельности клуба «Сампо» на рубеже 1970–1980 годов, используя анализ устных и письменных источников, и оценить влияние этих походов на развитие спортивного туризма в Карелии. Ставя задачи историко-антропологического исследования туризма, автор обращается к анализу деятельности руководителя туристской группы, реконструкции деталей походной повседневности и прослеживает долговременный эффект от приобретенного клубом опыта. Выявлены факторы зарождения и формирования арктического вектора турклуба «Сампо» – это участие в лыжных марафонах по северо-западным регионам СССР и привлечение опыта полярницы В.Д. Шацкой. Пять экстремальных арктических походов (1977–1981) стали источником уникального научно-практического и социокультурного опыта. Впоследствии четыре участника полярных экспедиций получили звание мастера спорта по туризму (включая первого в Карелии мастера спорта по лыжному туризму), региональный студенческий клуб «Сампо» вышел на уровень ведущих городских и специализированных экспедиционных групп СССР. Трансляция спортивного опыта выпускников «Сампо» в детско-юношеском туризме обеспечила выживание системы карельских турклубов в 1990-е годы.

Ключевые слова: *Российская Арктика, самодеятельный туризм, полярные экспедиции в СССР, история туризма в Карелии, туристический клуб «Сампо», «Метелица», В. Шацкая*

© Васильева А.В., 2026

Для цитирования: Васильева А.В. Полярные походы туристического клуба «Сампо» на рубеже 1970–1980 годов // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 17–28. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V524

Original article

Polar Expeditions of the Tourist Club “Sampo” at the Turn of the 1970s–1980s

Anna V. Vasil’eva
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia,
eco-anna@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0008-1481-8176

Abstract. Following the dissolution of the USSR, many tourist clubs suffered from a lack of funding and state support. Today, growing interest in domestic travel across Russia is creating conditions for the revival of such clubs, which could draw on the accumulated experience of sports tourism. The study of Arctic expeditions is particularly relevant given the important scientific and educational functions of Arctic tourism. It contributes to the development of methods for ensuring safety in the Arctic, prepares young people for work in challenging conditions, and thereby affects the regional economy and the formation of a positive image of the region. Drawing on sources introduced into scholarly circulation for the first time, this article examines the history of Arctic expeditions undertaken by “Sampo”, the student tourist club of Petrozavodsk State University. The study aims to analyze the development of the club’s Arctic tourism activities during the late 1970s and early 1980s through an examination of oral testimonies and written records, and to assess the impact of these expeditions on the development of sports tourism in Karelia. Adopting a historical-anthropological approach to the study of tourism, the author examines the activities of the expedition leader, reconstructs details of everyday life during the expeditions, and traces the long-term impact of the experience acquired by the club. The study identifies two key factors that contributed to the emergence and development of the Arctic focus of the “Sampo” tourist club: participation in ski marathons across the northwestern regions of the USSR and the incorporation of the expertise of polar explorer V.D. Shatskaya. Five extreme Arctic expeditions undertaken between 1977 and 1981 became a source of unique scientific, practical, and sociocultural experience. Subsequently, four participants in the Arctic expeditions were awarded the title of Master of Sports in Tourism, including the first person in Karelia to receive the title of Master of Sports in ski tourism. The regional student club “Sampo” rose to prominence, attaining a status comparable to that of leading urban and specialized expeditionary groups in the USSR. The dissemination of the club’s sporting expertise by its alumni through youth tourism played an important role in sustaining the network of tourist clubs in Karelia during the 1990s.
Keywords: *Russian Arctic, amateur tourism, polar expeditions in the USSR, history of tourism in Karelia, Petrozavodsk State University, “Sampo” tourist club, “Metelitsa”, V.D. Shatskaya.*

For citation: Vasil’eva A.V. Polar Expeditions of the Tourist Club “Sampo” at the Turn of the 1970s–1980s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 17–28. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V524

Арктика веками испытывала человека на прочность. Еще в XI веке русские первопроходцы искали выходы к Северному Ледовитому океану. В XII–XIII веках жители Беломорья – поморы – подчинили себе суровый климат, заменив крестьянский труд морскими промыслами. XVII век ознаменовался движением казаков пешим путем и по рекам от Урала до Тихого океана. Эпоха Великой Северной экспедиции (1733–1743) и морские путешествия XIX века нанесли имена русских исследователей на карту Севера. В первой половине XX века на помощь в освоении региона пришла техника – ледоколы и авиация. Со второй половины XX века вновь стала актуальной идея покорения Арктики только при помощи физических сил человека. Сильнейшие спортсмены делали попытки продвинуться за полярный круг и принести полезные сведения для решения научных, экономических и военных задач [1].

Полярные походы – это путешествия в арктических и антарктических районах Земли, характеризующиеся экстремальными условиями, преодолением больших расстояний по тундровым и ледовым ландшафтам в полярный день или полярную ночь. В 1970-е годы туристические походы в Заполярье для обеспечения безопасности проводились в соответствии с правилами и требованиями спортивного туризма[1], который находился состоянии фактического и институционального развития [2, с. 179]. Материалы данного исследования представляют собой интервью-воспоминания с участниками лыжных полярных походов, проведенных на рубеже 1970–1980 годов на территории Карельской Автономной Советской Социалистической Республики (КАССР), Республики Коми, Архангельской области, Ямало-Ненецкого автономного округа. В ходе бесед респонденты осветили вопросы профессионального становления в спортивном туризме, обстоятельства включения в состав экспедиций, уровень материально-технического оснащения и физической подготовки, а также специфику быта на маршруте и стиль руководства. Полученные данные позволили уточнить хронологию походов, выявить мотивацию участников, оценить степень физических нагрузок, а также реконструировать систему межличностного взаимодействия и представить субъективную оценку событий.

Источниковая база исследования была дополнена материалами газеты «Петрозаводский университет», освещающими проведение лыжных марафонов туристического клуба «Сампо», а также опубликованными воспоминаниями из специальных тематических сборников [3–5]. Кроме того, в статье использованы статистические данные о походах за период с 1964 по 1991 год, систематизированные руководителем турклуба Ю.С. Ланёвым[2]. Важными источниками стали интервью с руководителем полярных походов – В.Д. Шацкой[3] и ее статья о результатах экспедиции 1978–1979 годов [6].

Большинство материалов по истории отечественных турклубов представлены в виде воспоминаний на их официальных интернет-страницах[4], реже в научных статьях [7–9] и единицы в диссертационных исследованиях, посвященных региональной специфике ту-

---

[1]Спортивный туризм – это институционализированная форма самодеятельного туризма. Он предполагает проведение походов по регламентированным правилам, что позволяет классифицировать маршруты по категориям сложности и объективно оценивать достижения участников. Основная цель спортивного туризма – повышение туристского мастерства, совершенствование техники и тактики прохождения естественных препятствий (*Жигарев О.Л.* Безопасный отдых и туризм: уч.-метод. комплекс. Новосибирск, 2008. С. 199).

[2]Таблица категорийных походов, проведенных за 50 лет (1964–2014 гг.) // Личный архив Ю.С. Ланёва.

[3]*Лопачева Л.* Зов северных просторов // Турист. 1979. № 3. С. 10–11.

[4]Самодеятельный туризм в Алтайском крае // Алтай туристский. URL: https://www.vtourisme.com/turizm-na-altae/istoriya-turizma/411-samodeyatelnyj-turizm (дата обращения: 05.03.2025).

ризма [10]. Истории самодеятельного туризма в Карелии касаются работы Т.М. Глушанок [11], Е.А. Калининой [12], А.В. Джапаридзе (Васильевой) [13–17]. Научному значению полярного туризма посвящена публикация руководителя турклуба «Скифы» Карельского государственного педагогического института В.Л. Анисимова [18].

В научной литературе полярные походы под руководством В.Д. Шацкой практически не представлены. В 2015 году вышла книга А.А. Алексеева об истории спортивного туризма в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) и России, где он приводит хронологию путешествий туристов-лыжников в Заполярье и упоминает походы В.Д. Шацкой и группы «Метелица»[5] [19]. В 2019 году появилась работа Е.Г. Лебедевой о медицинских исследованиях в «Метелице» [20]. По истории команды «Метелица» издана книга В.М. Кузнецовой и И.Б. Соловьевой [21], а также опубликованы статьи О. Комаровой[6], Р.В. Чернаковой [22]. Памяти В. Кузнецовой посвящена интернет-страница на портале путешественников «Риск»[7]. Биография В.Д. Шацкой упоминается в статье М. Галкиной[8].

Исследование проведено на основе принципов объективности и историзма с применением хронологического метода, а также ситуационного и причинно-следственного анализа. Методологическую базу работы с устными источниками составили подходы микроистории и истории повседневности. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1964 по 1991 год. Территориальные рамки – Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Ямало-Ненецкий автономный округ. Задачи исследования: составить хронологию полярных походов; проанализировать факторы развития – мотивацию участников и личностный вклад руководителя походов; реконструировать походный быт и изучить внедрение специального снаряжения в технику лыжных походов; зафиксировать долгосрочный положительный социальный эффект от проведенных экспедиций.

Поход по тундре – это проверка на умение выживать в наиболее суровой и неблагоприятной для человека среде. Районы Крайнего Севера представляют серьезные трудности для прохождения туристических маршрутов: полярный день или ночь, низкая температура воздуха (с резкой сменой температур), сильные ветры, белая мгла, метели, оторванность от «цивилизации», «узкий круг людей» [20, с. 142]. Требовались особое снаряжение, питание, физическая и психологическая устойчивость группы.

Все походы по Арктике имели определенную исследовательскую цель. В походах женской группы «Метелица» проводились медицинские эксперименты и апробация специального оборудования. В фондах Архива Российской академии наук хранится документ, который знакомит нас с результатами уникальной научной программы, выполненной в 1975 году в сложнейших условиях при температуре до −71 °С на высоте до 3,5 км над уровнем моря. Полярниц интересовали пополнение суточных энергозатрат и полноценность пищевого пайка по качественному составу, а также изменения, происходящие в организме женщины под влиянием арктических условий [20, с. 141–143].

---

[5]Женская полярная научно-исследовательская лыжная команда «Метелица» была создана в Москве в 1966 году под руководством В.М. Кузнецовой. Это единственный в мире женский коллектив, регулярно осуществлявший сложнейшие научно-спортивные экспедиции в высоких широтах Арктики и Антарктики.

[6]*Комарова О.* Арктика Александры Роговой в Клубе туристов «Золотая долина» // Библиотека им. Н.В. Гоголя. URL: https://libnvkz.ru/news/22-11-2011 (дата обращения: 02.11.2025).

[7]Легендарная «Метелица» // Risk.ru. URL: https://risk.ru/blog/13455 (дата обращения: 01.11.2025).

[8]*Галкина М.* Женская лыжня навстречу ветру. URL: http://www.kasatik.ru/galkina.aspx?stori=13 (дата обращения: 02.11.2025).

В группе полярниц у каждой участницы была своя роль – штурман, радист, доктор, инженер и т. п. Одной из легендарных штурманов «Метелицы» была Валентина Дмитриевна Шацкая.

Валентина Шацкая родилась в с. Небылое Небыловского района Владимирской области 25 марта 1942 года. Еще в школе увлеклась парашютным спортом, а в Московском энергетическом институте – спортивным туризмом[9]. Отважная лыжница одна, без ружья, дважды, в 1971 и 1972 годах, пересекла тундру и вышла к Северному Ледовитому океану. Она доезжала на поезде до Воркуты, откуда проходила по 300 км на лыжах, таща за собой санки[10].

В 1976 году В.Д. Шацкая выполняла обязанности руководителя в экспедиции группы «Метелица» на Северную Землю, но затем стала самостоятельно готовиться к арктическим походам. В 1977 году женская группа под ее руководством совершила 1000-километровый переход по побережью Таймыра от мыса Челюскин до пос. Диксон [19, с. 406].

В. Шацкая также проводила арктические исследования. Ее эксперименты касались проверки снаряжения и экипировки, выбора тактики похода, состава группы и питания. Свои наработки она описывала в научно-популярных туристических журналах «Ветер странствий» и «Турист».

В КАССР в 1964 году был создан Карельский областной совет по туризму[11], деятельность которого способствовала появлению и развитию городских и районных клубов туристов, туристских секций коллективов физкультуры. В том же году в Петрозаводском государственном университете (ПетрГУ) преподаватель физической культуры Ю.С. Ланёв[12] основал туристский клуб «Сампо», члены которого занимались организацией спортивных походов, участвовали в соревнованиях по технике пешеходного, лыжного, водного туризма, а также вели агитационную и общественную работу.

В советском периоде истории клуба можно выделить несколько этапов: 1964–1970 годы – становление клуба; 1970-е годы – расцвет массового студенческого спортивного туризма и расширение географии походов; 1980-е годы – выход на уровень спортивных походов высшей категории сложности.

Всего с 1964 по 1991 год турклубом было проведено более 600 походов. Фундамент клуба составили походы I–II категорий (70 % всех выходов), что обеспечивало постоянный приток новичков. Несмотря на статус «студенческого» клуба, 13 % походов относилось к VI и V категории сложности, что требовало высокой квалификации руководителей. В истории клуба можно проследить два пика роста – в 1975 году клуб выпустил на маршруты около 40 групп, а в 1980 году произошел настоящий бум – 64 группы[13]. Это отличный пример того, как количество походов 1970-х закономерно перешло в качественный скачок 1980-х.

---

[9]Воспоминания доктора биологических наук, океанолога О.М. Запорожца – участника походов с В.Д. Шацкой / записано А.В. Васильевой 18.11.2025. // Личный архив А.В. Васильевой.

[10]Легендарная «Метелица» // Risk.ru. URL: https://risk.ru/blog/13455 (дата обращения: 01.11.2025).

[11]Постановление президиума Карельского областного Совета профсоюзов от 1 августа 1964 года // НА РК. Ф. П-6153. Оп. 10. Д. 269. Л. 123.

[12]Юрий Степанович Ланёв (1938–2022) – педагог, мастер спорта СССР по туризму (1972). С 1964 года – преподаватель кафедры физического воспитания ПетрГУ, председатель спортивного клуба университета и студенческого союза Карелии «Буревестник», создатель туристического клуба «Сампо». Участник 16 и руководитель 11 лыжных марафонов по территории Карелии, Архангельской и Мурманской областей, Коми и Финляндии, в т. ч. марафонов Сыктывкар – Архангельск – Петрозаводск (1976), Нарьян-Мар – Архангельск – Петрозаводск (1977).

[13]Таблица категорийных походов...

Подготовка турклуба к сложным походам проходила в формате участия в заочных республиканских военно-спортивных соревнованиях молодежи на приз газеты «Комсомолец» – «Лыжня Антикайнена»[14], целью которых было привлечение жителей республики к лыжному туризму [13, с. 31]. Сначала самповцы проявляли свою физическую силу и выносливость в лыжных походах по Карелии, затем стали увеличивать километраж и вышли за ее рамки. В 1974 году студенты совершили лыжный марафон Петрозаводск – Сыктывкар длиной в 765 км, в 1976 году прошли маршрут Сыктывкар – Холмогоры – Петрозаводск, равный 1263 км, в 1977 году одолели расстояние в 1612 км между Нарьян-Маром и Петрозаводском по тайге.

Самповцы, путешествуя в лесных условиях, использовали брезентовое снаряжение, шатер с печкой и костер для приготовления пищи. Особенность нарьянмарского марафона это «испытание тайболой»[15] – нахождение в обширных таежных лесах. Температура опускалась до –47 °С. Ломались лыжи, лопались струны на гитарах, но молодые лыжники упорно шли вперед в среднем по 50 км в день. В пути приходилось самостоятельно прокладывать лыжню. За физическим состоянием группы следил студент-медик Ф. Романов [3, с. 24; 58]. Психологическое состояние участников было в норме: группа многочисленная, все друг друга знали, лес являлся укрытием от сильного ветра, можно было согреться у костра и на теплых ночевках.

На рубеже 1970–1980-х годов благодаря их собственной подготовленности и руководству полярницы – В.Д. Шацкой, с которой Ю.С. Ланёву довелось познакомиться в 1976 году на совещании в Центральном совете по туризму, для студентов ПетрГУ стали доступны зимние походы по Полярному Уралу, побережью Карского моря, полуострову Ямал.

В 1977 году В. Шацкая предложила одному из членов турклуба «Сампо» стать участником экспедиции по маршруту Хальмер-Ю[16] – Амдерма. Выбор пал на студентку исторического факультета Э. Вийри (Романову).

Так, в статье о походе 1977 года В. Шацкая написала о турклубе «Сампо»: «Ребята совершают длительные и сложные путешествия в тайге, в горах. Но опыта походов по зимней тундре у них пока не было. Потому и отдали нам Элину в ученье. Ее необычная стойкость духа, общительный характер, доброта вызывают восхищение» [6, с. 60]. Акцент на характере участницы сделан не случайно – Валентина Дмитриевна проводила эксперимент с составом группы. Участники были разными по возрасту, опыту, образованию и характеру, но все они имели хорошую физическую и техническую подготовку [6, с. 56]. Поход прошел благополучно. Успех полярных походов во многом зависит от умения руководителя подобрать группу. Чем выше уровень совместимости членов туристской группы, тем выше продуктивность группы.

В следующий поход с полярницей на Усть-Кару отправились самповцы В. Макаров и А. Пыжин. Тундра карельским участникам понравилась. Это было интересно и ново.

---

[14]«Лыжня Антикайнена» – массовые молодежные военно-спортивные соревнования и туристские лыжные походы по местам боевой славы, проходившие в Карелии в 1968–1988 годах. В рамках соревнований, учрежденных газетой «Комсомолец», молодежные отряды совершали многодневные автономные зимние переходы. Название дано в честь легендарного 1100-километрового боевого рейда лыжного отряда курсантов под командованием Тойво Антикайнена в январе 1922 года. Соревнования стали ключевым фактором развития массового самодеятельного туризма в регионе.

[15]Та́йбола – «густая, проходимая только зимой чаща», арханг., пинежск., мезенск., “дорога в лесу”, кольск. заимств. из карельск. taibale- (им. п. ед. ч. taival), фин. taival, taipale, род. п. taipaleen “перешеек” (*Фасмер М.Р.* Этимологический словарь русского языка. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/48557/тайбола (дата обращения: 19.01.2017)).

[16]Хальмер-Ю – поселок в 70 км к северо-востоку от г. Воркуты, в 1996 году ликвидирован.

Руководитель турклуба Ю.С. Ланёв «загорелся» участвовать и проводить тундровые маршруты. Весной 1979 года был совершен весенний поход от Хальмер-Ю до поселка Варандей[17]. В составе команды были В. Шацкая, В. Клопова, Г. Попова, самповцы – Ю.С. Ланёв, В. Рыбаков, руководил В. Власов. Об этом путешествии не удалось обнаружить никаких данных.

В конце 1979 – начале 1980 года на полуостров Ямал, по маршруту мыс Каменный – мыс Харасавэй в полярную ночь под руководством В. Шацкой отправились самповцы В. Рыбаков, В. Макаров и И. Воронов. По воспоминаниям студента лесоинженерного факультета Ивана Воронова: «31 декабря мы вышли на маршрут, закончили его 22 января. Пересекли Ямал с мыса Каменного до мыса Харасавэй. 22 дня. Использовали примуса. Ветер был сильный. Шли в сумерках, без фонариков, без джипиэс, только компас и голова Шацкой»[18]. Об ее умении ориентироваться в полярную ночь ходили легенды[19].

В лыжном походе по Полярному Уралу в конце 1980 – начале 1981 года участницей от турклуба «Сампо» стала студентка-филолог Надежда Ровенко. Группа двигалась с санями-нартами и без костра. Валентина Шацкая испытывала новую застежку «липучку», ела только рис. Новый год туристы традиционно встречали на маршруте. В группе было всего 6 человек. Туристы осваивали строительство снежного убежища – иглу, пытались учиться вырезать из снега кирпичи для ветрозащитной стенки, но мешали холод и сильный ветер.

Как студенты могли подготовиться к таким походам? Э. Вийри рассказывала: «Я боялась маме сказать, куда иду. Все общение с Шацкой было по телефону, я даже ее не видела, чтобы мне внятно объяснили, что нужно для подготовки. Юрий Степанович успокоил "лыжи мы тебе найдем". Нужна была одежда, мы пошли к В.Ф. Сайкову[20] – он был во главе туризма. В городском турклубе мне выдали водолазный костюм из верблюжьей шерсти – штаны и свитер и выдали пуховку…»[21].

В магазинах специальное снаряжение не продавалось. Для подготовки к таким путешествиям у В.Д. Шацкой были свои наработки. Во-первых, для создания снегоотталкивающей экипировки разрезали парашюты, приобретенные в воинских частях, и из них шили анораки, бахилы, палатки, мешки для нарт. Во-вторых, металлические крепления на специальных широких деревянных лыжах «Бескед» с металлическим кантом заменили на стропы. В-третьих, в пластиковые санки с нартовым мешком укладывали 40 кг снаряжения, продуктов, в рюкзаке за плечами несли около 20 кг. В-четвертых, для сна использовали венгерские трехместные спальные мешки (или покупали синтепон и шили сами). В-пятых, была специальная система для приготовления пищи – алюминиевый складывающийся кожух и пенопластовая подставка, на которую ровно ставились два примуса. Были также самодельные скороварки по принципу автоклава. Их специально для похо-

---

[17]Вахтовый поселок на берегу Печорского моря. Был официально закрыт в 2000 году, в 2019 году там проживали около 20 человек (русских и ненцев).

[18]Интервью с И.Е. Вороновым – членом турклуба «Сампо» / записано А.В. Васильевой 23.02.2022. // Личный архив А.В. Васильевой.

[19]*Комарова О.* Арктика Александры Роговой в Клубе туристов «Золотая долина». URL: https://libnvkz.ru/news/22-11-2011 (дата обращения: 02.11.2025).

[20]В.Ф. Сайков (1925–2007) – ветеран Великой Отечественной войны, с 1976 года руководитель контрольно-спасательной службы Карелии.

[21]Интервью с Э.Э. Романовой – членом турклуба «Сампо» / записано А.В. Васильевой 02.11.2016. // Личный архив А.В. Васильевой.

да сваривали из пищевого алюминия: вставляли редуктор и датчики давления[22].

Понимая сложность походов, все участники группы перед отправлением проходили проверку на велотренажерах и даже ездили в московский институт[23] на диспансеризацию. После похода также периодически проверяли состояние здоровья[24].

Авторитет Шацкой в группе был непререкаем. Из воспоминаний Н. Ровенко: «Мне перед отъездом дали наказ: не подвести! И я превзошла себя, такой дисциплинированной я никогда не была. Я очень старалась. Были дни под минус 40, это с ветром, меня валило с ног и, чтобы я никуда не улетела, меня привязывали веревкой к впереди и позади идущему»[25].

В описанном выше походе с участием В. Макарова и А. Пыжина случилась чрезвычайная ситуация. В составе группы также были уже упомянутые В. Клопова и Г. Попова, трое мужчин из Москвы и один из Минска. Из воспоминаний В. Макарова: «Мы тогда попали в стрессовую ситуацию. Пурговали и морозы были за тридцать, с ветром – сорок… у двоих москвичей пальцы обморозились, у Пыжика мясо снимали. Запурговали. Москвичи идти не могли. Мы с Шацкой выскочили к морю Карскому и вдвоем дошли до избушки. Она район очень хорошо знала. Женщина удивительная. У нее какое-то шестое или седьмое чувство. Идем, я говорю: “Смотри, какая скала!” Она отвечает: “Это не скала, это изба”. Подходим, точно, ненцы живут. У них две упряжки собак. С ними съездили, забрали всех ребят и три дня просидели в этом домике. Пурги не было, но москвичи идти уже не могли. Тогда до Усть-Кары 70 км оставалось. Мы сделали такой бросок: 20–30 км с Сашкой Пыжиным прошли, а у него аритмия началась, сердце забарахлило, оставили его еще у одного охотника. А мы с Шацкой дальше еще полтинник [50 км] пробежали. А в Усть-Каре позвонили в Воркуту с радиостанции и вертолет спасателей вызвали, а потом вездеходом всех вытащили»[26]. Возможности отдельных членов группы поражают – сделать бросок на лыжах в 70 км, чтобы найти связь! Руководитель ситуацию из-под контроля не выпустила.

Уровень сложности путешествий можно представить по комментарию И. Воронова, что в 1980-м на Ямале он так «наелся», что больше не хотелось ходить в лыжные походы[27]. Отторжение к зимним походам впоследствии испытывали многие участники.

Но, несмотря на чрезвычайные обстоятельства, участники запоминали яркие моменты: «Мы пришли на точку, где встречали новый 1981 год, поставили Валину [Шацкой] шатровую палатку из разноцветных кусков парашютного шелка на пересечении трех “линий” – Северного Полярного круга с границей Европы и Азии и смены десятилетий (с 1970-х на 1980-е). В полночь зажгли в палатке свечи и отошли поодаль. Палатка светилась разными цветами, как волшебный фонарь... В это время на небе вспыхнуло красивейшее Полярное сияние, такое, что я не вспомню ни до, ни после (а я их видел немало)»[28]. Красоты Севера надолго оставались в памяти.

Анализ воспоминаний создал следующий портрет руководителя полярных походов: В.Д. Шацкая жила в Подмосковье одна, в старом доме с печным отоплением. Она совершенно не об-

---

[22]Интервью с В.Н. Макаровым – членом турклуба «Сампо» / записано А.В. Васильевой 11.07.2016. // Личный архив А.В. Васильевой.

[23]Арктический и антарктический научно-исследовательский институт.

[24]Интервью с В.Н. Макаровым...

[25]Воспоминания Н.В. Ровенко // Личный архив А.В. Васильевой.

[26]Интервью с В.Н. Макаровым...

[27]Интервью с И.Е. Вороновым...

[28]Воспоминания... О.М. Запорожца...

ращала внимания на бытовые условия и на то, как она выглядит. Между походами работала в разных местах – долгое время метеорологом в московском гидрометцентре, на Апрелевском заводе грампластинок, дворником. Самое главное, что все чувствовали и понимали: она жила своим уникальным внутренним миром. Членов туристской группы Валентина Шацкая притягивала своей фанатичной любовью к северным путешествиям. В походах она рассказывала о предыдущих экспедициях, сочиняла стихи, описывая краски Арктики и окружающую действительность. Валентина Дмитриевна любила шутить и смеяться, была непосредственной и в то же время отличалась упрямством. Это была самобытная и удивительная женщина – настоящий уникум. Она поражала своей психологической устойчивостью: в стрессовых ситуациях, когда многие срывались, она оставалась спокойной. Кроме того, Валентина Дмитриевна обладала хорошими знаниями и интуицией для ориентирования.

Дружба самповцев с В. Шацкой продолжалась многие годы. Она приезжала на день рождения клуба, на юморины, а члены «Сампо» в свою очередь бывали у нее в гостях в подмосковной Апрелевке.

В лыжные походы на край земли карельские туристы продолжали ходить самостоятельно. В 1981 году В. Макаров руководил лыжным походом IV категории сложности на Полярном Урале. В 1982 году В. Рыбаков был участником похода VI категории сложности в Якутию (руководитель – Разумовский).

В 1985 году А. Пыжин совершил первый поход IV категории сложности по маршруту Хальмер-Ю – Байдарацкая губа – полуостров Ямал. Участниками группы стали А. Богданов, В. Зайков, А. Пыжин, Е. Клименко и две отважных женщины – Н. Антюкова и Л. Фомина. [29]

В 1989 году в лыжный поход IV категории сложности на Полярный Урал отправилась группа В. Смирнова. В 1991 году с зимним Полярным Уралом познакомилась группа В. Фофанова.

Самповцы усвоили основные принципы полярных походов: не оставлять отстающих, внимательно относиться к людям, уметь ориентироваться по звездам, ветру, памяти, не терять самообладание, бороться с влажностью, во многих ситуациях спасаться юмором. Карельские туристы научились физически готовиться к полярным походам, изготавливать необходимое снаряжение, подбирать питание.

Таким образом, возникновение полярного направления в турклубе «Сампо» обусловили наработанная в Карелии практика лыжных многокилометровых марафонов и опыт, переданный сильнейшей полярницей, руководителем арктических экспедиций В.Д. Шацкой. Под ее руководством в период с 1977 по 1981 год были проведены 5 походов:

- конец 1977 – начало 1978 года – Полярный Урал, Хальмер-Ю – Амдерма;
- 1978 год – Полярный Урал, Усть-Кара;
- 1979 год – Большеземельская тундра, Хальмер-Ю – Варандей;
- конец 1979 – начало 1980 года – полуостров Ямал, мыс Каменный – мыс Харасавэй;
- конец 1980 – начало 1981 года – Полярный Урал.

Участниками первых полярных походов стали сильнейшие члены турклуба – Э. Вийри, И. Воронов, Ю. Ланёв, В. Власов, А. Пыжин, В. Макаров, Н. Ровенко, В. Рыбаков.

Анализ субъективного опыта респондентов показал, что мотивацией для участия в походах были познание неизведанного, проверка своих возможностей, желание научиться новому и передать опыт другим членам клуба, а также приобщение к судьбе уникальной путешественницы. Для лидеров туристского движения походы по Арктике были способом оценить внутренние силы человека. С прикладной точки зрения, путешественники стремились понять особенности и закономерности похода в полярную ночь, чтобы передать полученные навыки работающим на Севере метеорологам, морякам, спасателям и другим специалистам.

[29]Воспоминания А.В. Богданова – члена турклуба «Сампо» // Личный архив А.В. Васильевой.

Валентина Шацкая – легендарная полярница, обладающая всеми качествами лидера, стремящаяся постичь человеческие возможности, получить новые научные знания для организации безопасных активных путешествий в Артике. Память о ней – это неотъемлемая часть коллективной памяти членов турклуба «Сампо».

Анализ воспоминаний участников и руководителя полярных походов помог реконструировать детали походной повседневности. Многокилометровые походы с нартами, ограниченным питанием, постоянным пребыванием на холоде, установкой шатра в метель были изнуряющими, но при этом интересное общение, наблюдение за красотами Арктики, погружение в себя и взаимовыручка превращали их в уникальный жизненный опыт.

Влияние полярных походов на развитие спортивного туризма в Карелии можно оценить по всплеску туристской активности в 1979–1982 годах[30] и росту спортивного мастерства туристов. Три участника полярных походов достигли звания мастера спорта по туризму: В. Власов – в 1981, В. Фофанов – в 1992, И. Воронов – в 2005 году. В. Смирнов стал первым в Карелии мастером спорта по лыжному туризму в 2001 году [4, с. 90].

Фокусировка на полярных походах как одной из частей истории регионального студенческого турклуба «Сампо» показала, что он встал в один ряд с крупными городскими турклубами и специализированными экспедиционными группами, такими как экспедиция газеты «Комсомольская правда» (под руководством Д. Шпаро), женская команда «Метелица» (Москва), турклуб «Меридиан» (Пермь), городские и университетские турклубы Москвы, Ленинграда, Свердловска, Рязани, имевшие сильнейшие лыжные секции (например, при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова или Уральском политехническом институте), полярные походы которых в 1970-е годы были высшим пилотажем советского самодеятельного туризма [17, с. 404–408].

Выпускники турклуба «Сампо» (Н.А. Антюкова, Э.Э. Романова, И.Е. Воронов, В.Б. Фофанов) стали педагогами дополнительного образования и полученный туристский опыт передавали детям. В трудные 1990-е годы это обеспечило выживание турклубов в Карелии. Участие Ильи Матросова (воспитанника Э. Романовой) в экспедиции Матвея Шпаро к Северному полюсу в 2008 году стало символическим продолжением истории полярных походов [5, с. 100]. Пройденный им путь к полюсу связывает советскую школу «Сампо» и современный арктический туризм.

Таким образом, походы турклуба «Сампо» в Заполярье на рубеже 1970–1980 годов способствовали росту спортивного мастерства туристов Карелии. Уникальный опыт тундровых маршрутов дал большое преимущество и потенциал тренерскому активу для подготовки туристских кадров на протяжении последующих 30 лет. И сегодня полярные походы выполняют научную и образовательную функции, вырабатывают методы обеспечения безопасности жизнедеятельности человека, готовят молодежь к работе в сложных условиях, создают привлекательный образ жизни на Севере.

Список литературы

1. *Свердлов Л.М., Чуков В.С.* Путями первопроходцев: к 275-летию Великой Северной экспедиции, 1733–1743 гг. История и современность. М., 2009. 319 с.

2. *Усыскин Г.С.* Очерки истории российского туризма. СПб., 2000. 224 с.

3. *Ланёв Ю.С., Ланёва Т.В.* Лыжные марафоны турклуба «Сампо». Петрозаводск, 2011. 173 с.

[30]Таблица категорийных походов...

4. Судьба по имени «Сампо»: Посвящается Ю.С. Ланёву и турклубу «Сампо». Петрозаводск, 2013. 256 с.
5. Юрий Степанович Ланёв. Наследие / сост. Т.В. Ланёва, А.В. Васильева, Е.Ф. Марковская. Петрозаводск, 2024. 284 с.
6. *Шацкая В.* Под знаком Большой Медведицы // Ветер странствий: альманах. Вып. 14. / сост. Л. Трипольский. М., 1979. С. 55–62.
7. *Баталова Л.В.* История формирования и развития самодеятельного туризма // Вестн. Нижегород. гос. ун-та. 2013. № 6-1. С. 271–276.
8. *Клетнова Л.С.* История развития самодеятельного туризма в Байкальском регионе (1960–2000 гг.) // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. 2011. № 3(50). С. 240–247.
9. *Кружков Д.А., Немцова В.О.* Становление и развитие самодеятельного туризма в России // Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. Краснодар, 2016. Т. 1. С. 110–112.
10. *Голубева О.А.* Система организации туризма в СССР по материалам Челябинской области в 1934–1991-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 245 с.
11. *Глушанок Т.М.* История туризма Карелии. Петрозаводск, 2018. 176 с.
12. *Калинина Е.А.* От военно-физкультурной кафедры к Институту физической культуры, спорта и туризма (исторический очерк). Петрозаводск, 2021. 343 с.
13. *Джапаридзе (Васильева) А.В.* История военно-спортивных соревнований «Лыжня Антикайнена» // Уч. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2015. № 1(146). С. 30–33.
14. *Джапаридзе (Васильева) А.В.* История спортивного туризма в Петрозаводском государственном университете на примере клуба туристов «Сампо» // Развитие физической культуры, спорта и туризма: опыт регионов: материалы конф. Ин-та физ. культуры, спорта и туризма Петрозавод. гос. ун-та. Петрозаводск, 2016. С. 69–73.
15. *Джапаридзе (Васильева) А.В.* К вопросу о материальной базе самодеятельного туризма в 1960-х – начале 1980-х годов // Уч. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2017. № 1(162). С. 41–45.
16. *Васильева А.В., Чингина Е.Н.* Преподавание элективного курса «Спортивно-оздоровительный туризм» и традиции работы студенческого туристского клуба «Сампо» в Петрозаводском государственном университете // Актуальные вопросы состояния и развития рекреации, спортивно-оздоровительного и детско-юношеского туризма: материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. участием (РУС «ГЦОЛИФК») / под ред. И.А. Дрогова, Д.В. Смирнова. М., 2023. С. 128–131.
17. *Васильева А.В.* Система подготовки туристских кадров в Карелии в 1980-е годы // Уч. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2024. Т. 46, № 2. С. 45–51. http://dx.doi.org/10.15393/uchz.art.2024.1007
18. *Анисимов В.Л., Герасимов С.Ф., Мухин В.С.* Влияние зимних туристических походов в районах Севера на функциональное состояние организма // Адаптация человека к условиям севера / Биологические проблемы Севера. VII симпозиум. Петрозаводск, 1976. С. 16–17.
19. *Алексеев А.А.* Спортивный туризм в СССР и России (к истории развития). М., 2015. 468 с.
20. *Лебедева Е.Г.* Женская команда «Метелица» – исследователи Арктики // Архивный поиск: электрон. сб. науч. ст. и публ. Вып. 1. М., 2019. С. 136–147.
21. *Кузнецова В.М., Соловьёва И.Б.* Метелица у полюсов земли. М., 2011. 224 с.
22. *Чернакова Р.В.* Международные экспедиции легендарной полярной команды «Метелица». К 55-летию старейшей некоммерческой организации в России // Полярные чтения – 2022. Международное сотрудничество в Арктике и Антарктике: история и современность. М., 2023. С. 243–250.

References

1. Sverdlov L.M., Chukov V.S. *Following in the Footsteps of the Pioneers. On the 275th Anniversary of the Great Northern Expedition, 1733–1743. History and the Present Day*. Moscow, 2009. 319 p. (in Russ.).
2. Usyskin G.S. *Essays on the History of Russian Tourism*. Moscow, 2000. 224 p. (in Russ.).
3. Lanev Yu.S., Laneva T.V. *Ski Marathons of the "Sampo" Travel Club*. Petrozavodsk, 2011. 173 p. (in Russ.).
4. *A Destiny Named "Sampo": Dedicated to Yuriy S. Lanev and the "Sampo" Travel Club*. Petrozavodsk, 2013. 256 p. (in Russ.).
5. *Yuriy Stepanovich Lanev. Legacy.* Petrozavodsk, 2024. 284 p. (in Russ.).

6. Shatskaya V. Under the Sign of the Big Dipper. *Veter stranstviy. Al'manakh*. Vol. 14. Moscow, 1979, pp. 55–62 (in Russ.).
7. Batalova L.V. The History of the Formation and Development of Amateur Tourism. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 6-1, pp. 271–276 (in Russ.).
8. Kletnova L.S. History of the Development of Amateur Tourism in the Baikal region (1960–2000). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2011, no. 3, pp. 240–247 (in Russ.).
9. Kruzhkov D.A., Nemtsova V.O. The Development of Amateur Tourism in Russia. *Proceedings of Scientific and Scientific-methodical Conference of the Academic Staff of Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism.* Krasnodar, 2016, vol. 1, pp. 110–112 (in Russ.).
10. Golubeva O.A. *The Tourism Organization System in the USSR Based on Materials from the Chelyabinsk Region in 1934–1991*: Diss. Chelyabinsk, 2010. 245 p. (in Russ.).
11. Glushanok T.M. *History of Tourism in Karelia*. Petrozavodsk, 2018. 176 p. (in Russ.).
12. Kalinina E.A. *From the Military Physical Education Department to the Institute of Physical Education, Sports, and Tourism (Historical Essay)*. Petrozavodsk, 2021. 343 p. (in Russ.).
13. Dzhaparidze (Vasil'eva) A.V. History of the Military Sports Competition "Antikainen Ski Track". *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 1, pp. 30–33 (in Russ.).
14. Dzhaparidze (Vasil'eva) A.V. History of Sports Tourism at Petrozavodsk State University: The Case of the "Sampo" Tourist Club. *Development of Physical Culture, Sports and Tourism: Regional Experience: Proceedings of the Conference of Institute of Physical Education, Sports and Tourism at Petrozavodsk State University*, 2016, pp. 69–73 (in Russ.).
15. Dzhaparidze (Vasil'eva) A.V. On the Material Resources for Amateur Tourism in the 1960s – Early 1980s. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 1, pp. 41–45 (in Russ.).
16. Vasil'eva A.V., Chingina E.N. Teaching the Elective Course "Sports and Health Tourism" and the Traditions of the "Sampo" Student Tourist Club at Petrozavodsk State University. *Current Issues of Recreation, Sports and Health, Children's and Youth's Tourism: Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*, Moscow, 2023, pp. 128–131 (in Russ.).
17. Vasil'eva A.V. The System of Tourism Personnel Training in Karelia in the 1980s. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2024, vol. 46, no. 2, pp. 45–51 (in Russ.). http://dx.doi.org/10.15393/uchz.art.2024.1007
18. Anisimov V.L., Gerasimov S.F., Mukhin V.S. The Impact of Winter Hiking in the Northern Regions on the Functional State of the Body. *Human Adaptation to North Conditions. Biological Problems of the North. The 7th Sympozium.* Petrozavodsk, 1976, pp. 16–17 (in Russ.).
19. Alekseev A.A. *Sports Tourism in the USSR and Russia (Historical Development)*. Moscow, 2015. 468 p. (in Russ.).
20. Lebedeva E.G. Women's Team "Metelitsa" – Arctic Explorers. *Archival Search: Electronic Collection of Scientific Papers.* Moscow, 2019, pp. 136–147 (in Russ.).
21. Kuznetsova V.M., Solov'yova I.B. *Metelitsa at the Poles*. Moscow, 2011. 224 p. (in Russ.).
22. Chernakova R.V. Legendary Polar Team "Metelitsa". Celebrating the 55th Anniversary of the Oldest Non-Profit Organization in Russia. *Polar Readings – 2022. International Cooperation in Arctic and Antarctic: History and the Present Day*. Moscow, 2023, pp. 243–250 (in Russ.).

Информация об авторе
А.В. Васильева *– старший преподаватель кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета.*

Information about the author
Anna V. Vasil'eva*, Senior Lecturer at the Department of Russian History, Petrozavodsk State University.*

Поступила в редакцию 25.12.2025
Одобрена после рецензирования 19.02.2026
Принята к публикации 27.02.2026

Submitted 25 December 2025
Approved after reviewing 19 February 2026
Accepted for publication 27 February 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 29–39.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 29–39.

Научная статья
УДК 94(470.32)"1918/1922"(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V525

Военно-политический вождизм в Черноземье весной 1918 года

Михаил Егорович Разиньков
Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, Воронеж, Россия,
razinkov_mihail@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2175-9759

Аннотация: Весной 1918 года в губерниях Центрального Черноземья ярко проявился феномен военно-политического вождизма, т. е. ситуации, когда военные командиры пытались контролировать политическую власть. Несмотря на большое количество исследований, касающихся этого вида политического лидерства в период Гражданской войны, следует отметить отсутствие специальных работ по Центральному Черноземью, которые изучали бы данное явление комплексно, указывали бы на его место в складывающейся политической системе. Итогом стало отсутствие системных знаний о военно-политическом вождизме на территории, которую практически постоянно контролировал большевистский режим. В основной части исследования собраны наиболее яркие примеры военно-политического вождизма, указывается на многоуровневость данного явления. Военно-политический вождизм охватил не только губернские, но и уездные, и даже волостные центры. Рассмотрены диктатура И.П. Сухоносова, режимы М.В. Слувиса – Е.Н. Забицкого, Г.К. Петрова, М.М. Сахарова и др. Военно-политический вождизм весны 1918 года представляется универсальным явлением, т. е. характерным и для прочих регионов, контролируемых большевистским режимом. При этом подчеркивается кратковременность существования такой исторической альтернативы формирования советской политической элиты. В заключении указывается, что советская политическая система уже в 1918 году была способна справиться с попытками отдельных ярких лидеров установить политическую диктатуру. Делается предположение о том, что подобные попытки не имели под собой устойчивой социальной базы в крестьянском регионе, в отличие от казачьих территорий, где антибольшевистские режимы чаще всего были военно-политическими диктатурами с лидерами вождистского типа. Высказано сомнение в необходимости применения термина «бонапартизм» по отношению к военно-политическому вождизму Центрального Черноземья как явлению кратковременному, безуспешному и недостаточно масштабному.
Ключевые слова: *Центральное Черноземье, Гражданская война в России, 1918 год, вождизм, диктатура, бонапартизм*

Для цитирования: Разиньков М.Е. Военно-политический вождизм в Черноземье весной 1918 года // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 29–39. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V525

© Разиньков М.Е., 2026

Original article

Military-Political Leadership in the Black Earth Region in the Spring of 1918

Mikhail E. Razin'kov
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia,
razinkov_mihail@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2175-9759

Abstract. In the spring of 1918, the phenomenon of military-political leaderiship, i. e. a situation when military commanders attempted to control political power, clearly manifested itself in the provinces of the Central Black Earth Region (warlordism). Despite the large number of studies concerning this type of political leadership during the Civil war, it should be noted that there are no special works on the Central Black Earth Region that would study this phenomenon comprehensively and indicate its place in the emerging political system. The result was a lack of systematic knowledge about military-political leadership in the territory that was almost constantly controlled by the Bolshevik regime. The main part of the study collects the most striking examples of military-political leadership, pointing out the multi-layered nature of this phenomenon, which encompassed not only provincial, but also district and even volost centres: the dictatorship of I.P. Sukhonosov, the regimes of M.V. Sluvis – E.N. Zabitskiy, G.K. Petrov, M.M. Sakharov, and others. The military-political leadership of the spring of 1918 is also presented as a universal phenomenon, i. e. characteristic of other regions controlled by the Bolshevik regime. The short-lived nature of this historical alternative for the formation of the Soviet political elite is emphasized. The conclusion points out that the Soviet political system was already capable of coping with the attempts of individual prominent leaders to establish a political dictatorship in 1918. It is suggested that such attempts lacked a stable social base in the peasant region, unlike in the Cossack territories, where anti-Bolshevik regimes were most often military-political dictatorships with leader-like leaders. Doubts are expressed about the need to apply the term "Bonapartism" to the military-political leadership of the Central Black Earth Region, as it was a short-lived, unsuccessful, and insufficiently large-scale phenomenon.
Keywords: *Central Black Earth Region, Civil war in Russia, 1918, warlordism, dictatorship, Bonapartism*

For citation: Razin'kov M.E. Military-Political Leadership in the Black Earth Region in the Spring of 1918. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 29–39. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V525

Введение. Поражение красных на Украинском фронте Гражданской войны стало очевидным к началу весны 1918 года. Военная угроза, подступавшая к Центральному Черноземью с западных рубежей, повлияла на состав местного руководства [1]. Доминировавшие в регионе леворадикальные политики получили конкурентов в лице командиров, желавших установить «революционный порядок» в тылу, поэтому в марте–мае 1918 года здесь возникла перспектива установления диктатуры военных.

С таким типом военно-политического вождизма в исторической литературе принято ассоциировать термины «бонапартизм», «атаман/атаманщина», «партизан/партизанщина», «вожак».

Происхождение термина «бонапартизм» отсылает к историческим деятелям, боровшимся за власть ради власти (Наполеон Бонапарт, Наполеон III). В советской исторической литературе с «бонапартизмом» принято было ассоциировать попытки сотрудничества политиче-

ского режима А.Ф. Керенского с «военщиной» летом–осенью 1917 года [2; 3].

Амбициозные лидеры-вожди стали появляться в Черноземье уже в самом начале революции. Однако, если исторические «наполеоны» стремились совмещать политику с военными успехами, то российские политики регионального уровня вооруженные силы не контролировали. Поэтому в условиях разложения государственных институтов на местах закономерностью было появление военных лидеров, стремившихся сосредоточить у себя политическую власть.

Известны военные вожди антибольшевистской России: атаманы казачьих войск [4–6], основатели Белых армий [7, с. 198–211; 8–10], лидеры крестьянского повстанчества [11–13]. Деятельность многих из них (хотя далеко не всех) укладывается в понятие «атаманщина». Как правило, это были военные, сумевшие взять под контроль политическую ситуацию, установить военную диктатуру либо «народный режим», опирающийся на военную силу. А.В. Ганин отмечал, что «одним из факторов, предопределивших поражение белых, являлась атаманщина. В силу обширности территории, контролировавшейся белыми на Востоке страны, местные начальники приобретали своеобразный статус "удельных князей", проводивших свою собственную политику и считавшихся с приказами центра лишь постольку, поскольку они сами этого хотели. Атаманщина была связана не обязательно лишь с казачьими деятелями. Такая линия была характерна и для тех, кто прямого отношения к казачеству не имел» [14, с. 184]. В число «атаманов», самостоятельных военных вождей, он включает не только Г.М. Семенова, но и, например, Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга, М.Г. Дроздовского [14, с. 148, 184].

Военно-политический вождизм на советских территориях как функциональное явление советской политической системы скрывается под расплывчатым термином «партизанщина» и, как следствие, остается за скобками исследований. При этом белые также использовали термин «партизан» по отношению к своим военачальникам.

Судя по публикуемым обзорам иностранных источников, за рубежом проблема военно-политического вождизма изучается через призму биографий наиболее известных лидеров [15–18]. Однако в англоязычной историографии Гражданской войны по отношению к военно-политическому лидерству применяется специальный термин 'warlordism' [19–21].

Стоит отметить, что все вышеприведенные понятия – продукт политического языка эпохи, а не строго научные термины. Смыслы, которые вкладывались в них современниками, а вслед за ними и исследователями, могут взаимоотрицать друг друга, описывать политический/социальный институт и одновременно ситуацию. Так, слово «атаман» описывает и руководителя казачьего протогосударства, и военного лидера, и главаря бандитов. В работе одного из авторитетных исследователей можно встретить объединение таких явлений, как «партизанщина», «атаманщина», «бонапартизм», в некий цельный феномен: «Но обстановка "революционной войны" полностью разрушает все традиционные основы и устои регулярной армии, заменяя ее, в сущности, "партизанщиной" и рождаемой последней – "атаманщиной". Вчерашний прапорщик, поручик или капитан в момент взлетает в генералы: генерал Бонапарт был для этих выскочек непревзойденно впечатляющим примером и образом. Он выдвигался благодаря своим талантам, личным подвигам, храбрости, природной сообразительности, авантюризму – по заслугам, а не по номенклатуре» [22, с. 149].

В проведенном ранее исследовании с опорой на те образы, которыми оперировали современники, были выделены типажи белых вождей: «белый рыцарь», «генерал-партизан», «генерал-политик» [23]. Если проанализировать их через призму вышеприведенной терминологии, то окажется, что все выделенные типажи сочетают в себе черты и «бонапартизма», и «атаманщины». Иначе говоря, следование за образной терминологией современни-

ков, скорее всего, является «путем в никуда» с точки зрения научного анализа и классификации. Кроме того, отсутствие четких границ между рассматриваемыми понятиями дает возможность трактовать биографии конкретных личностей тенденциозно, представляя одних и тех же лидеров либо бандитами, либо самоотверженными борцами за советскую/антисоветскую власть, уважаемыми людьми [24, с. 77–80]; типы лидеров-антиподов, лидеров различного функционального назначения начинают скрываться за единым термином «вождь».

В связи с этим применение термина «вождизм» также является не вполне желательным. Употребляя его, давая определение, автор стремится указать на неприменимость данного термина как категории научного анализа из-за недостаточной его четкости. В его понимании военно-политический вождизм подразумевает стремление военного руководителя контролировать политическую власть, т. е. он более близок к понятию «атаманщина». Однако на подконтрольной большевикам территории этот термин по отношению к местным военно-политическим лидерам не применялся. Функциональное назначение подобного рода вождизма в большевистской России до сих пор не понято до конца. Не объясняется его быстрый крах в «большевистских» губерниях, в то время как антибольшевистские режимы сплачивались именно вокруг военно-политических лидеров.

Цель исследования – изучить проявления военно-политического вождизма в губерниях Центрального Черноземья весной 1918 года, определить его место в политической системе «октябрьской власти», проанализировать военно-политический вождизм и его особое функциональное значение в эволюции системы революционной власти.

В период с конца 1917 по начало 1918 года на первых позициях «октябрьского режима» в регионе находились революционеры-политики. Но уже в начале весны 1918 года произошла существенная милитаризация власти.

Военные в политической власти региона присутствовали и раньше. Их легко отличить на фотографиях по шинелям и гимнастеркам, они любили позировать в характерных папахах военного образца. Однако, как правило, это были активисты из солдат, унтер-офицеров и низших офицерских кадров. Гораздо более ярко военно-политический вождизм, несомненно, обозначил себя летом 1917 года, его вызвали к жизни многочисленные конфликты как в столице, так и в изучаемом регионе: июньские и июльские мятежи по поводу отправки частей на фронт, корниловщина, нарастающее крестьянское погромное движение. В губерниях Центрального Черноземья проявления такого типа лидерства были направлены скорее на поддержку Временного правительства, нежели против него.

Рост значения военных лидеров в регионе связан с немецкой операцией «Фаустшлаг», приведшей к оккупации значительной части Украины и Белоруссии, а также с дальнейшим продвижением немцев, несмотря на заключение Брест-Литовского мира. Через железную дорогу в г. Курске, а часто и пешим ходом в регион стали отступать отряды разгромленных красных.

В начале марта 1918 года в г. Орел, куда эвакуировался из г. Могилева ряд управлений Ставки, прибывает бронедивизион (17 броневиков, 500 чел.) под командованием И.П. Сухоносова. Это был военный вожак, по некоторым сведениям, бывший путиловский рабочий и анархист. Получив от Совета полномочия комиссара по охране города, И.П. Сухоносов уже к 7 марта 1918 года предложил «вырезать всех буржуев» Орла. На созванном совещании он потребовал себе диктаторских полномочий и отстранил от управления местный Совет. Последний, однако, сумел опереться на прибывший с фронта 142-й Звенигородский полк, и 14–15 марта в городе произошло вооруженное столкновение с участием броневиков и артиллерии. И.П. Сухоносов привлек на свою сторону железнодорожников, но, в конечном итоге, был вынужден пойти на уступки, а 17 марта арестован. Суд над ним состоялся только через год, в феврале 1919 года, и, несмотря на реше-

ние о четырехлетнем тюремном заключении, его вскоре освободили, отправив военным начальником на Черниговщину. В дальнейшем Сухоносов перешел на сторону деникинцев и был расстрелян красными в том же 1919 году [25, с. 164–165][1].

В апреле 1918 года военно-политический вождизм проявил себя в губернском городе Курске. Отступавшие с Украины части Красной армии подняли бунт и помощник командующего войсками Курской губернии М.В. Слувис, также прибывший с Украины, стал восстанавливать порядок… возглавив восставших. Он оставался хозяином города всю вторую половину апреля, причем в дальнейшем, после попытки устроить над ним суд, был оправдан, поскольку действительно способствовал сохранению в городе хоть какого-то порядка. Занимал командные посты (вплоть до командира дивизии) в Красной армии. В 1923 году получил орден Красного Знамени. Погиб в ходе репрессий 1938 года [24, с. 104; 26].

Очевидец, служивший при штабе М.В. Слувиса, вспоминал, что тот «имел военную подготовку и боевой опыт. Левый эсер-максималист, он вступил в партию большевиков. Он был невысокого роста, худощав. По первому впечатлению казался хилым человеком. Брюнет с небольшими усиками, выглядел грузином, носил френч, брюки галифе, кавказскую обувь, бурку, папаху. Был властный, самолюбивый, решительный. Всегда хмурый, чем-то недовольный. Не видел я его улыбающимся, приветливым. Голос – резкий, говорил отрывисто, кратко. Чувствовал свою силу, занимая высокое положение» [24, с. 86]. Данное описание может стать коллективным портретом военно-политических вожаков времен Гражданской войны.

В г. Воронеже в апреле 1918 года произошли события, сходные с курскими и орловскими, с участием все тех же отрядов Красной армии, отступавших под давлением немцев с западных рубежей, и все с той же перестрелкой с применением артиллерии и броневиков. Мятеж завершился буквально за два дня. В этом случае военный вождизм не проявил себя почти никак, хотя и были попытки обвинить в организации мятежа командующего 1-й Южной армией левого эсера Г.К. Петрова. Однако его не было в тот момент в Воронеже – он приехал сразу после мятежа, чтобы эвакуировать свои взбунтовавшиеся части. Впрочем, это не мешало Г.К. Петрову претендовать на роль военно-политического вождя в уездах губернии. Об этом, в частности, говорит следующий его приказ: «Командующего Рев[олюционных]. войск Рязанской и Ворон[ежской]. губ[ерний]. Петрова. Именем Революции объявляю через Коменданта Штаба тов. Тупика, Лискинск[ому]. Совету, что Лиски мною объявляются как опорный пункт Советской власти; все частные предприятия в Лисках запрещаются и остаются лишь те, которые открыты Советом Революционных солдат, Советом Кр[естьянских]., Раб[очих]. Депут[атов]. и ж[елезно]. д[орожных]. организаций; все не имеющие трудового ремесла немедленно должны быть выселены из Лисок. Отныне Лиски именуются "Городком Свободы"»[2]. Документ предположительно относится к апрелю 1918 года.

Риторика Г.К. Петрова вполне совпадает с риторикой борьбы с «контрой» и «буржуями» И.П. Сухоносова, а также поднявших мятеж армейских частей Курска, с которыми нашел общий язык М.В. Слувис. Г.К. Петров устанавливает на железнодорожной станции диктатуру трудящихся, берет власть в свои руки и даже проводит мемориальную политику, переименовывая станцию. И это при том, что Лиски были революционным центром с активными местными красногвардейцами.

---

[1]Государственный архив Орловской области. Ф. П-70. Оп. 1. Д. 62. Л. 14–15; Орловские известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 21 марта 1918 г. С. 2.

[2]*Нерадовский*. Приказ командующего // Голос жизни. Орган Бутурлиновской организации эсеров. 1918. 18 апр. С. 2.

Сам Г.К. Петров – очень молодой (26 лет), по описаниям – отчаянно храбрый, «поэтически настроенный и весьма воинственный человек» [11, с. 198]. В июне 1918 года он отправился со своим отрядом в г. Царицын, потом – на Кавказ. Погиб в сентябре 1918 года, будучи одним из 26 казненных бакинских комиссаров. Политические амбиции Г.К. Петрова, реализовавшиеся в конце концов не только в Лисках, но и в Азербайджане, дают возможность сопоставить его с фигурами М.В. Слувиса и И.П. Сухоносова.

Ситуация с военно-политическим вождизмом представляется достаточно типичной для реалий 1918 года. Во-первых, она повторялась в соседних регионах. Например, в примыкающем к Воронежской и Тамбовской губерниям Балашовском уезде Саратовской губернии в это время установилась диктатура максималиста Г.И. Солонина. С декабря 1917 года он был председателем революционного комитета и уездного исполнительного комитета. Под его влиянием уездный исполком высказался против Брест-Литовского мира, а в апреле 1918 года Г.И. Солонин вступил в конфликт с V уездным съездом Советов и разогнал его с помощью вооруженной силы. Большевикам удалось арестовать Солонина только в июле 1918 года, когда он попытался сделать то же самое с VI съездом Советов. Солонина отправили в Москву с обвинительным заключением, но там его не наказали. В 1920 году он вступил в Российскую коммунистическую партию (большевиков). Описания Г.И. Солонина, данные представителями противоборствующих партий, совпадают в одном – это был грубый человек, не гнушавшийся применять физическую и военную силу, если дело касалось поддержания порядка, который он увязывал с повиновением своей персоне. От лидеров, описанных выше, он отличался могучим телосложением, «один вид его внушал страх местным жителям». Его окружали такие же люди «бандитского вида» [27, с. 23–36].

Во-вторых, ситуация дублировалась на уровне уездов, волостей и отдельных населенных пунктов. Так, с марта 1918 года на территории Воронежской губернии действовал многочисленный (до нескольких тысяч человек) отряд М.М. Сахарова, отступивший с Украины и подпитывавшийся беженцами оттуда. Формально отряд (затем – 107-й Волчанский полк) подчинялся различным советским военным инстанциям, но в реальности М.М. Сахаров на занятых территориях (г. Валуйки, пос. Алексеевка, г. Острогожск, г. Россошь) был серьезной военно-политической фигурой и даже пытался проводить свою «внешнюю политику», выпустив в августе 1918 года воззвание о необходимости мобилизации для борьбы с немцами. Политические взгляды М.М. Сахарова колебались от принадлежности к Партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) до анархизма. В.А. Антонов-Овсеенко описывал его как «довольно невзрачного вида матросика», другие очевидцы отмечали вспыльчивость, а также выступления на вечерах в качестве артиста. В период боев с красновцами и на Украине он «дорос» до командира бригады. Был расстрелян в начале 1919 года за попытку мятежа, где и проявились политические амбиции М.М. Сахарова [11, с. 198–201].

В апреле 1918 года в уездном городе Короча Курской губернии произошло восстание против местного военного комиссара С.В. Дорошенко. По некоторым сведениям, это был бывший вор, он вернулся в 1917 году в Корочу в матросской форме «с пехотным георгиевским оружием на боку, начал наводить революционный порядок. Первым делом расстрелял мирового судью, который когда-то прогнал его за кражу. За такое рвение был назначен или сам себя назначил предом и комендантом города» [24, с. 77]. Его альтернативой для корочанцев стал подавивший восстание командир краснопартизанского отряда «Молния» М.А. Кабанов. Он контролировал город до конца 1918 года, параллельно обеспечивая советскую власть в уездном городе Новом Осколе, после чего сам был обвинен в контрреволюционной деятельности. Курские власти с беспокойством отмечали, что «все правительственные органы [были]

разогнаны бандитом матросом Кабановым и в городе идет поголовное уничтожение, насилие, сильные грабежи и убийства» [24, с. 80]. За М.А. Кабановым был послан отряд красноармейцев, и он был вынужден спасаться бегством. Впрочем, дальнейшая судьба М.А. Кабанова сложилась удачно. Он воевал в качестве командира полка против войск Вооруженных сил Юга России и Польши, был директором заводов на Донбассе, а с началом Великой Отечественной войны воссоздал отряд «Молния», будучи, правда, в «невысоком» звании лейтенанта. Согласно наградному документу на орден Красной звезды, в августе 1941 года М.А. Кабанов был десантирован в районе г. Киева, в конце декабря того же года получил тяжелое ранение, после чего комиссован[3]. Помимо ордена имел медали «За победу над Германией», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Стал почетным гражданином г. Короча, персональным пенсионером союзного значения. Умер в 1977 году.

Все рассмотренные персоны – лидеры бонапартистского склада, амбициозные, ценившие власть и считавшие себя достойными ее, старавшиеся отразить чаяния солдат риторикой «углубления революции», немедленных преследований «контрреволюционеров», пробравшихся в советские органы управления. Их полномочия в качестве «атаманов», наподобие казачьих, т. е. соединявших военную и политическую власть, подтверждались выборами от различных групп общественных активистов (военных, Советов, деятелей правящих партий), мандатами от местных политических институций.

По мере военного строительства, исчезновения немедленной угрозы, а также осознания опасности такого рода лидеров для политической власти, советская система быстро отказывалась от «услуг» военно-политических вождей. В этом ей помогали сохранявшиеся «демократические противовесы»: органы Советской власти; местные вооруженные отряды, «альтернативные» тем, что подчинялись военно-политическим вождям; возможность привлечь отряды из других регионов. Так, в Воронежской губернии Советы вступали в конфликт и с Г.К. Петровым, и с другим полевым командиром – Р.Ф. Сиверсом. Чтобы «вразумить» М.М. Сахарова, уже осенью 1918 года были арестованы более 30 командиров Волчанского полка, расстрелян десяток его телохранителей.

В итоге власть военно-политических лидеров никогда не была абсолютной, т. к. те были вынуждены идти на переговоры и компромиссы с местными советскими властями. Их функциональная роль была ограничена «защитой революции» в краткий период торжества «контрреволюционной угрозы».

Нельзя сказать, что военно-политические лидеры отказывались от власти без борьбы. Иногда это приводило к прямым военным столкновениям, но часто и к созданию политических комбинаций. Военные вожди нередко вступали в соглашения с политическими лидерами, которым импонировала мысль об «углублении» революции. Политики могли принадлежать к оттесняемым от власти левоэсеровским и максималистским организациям, но также действовали ситуативно, стараясь хоть как-то повлиять на выходившую из-под контроля ситуацию. Восставшие в Воронеже в апреле 1918 года солдаты и матросы получили поддержку председателя губернского комитета ПЛСР А.М. Абрамова. В Курске образовался тандем военного М.В. Слувиса и председателя губернского Революционного Совета максималиста Е.Н. Забицкого, альтернативой которым был разгул отрядов «2-й армии» Р.Ф. Сиверса во главе с инспектором артиллерии Карцевым и бывшим уголовником по фамилии Гох [24, с. 85–101].

Представленный типаж военно-политического лидера проявлял себя и в дальнейшем, но военной диктатуры не сформировалось практи-

[3]Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 33. Оп. 744808. Д. 433,35. Л. 18.

чески нигде либо же она существовала кратковременно – от нескольких дней до нескольких месяцев. Система была достаточно терпима даже к тем, кто был склонен применить военную силу по отношению к своим, красным. Это доказывает осознание политической элитой функциональной необходимости такого рода лидерства в чрезвычайных условиях, а, кроме того, желание «сохранять революционные кадры». Таких деятелей пытались перевести в другую местность, а их вооруженные отряды использовать «с умом». Лишь при очевидном неповиновении или переходе на сторону противника, как это было с М.М. Сахаровым и И.П. Сухоносовым, следовала казнь. Погибли, оставшись верными советской власти, командармы Р.Ф. Сиверс и Г.К. Петров, чьи действия местными властями признавались преступными и контрреволюционными.

Несходство политической ситуации в Центральном Черноземье с откровенно вождистскими казачьими и белогвардейскими режимами, где фигуры П.Н. Краснова, Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля играли исключительную роль, объясняется не только доминированием большевиков, но и тем, что, в отличие от казачьих регионов, жители губерний Черноземья не имели военных корпораций. Большинство из них были крестьянами, за оружие брались вынужденно, чуждались жесткой военной иерархии, тогда как казачьи (а также офицерские) корпорации, напротив, тяготели к ней. Радикальные установки советских политиков, наряду со способностью идти до конца в плане репрессий по отношению к противнику, компенсировали их «гражданское происхождение». Разрозненность усилий военно-политических вождей не давала им возможности подмять под себя складывающуюся систему власти в целом, что удавалось сделать белым генералам и казачьим атаманам на территориях с совершенно другим составом населения.

Военно-политический вождизм весны 1918 года не стал доминирующим явлением в политической ситуации Черноземья. Большевистский режим либо успешно интегрировал в себя подобных лидеров, либо уничтожал их, что в дальнейшем оказалось характерно для советской системы в целом, поскольку в ней военные играли важную, но не руководящую роль. Причинами возникновения данного феномена стали поражения красных на первых этапах начинающейся Гражданской войны, а также относительная слабость политического руководства на местах. Этим оправдывалась их функциональная значимость для политической системы весны 1918 года. Причинами ограниченности влияния военно-политических вождей, их неспособности сохранить за собой политическое влияние становились особенности организации политической системы большевистской России, а также отсутствие устойчивой социальной базы.

Военно-политический вождизм на территории Центрального Черноземья сложно анализировать через призму «бонапартизма» из-за недостаточного масштаба политического и военного влияния деятелей уровня губернского центра или даже какого-то вооруженного формирования. Несомненно, что многие лидеры такого типа имели политические амбиции, однако невозможно сказать точно, насколько далеко они распространялись. Это явление охватывало краткий период истории Центрального Черноземья, в основном весну 1918 года. Политическая система достаточно эффективно справлялась с претензиями практически всех «наполеонов», причем не только в регионах, но и в центре страны. Согласно современным представлениям, например, для купирования амбиций Л.Д. Троцкого была создана целая система «сдержек и противовесов» различных военно-государственных органов [28, с. 14]. Действия одних военно-политических вождей в Черноземье можно сопоставить с действиями атаманов казачьих областей, действия других больше напоминали обычную активность полевых командиров, склонных к самоуправству («атаманщине», «партизанщине»). В любом случае никто из них не смог удержаться у власти долго. Получается, что на территориях

антибольшевистских режимов складывалась более благоприятная ситуация для военно-политического вождизма. Однако и при их исследовании следует применять терминологию эпохи, характеризующую военно-политическое лидерство, с большой осторожностью.

Список литературы

1. *Разиньков М.Е.* Влияние германской интервенции и оформления украинской государственности на эскалацию Гражданской войны в Центральном Черноземье // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 6 / под ред. В.И. Голдина [и др.]. Архангельск, 2025. С. 108–115.
2. *Знаменский О.Н.* Июльский кризис 1917 года. М., Л., 1964. 272 с.
3. *Протасов Л.Г.* Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978. 191 с.
4. *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006. 623 с.
5. *Ганин А.В.* «Борька Анненков, бандит» // Родина. 2020. № 2. С. 56–59.
6. *Смирнов А.А.* Вожди белого казачества. Атаман Каледин. СПб., 2003. 316 с.
7. *Актон Э., Розенберг У.Г., Черняев В.Ю.* Критический словарь русской революции: 1914–1921. СПб., 2014. 767 с.
8. Белое движение: исторические портреты / сост. А. С. Кручинин. М., 2011. 1212 с.
9. *Бондаренко В.В.* Легенды Белого дела. М., 2017. 358 с.
10. *Ганин А.В.* Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021. 256 с.
11. Вожаки и лидеры смуты, 1918–1922 гг., биографические материалы / под ред. А.В. Посадского. М., 2017. 550 с.
12. «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сб. ст. и материалов / под ред. А.В. Посадского. 2-е изд. М., 2019. 856 с.
13. *Посадский А.В.* Зеленое движение в гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922. М., 2022. 318 с.
14. *Ганин А.В.* Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны: противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2025. 317 с.
15. *Новикова Л.Г.* Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечеств. история. 2005. № 6. С. 142–158.
16. *Голдин В.И.* Гражданская война в России в современной отечественной и зарубежной историографии: осмысление через столетие // Тр. ин-та истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. Т. 41. С. 15–42.
17. *Smele J.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996. 759 p.
18. *Thatcher I.D.* Trotsky. Hoboken, 2012. 252 p.
19. *Pereira N.G.O.* Siberian «Atamanshchina»: Warlordism in the Russian Civil War // The Bolsheviks in Russian Society. New Haven; London, 1997. P. 122–138.
20. *Sanborn J.* The Genesis of Russian Warlordism: Violence and Governance During the First World War and the Civil War // Contemporary European history. 2010. Vol. 19, № 03. P. 195–213.
21. *Rettig T.* Pavel Bermondt-Avalov and the Formation of the West Russian Volunteer Army – Warlordism in the Baltic? // Eesti Sõjaajaloo Aastaraamat / Estonian Yearbook of Military History. 2021. № 11. P. 67–115. https://doi.org/10.22601/SAA.2021.11.03
22. *Минаков С.Т.* Российская революция: Орел, 1919 год и «революционный генерал» Н.В. Скоблин // История: факты и символы. 2017. № 3(12). С. 147–159.
23. *Разиньков М.Е.* Типология и характеристика военных руководителей Белого движения (по материалам воспоминаний, дневников, писем) // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2009. № 1. С. 20–28.
24. *Емельянов С.Н., Зорин А.В., Шпилев А.Г.* Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг.: очерк воен.-полит. истории. Курск, 2013. 528 с.
25. *Грамматчиков К.Б.* Орловская губерния в революции 1917 года // Орловская губерния и революция. К 100-летию великой русской катастрофы 1917 года / под ред. К.Б. Грамматчикова. Орел, 2017. С. 160–171.

26. *Салтык Г.В.* «Апрельский» бунт 1918 года в Курске: дело М.В. Слувиса и Е.Н. Забицкого // Уч. зап. Электрон. науч. журн. Курск. гос. ун-та. 2020. № 1(53). С. 86–92. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3554 (дата обращения: 19.09.2025).
27. *Булгаков А.О.* Балашов в кольце фронтов. 1917–1921. М., 2019. 272 с.
28. История России: в 20 т. / под ред. В.И. Голдина и В.В. Кондрашина. Т. 12. Кн. 2. М., 2024. 919 с.

References

1. Razin'kov M.E. The Influence of the German Intervention and the Formation of Ukrainian Statehood on the Development of the Civil War in the Central Black Earth Region. *Alemanakh Association of Researchers of the Civil War in Russia*. *Vol. 6*. Arkhangelsk, 2025, pp. 108–115 (in Russ.).
2. Znamenskiy O.N. *July Crisis of 1917*. Moscow, Leningrad, 1964. 272 p. (in Russ.).
3. Protasov L.G. *Soldiers of the Garrisons of Central Russia in the Struggle for Soviet Power*. Voronezh, 1978. 191 p. (in Russ.).
4. Ganin A.V. *Ataman A. I. Dutov*. Moscow, 2006. 623 p. (in Russ.).
5. Ganin A.V. "Borka Annenkov, the bandit". *Rodina*, 2020, no. 2, pp. 56–59 (in Russ.).
6. Smirnov A.A. *Leaders of the White Cossacks. Ataman Kaledin*. St. Petersburg, 2003, 316 p. (in Russ.).
7. Akton E., Rozenberg U.G., Chernyaev V.Yu. *Critical Dictionary of the Russian Revolution: 1914–1921*. St. Petersburg, 2014. 767 p. (in Russ.).
8. Kruchinin A.S. *The White Movement: Historical Portraits*. Moscow, 2011. 1212 p. (in Russ.).
9. Bondarenko V.V. *Legends of the White Movement*. Moscow, 2017. 368 p. (in Russ.).
10. Ganin A.V. *White General and Red Military Specialist Yakov Slashchev-Krymskiy*. Moscow, 2021. 256 p. (in Russ.).
11. Posadskiy A.V. *Leaders of the Time of Troubles. 1918–1922. Biographical Materials*. Moscow, 2017. 550 p. (in Russ.).
12. *Atamanism and Partisanism in the Civil War: Ideology, Military Participation, and Cadres. A Collection of Articles and Materials*. Posadskiy A.V. (ed.), Moscow, 2019. 856 p. (in Russ.).
13. Posadskiy A.V. *The Green Movement in the Russian Civil War. The Peasant Front between the Reds and the Whites. 1918–1922*. Moscow, 2022. 318 p. (in Russ.).
14. Ganin A.V. *The Russian Officer Corps During the Civil War. Confrontation of Command Cadres. 1917–1922*. Moscow, 2025, 317 p. (in Russ.).
15. Novikova L.G. The Russian Civil War in Modern Western Historiography. *Otechestvennaya istoriya*, 2005, no. 6, pp. 142–158 (in Russ.).
16. Goldin V.I. The Russian Civil War in Modern Russian and Foreign Historiography: Reconsidered a Century Later. *Trudy instituta istorii, arkheologii i ehtnografii DVO RAN*, 2023, vol. 41, pp. 15–42 (in Russ.).
17. Smele J. *Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral. Kolchak, 1918–1920.* Cambridge, 1996. 759 p.
18. Thatcher I.D. *Trotsky.* Hoboken, 2012. 252 p.
19. Pereira N.G.O. Siberian "Atamanshchina": Warlordism in the Russian Civil War. *The Bolsheviks in Russian Society*. New Haven, London, 1997, pp. 122–138.
20. Sanborn J. The Genesis of Russian Warlordism: Violence and Governance During the First World War and the Civil War. *Contemporary European history*, 2010, vol. 19, no. 03, pp. 195–213.
21. Rettig T. Pavel Bermondt-Avalov and the Formation of the West Russian Volunteer Army – Warlordism in the Baltic? *Eesti Sõjaajaloo Aastaraamat / Estonian Yearbook of Military History*, 2021, no. 11, pp. 67–115. https://doi.org/10.22601/SAA.2021.11.03
22. Minakov S.T. Russian Revolution: Oryol, 1919, and the "Revolutionary General" N.V. Skoblin. *Istoriya: fakty i simvoly*, 2017, no. 3, pp. 147–159 (in Russ.).
23. Razin'kov M.E. Typology and Characteristics of Military Leaders of the White Movement (Based on Memoirs, Diaries, Letters)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2009, no 1, pp. 20–28 (in Russ.).
24. Emel'yanov S.N., Zorin A.V., Shpilev A.G. *The Kursk Region in the Civil War of 1917–1921: An Essay on Military and Political History.* Kursk, 2013. 528 p. (in Russ.).

25. Grammatchikov K.B. Oryol Province During the 1917 Revolution. *Oryol Province and the Revolution. On the 100th Anniversary of the Great Russian Catastrophe of 1917*. Orel, 2017, pp. 160–171 (in Russ.).

26. Saltyk G.V. The April Riot of 1918 in Kursk: the Case of M.V. Sloves and E.N. Zabitskiy. *Uchenye zapiski. Eklektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 1, pp. 86–92. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3554 (accessed: 19.09.2025)

27. Bulgakov A.O. *Balashov in the Wheel of the Fronts. 1917–1921*. Moscow, 2019. 272 p. (in Russ.).

28. Goldin V.I., Kondrashin V.V. (eds.) *History of Russia: in 20 volumes. Vol. 12. Ch. 2.* Moscow, 2024. 919 p. (in Russ.).

Информация об авторе

М.Е. Разиньков *– кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г.Ф. Морозова.*

Information about the author

Mikhail E. Razin'kov*, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Social Sciences and Humanities, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov.*

Поступила в редакцию 24.09.2025
Одобрена после рецензирования 14.04.2026
Принята к публикации 23.04.2026

Submitted 24 September 2025
Approved after reviewing 14 April 2026
Accepted for publication 23 April 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 40–51.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 40–51.

Научная статья
УДК 811.111-26(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V526

Когнитивно-корпусные технологии в исследовании структуры и содержания концептосферы CLIMATE CHANGE («изменение климата»)

Анастасия Ильинична Лаптинова
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
anastasia.ko.en@gmail.com, https://orcid.org/0009-0008-5367-3643

Аннотация. В работе рассматривается специфика применения когнитивно-корпусных технологий для описания структуры предметной области «Изменения климата» как особой концептосферы CLIMATE CHANGE. Исследование направлено на выявление особенностей организации понятийного пространства данной мультидисциплинарной области в англоязычном профессиональном дискурсе. Его цель – выделение ключевых концептов и описание их фреймовой структуры и семантических связей в составе концептосферы CLIMATE CHANGE. Научная значимость работы состоит в разработке модели фреймовой структуры концепта '*climate change*' с применением корпусных методов исследования. Автоматизированный поиск дистрибутивных синонимов и терминологических репрезентантов, реализующих фреймы в построении когнитивных профилей, позволяет системно представить знания о явлении "*climate change*" («изменение климата») как структуре взаимосвязанных понятий, отражающих одновременно естественнонаучные и социально-ценностные аспекты. Методология исследования включает корпусный анализ англоязычных профессиональных тематических глоссариев (IPCC, UNFCCC), фреймовый анализ ключевых концептов и использование алгоритмов больших языковых моделей для систематизации данных. Основными результатами работы стали построение фреймовой модели концептосферы CLIMATE CHANGE, выявление дистрибутивных синонимов, репрезентирующих ключевые концепты, а также последовательное описание их когнитивного профиля. Полученные данные расширяют представления о концептуальной организации мультидисциплинарных предметных областей и могут быть использованы для оптимизации профессиональной коммуникации в сфере исследования проблемы изменения климата. Поскольку изменение климата это не только экологическая, но и социально-культурная проблема глобального масштаба, ее лингвистическая репрезентация отражает множественность когнитивных стратегий, коллективных и индивидуальных оценок, что представляет особый интерес для разработки интегративных подходов в лингвистических исследованиях. Кроме того, работа вносит вклад в развитие методик анализа специализированных дискурсов, демонстрируя потенциал когнитивно-корпусного подхода в изучении сложных концептосфер.

Ключевые слова: *концептосфера CLIMATE CHANGE, мультидисциплинарная терминология, корпусная лингвистика, фреймовая семантика, дистрибутивные синонимы, профессиональный дискурс*

© Лаптинова А.И., 2026

Для цитирования: Лаптинова А.И. Когнитивно-корпусные технологии в исследовании структуры и содержания концептосферы CLIMATE CHANGE («изменение климата») // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 40–51. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V526

Original article

Cognitive-Corpus Technologies in the Study of the Structure and Composition of the Concept Sphere CLIMATE CHANGE

Anastasiya I. Laptinova
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
anastasia.ko.en@gmail.com, https://orcid.org/0009-0008-5367-3643

Abstract. The paper examines the specifics of using cognitive-corpus technologies to describe the structure of the subject area of climate change as a special concept sphere. The study is aimed at identifying the organisation of the conceptual space of this multidisciplinary area in English professional discourse. The aim of this study is to identify key concepts and to describe their frame structure and semantic relationships within the CLIMATE CHANGE conceptual framework. The scientific significance of this research lies in the development of an integrative frame model using corpus-based research methods. An automated search for distributional synonyms and terminological representatives implementing frames in the construction of cognitive profiles allows for a systematic presentation of knowledge about the phenomenon of "climate change" as a structure of interconnected concepts that simultaneously reflect natural scientific and social value aspects. The research methodology includes corpus analysis of English-language professional thematic glossaries (IPCC, UNFCCC), frame analysis of key concepts and the use of large language model algorithms for data systematisation. The main result of the work is the development of a frame model of the concept sphere CLIMATE CHANGE, the identification of distributional synonyms verbalizing the key concepts, as well as the description of their cognitive profile. The results obtained expand the understanding of the conceptual organisation of multidisciplinary subject areas and can be used to optimize professional communication in the field of the urgent problem of climate change. Since climate change is not only an environmental but also a socio-cultural problem of a global scale, its linguistic representation reflects the multiplicity of cognitive strategies, collective and individual assessments, which is of particular interest for integrative linguistic research. In addition, the work contributes to the development of methods for analysing specialized discourses, demonstrating the potential of the cognitive-corpus approach in studying complex conceptual spheres.

Keywords: *concept sphere CLIMATE CHANGE, multidisciplinary terminology, corpus linguistics, frame semantics, distributional synonyms, professional discourse*

For citation: Laptinova A.I. Cognitive-Corpus Technologies in the Study of the Structure and Composition of the Concept Sphere CLIMATE CHANGE. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 40–51. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V526

Введение

Проблема изменения климата в последние десятилетия приобрела глобальный характер и стала неотъемлемой частью международного научного и медийного дискурсов. В связи с этим возрастает интерес к исследованию вопроса о том, каким образом интегративный концепт '*climate change*' и связанные с ним понятия репрезентируются в языковой картине мира. Изучение концептосферы данной области позволяет выявить структуру сформировавшегося представления об анализируемом предмете и специфику его концептуализации в языке, а также понять лингвистические механизмы, участвующие в формировании общественного восприятия проблемы изменения климата.

Актуальность работы обусловлена тем, что рассмотрение CLIMATE CHANGE в качестве особой концептосферы позволяет представить данную активно развивающуюся предметную область как когнитивное пространство, отражающее структуру и специфику взаимодействия мультидисциплинарных научных знаний. Кроме того, исследование поднимает вопрос о системном описании концептосферы CLIMATE CHANGE с применением методов корпусного анализа и алгоритмов больших языковых моделей (LLMs, от англ. Large Language Models), что определяет его научную новизну. В практической плоскости работа направлена на дальнейшее развитие и совершенствование методов построения когнитивно-корпусных моделей анализа смысловой организации текста единой жанровой принадлежности (научный дискурс). Кроме того, выделенные в ходе компьютерно-корпусного анализа дискурсивные последовательности могут быть использованы для извлечения частотных терминологических единиц в статистически значимых контекстах функционирования специальной лексики. Материалом исследования являются терминологические единицы из официальных лексикографических источников (глоссариев), включающих научные статьи, отчеты и материалы по проблемам изменения климата.

В качестве исходной гипотезы в работе принимается положение о том, что изучаемая концептосфера представляет собой иерархически организованное когнитивное пространство, в структуре которого ключевую роль играют фреймы, репрезентирующие причинно-следственные, таксономические и ценностные связи концептов. Предполагается, что CLIMATE CHANGE включает в себя ряд взаимосвязанных фреймов, которые структурируют знания об изменении климата и отражаются в профессиональной терминологии через дистрибутивные синонимы в вербализации ключевых концептов, таких как '*climate*' («климат») и '*change*' («изменение»).

Теоретическое ядро

В современных исследованиях по когнитивной лингвистике *концепт* рассматривается как ментальная единица, отражающая знания, опыт и представления индивида об объекте или явлении действительности: «минимальная единица мышления, оперируемая сознанием человека, и одновременно основная единица хранения знаний в ментальном лексиконе»[1]. Таким образом, концепт – это «объект из мира "Идеального"» [1], когнитивный эквивалент слова в сознании человека, оказывающийся шире, поскольку наделен не только понятийным, но и образным и оценочным содержанием.

Фрейм же представляет собой «систему языковых выборов», включающую как наборы слов, так и грамматические категории, связанные с прототипическими ситуациями [2]. В.З. Демьянков отмечает, что фрейм – это «схема репрезентации знаний, организующая фрагменты опыта в определенную структуру»[2]. Фрейм содержит типовую информацию о

[1] *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.

[2] *Демьянков В.З.* Фреймовая семантика // *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. С. 189–191.

ситуации, включает в себя «слоты» (позиции) и их «заполнители» (значения), что позволяет использовать его как инструмент моделирования семантической структуры концепта. Таким образом, фрейм выполняет функцию материализованной структуры, в рамках которой человек интерпретирует, 'категоризует' и выражает элементы действительности языковыми средствами. Кроме того, фреймы тесно связаны с категоризацией, что приводит к установлению в сознании человека «групп объектов, явлений, ситуаций на основе выделения в них общих признаков» [3, с. 58].

Если фрейм представляет собой структурированное знание о единичной ситуации или концепте, то *концептосфера* охватывает всю совокупность концептов, образующих целостное когнитивное пространство определенной культуры, науки или предметной области. Понятие «концептосфера» отражает интеграцию культурного и языкового знания, которая получает при этом определенную концептуальную оформленность и воплощение [4, с. 21]. Таким образом, концептосфера включает в себя не только отдельные фреймы, но и более высокие уровни организации знания, репрезентирующие культурные, научные и социальные смыслы.

Концептосферу следует понимать как целостное когнитивное пространство, интегрирующее концепты определенной культуры или предметной области [5, с. 3–6; 3, с. 43]. Несмотря на то, что она невербальна, вычленение концептов является чисто лингвистической работой, поскольку именно языковой знак представляет, или *вербализует*, концепт, открывая доступ к концептуальному знанию, стоящему за его формальным выражением.

В рамках настоящей работы это означает, что концептосфера исследуемой предметной области состоит из совокупности концептов ('*climate change*' – изменение климата, '*global warming*' – глобальное потепление и др.), которые структурированы в виде фреймов, отражающих причинно-следственные, таксономические и тематические связи, и в совокупности образуют когнитивное пространство *науки об изменении климата*, где язык фиксирует результаты мультидисциплинарных взаимодействий и транслирует культурно-научное знание об исследуемом естественнонаучном и социальном явлении.

Область активации и реализации фреймов можно называть *концептуальной областью*, которая отражает широкий когнитивный фон, объединяющий знания и представления об определенной сфере деятельности человека, тогда как фрейм включает структурированное знание об отдельной ситуации внутри этой области [6, с. 20]. Каждый ключевой термин рассматривается как репрезентант концепта в широкой концептуальной системе, причем его значение зависит от контекста (динамический подход к лексическому значению [7; 8]). При изучении концептосферы предметной области изменения климата данное положение подразумевает, что каждый ключевой термин (например, *greenhouse effect – парниковый эффект*) репрезентирует определенный концепт, входящий в систему взаимосвязанных концептов, формирующих знание о данной проблематике.

Следует отметить, что в области эколингвистики имеется целый ряд работ, в которых языковой материал рассматривается через призму компьютерно-корпусных методов: частотного и коллокационного анализа, ключевых слов, а также фреймового моделирования. Нередко эти исследования включают доклады на международных конференциях по вопросам экологии и изменения климата, подчеркивая междисциплинарный характер данной проблематики с акцентом на различия в национальной политике разных стран [9, с. 125–146]. Рассматривая изменение климата как угрозу XXI века, авторы отмечают особенности концептуализации различных аспектов экологии с опорой на их общественное обсуждение в средствах массовой информации (СМИ). Например, понятия «мастер-фрейм» и «подфрейм» были введены с целью более четкого выделения семантических и идеологически окрашенных смыслов в структуре данного концепта [10]. В связи с этим можно говорить о доминации общественно-на-

учной парадигмы в составе междисциплинарных исследований, в основу которых положены корпусный когнитивно-дискурсивный анализ с опорой на медийные тексты [11, с. 131–142; 12, с. 4–6], анализ речей политиков в контексте «климатической дипломатии» [13, с. 188–198], а также анализ научно-популярных текстов [14, с. 33–43]. Особый интерес представляют концептуальные метафоры (например, CLIMATE CHANGE IS A DIVIDING FORCE / ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА – ЭТО РАЗЪЕДИНЯЮЩАЯ СИЛА), выделенные в ходе анализа англоязычных СМИ [15, с. 18].

Вместе с тем, как показывает обзор литературы, структура концептосферы CLIMATE CHANGE как глобального феномена в контексте междисциплинарной научной лексики и терминологии, извлекаемой из специальных глоссариев, требует дальнейшего углубленного изучения.

Методология

Описание концептосферы анализируемой предметной области предполагает использование фреймовой структуры, которая позволяет выявлять и систематизировать содержащиеся в ней слоты. Данный подход призван обеспечить представление предметной области climate change как структурированного когнитивного пространства. Исследование включало несколько стадий, которые были выделены учетом поставленных целей и задач.

На первом этапе были отобраны ключевые источники профессиональной англоязычной терминологии по теме изменения климата, в т. ч. глоссарий Межправительственной группы экспертов по изменению климата[3] и Терминологический словарь Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата[4]. Критериями отбора послужили наличие официального статуса, репрезентативность и широкое использование в профессиональной климатологической и экологической коммуникации.

На втором этапе с использованием специально составленного для целей настоящего исследования компьютерного корпуса, который включал в себя тексты и дефиниции из вышеприведенных глоссариев общим объемом 49 700 слов, были выявлены дистрибутивные синонимы во фреймовой структуре ключевых концептов ‘*climate*’ и ‘*change*’, раскрывающие различные аспекты их восприятия в рассматриваемом профессиональном дискурсе.

Работа с менеджером Sketch Engine осуществлялась через встроенные в него инструменты. На первом шаге для автоматического извлечения коллокационных профилей целевых лексем и их синтаксических ролей был применен инструмент Word Sketch, что позволило выделить типовые сочетания терминов и определить их распределение в релевантных контекстах глоссариев. Далее с помощью инструмента Concordance рассмотрен функциональный потенциал терминов в расширенных контекстах. Заключительным шагом стало обращение к инструменту Thesaurus для выявления дистрибутивных синонимов анализируемых лексем – слов, которые обладают регулярной совместной встречаемостью в частотных контекстах исследуемого корпуса, что дало эмпирическую основу для определения особенностей концептуализации ключевых терминоединиц в профессиональном дискурсе.

На третьем этапе был проведен фреймовый анализ дистрибутивных синонимов и контекстов употребления лексем *climate* и *change* в профессиональном дискурсе с целью обнаружения и описания фреймов в структуре соответствующих концептов. Анализ включал классификацию семантических связей концептов внутри концептосферы. На основе дефиниций, приведенных в глоссариях, и исследования

---

[3]Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) Glossary. URL: https://apps.ipcc.ch/glossary/ (дата обращения: 15.07.2025).

[4]UNFCCC Climate Change Glossary. URL: https://www.undp.org/publications/climate-dictionary (дата обращения: 15.07.2025).

расширенных контекстов конкордансов выделены слоты и категориальные роли (‘причины’, ‘процессы’ и т. д.) в обозначении фреймов.

Данные корпусного и фреймового анализа были систематизированы и обработаны с использованием алгоритмов больших языковых моделей (LLM – ChatGPT)[5] для уточнения структурных связей и логической иерархии фреймов. Задача LLMs заключалась в группировке близких по функции терминологических единиц в иерархии фреймов с опорой на предоставленные коллокационные профили и фрагменты дефиниций.

На заключительном этапе была построена фреймовая модель концептосферы предметной области climate change в виде структурной схемы, отражающей причинно-следственные, таксономические и ценностные связи кон-цептов.

В настоящем исследовании различаются три взаимодополняющих типа фреймов – ключевые (core), таксономические (taxonomic) и оценочные (evaluative), – задающих многоуровневую организацию концептосферы CLIMATE CHANGE. Ключевые фреймы понимаются как макроуровневые когнитивные структуры, обеспечивающие целостную причинно-следственную и прагматическую парадигму интерпретации описываемого явления. К ним отнесены ‘причины’ (‘causes’), ‘процессы’ (‘processes’), ‘последствия’ (‘effects’), ‘реагирование’ (‘response’) и ‘ценности’ (‘values’). Таксономические фреймы задают иерархическое членение по компонентам, параметрам, механизмам и инструментам (например, temperature / precipitation – параметры; radiactive forcing / energy budget – механизмы; modeling / monitoring – инструменты), обеспечивая переход от общего к частному. Оценочные фреймы репрезентируют ценностно-нормативный уровень дискурса (sustainability, climate justice, intergenerational equity, а также приоритеты governance / management), связывая научное описание с общественным восприятием проблемы.

Отнесение языковых единиц к типам фреймов основано на совмещении дефиниционных и дискурсивных корпусных признаков. К ключевым относятся единицы с базовыми слотовыми ролями (причина, процесс, эффект, мера, ценность) и устойчивыми коллокационными связями. Таксономические составляющие идентифицируются по маркерам классификации / специализации (родовидовые отношения) и характерным моделям словосочетаний. Оценочные репрезентанты выделяются по наличию ценностной / регулятивной лексики.

Наряду с обширными языковыми данными ресурсы компьютерных корпусов предлагают механизмы их обработки в виде «информационных пакетов», или фреймов. Методы сравнения конструкций и коллокатов могут быть использованы для выявления синонимии в условиях автоматизированного поиска. Слова, часто встречающиеся с одинаковыми коллокатами, включаются в ряд так называемых дистрибутивных синонимов (термин, получивший широкое распространение в корпусной лингвистике) [16; 17]. Список слов в строке синонимизации формируется на основе сравнения контекстов их употребления в корпусе. Этот подход основан на «дистрибутивной семантике», суть которой заключается в том, что слова, встречающиеся в идентичных контекстах, близки по значению, поскольку статистически значимые речевые образцы занимают особое место в ментальных процедурах, направленных на категоризацию действительности [18; 19].

Результаты

На основе данных IPCC Glossary и UNFCCC Climate Change Glossary была предложена следующая фреймовая структура анализируемой предметной области. В соответствии с категориальной принадлежностью и тематической ролью в исследуемом материале могут быть выделены следующие структуры опыта:

- фрейм ‘причины’ (‘causes’), который включает в себя слоты, репрезентирующие при-

[5]ChatGPT. URL: https://chat.openai.com (дата обращения: 15.07.2025).

чины (двигатели) климатических изменений, такие как *greenhouse gases* (*парниковые газы*), *deforestation* (*вырубка лесов*), а также механизмы этих изменений, например *greenhouse effect* (*парниковый эффект*) и *carbon cycle disruption* (*нарушение углеродного цикла*). Данный фрейм фиксирует основные источники, инициирующие климатические изменения;

● фрейм 'процессы' ('processes'), который отражает динамику изменения климата и соответствующие характеристики. Он включает слоты, репрезентирующие тип процесса (*climate change – изменение климата*, *global warming – глобальное потепление*) и указывающие на временные параметры или отдаленность процессов и последствий (*long-term change* (*долгосрочные изменения*) и *immediate emergency* (*неотложная чрезвычайная ситуация*));

● фрейм 'последствия' ('effects') структурирует информацию о воздействиях климатических изменений, включая как экологические последствия (*sea level rise – повышение уровня моря*), так и социально-экономические угрозы (*health risks – риски для здоровья*). Данный фрейм подчеркивает многоаспектность влияния изменения климата на окружающую среду и общество;

● фрейм 'реагирование' ('response'), в который входят слоты, репрезентирующие стратегии смягчения последствий изменения климата (*mitigation*), такие как *emissions reduction* (*сокращение выбросов*), и стратегии адаптации (*adaptation*), включая *climate-resilient infrastructure* (*климатически устойчивая инфраструктура*). Этот фрейм фиксирует комплекс мер, предпринимаемых для преодоления негативных последствий климатических изменений.

Особое место в структуре исследуемой концептосферы занимает фрейм 'ценность' ('value'), который включает слот, показывающий основные тенденции, касающиеся особенностей восприятия проблемы – *sustainability* (*устойчивость*), *intergenerational equity* (*равенство поколений*), *climate justice* (*климатическая справедливость*). Акцент здесь делается на этической основе дискурса изменения климата.

Полученные данные были проанализированы с использованием ChatGPT с целью представления фреймовой структуры анализируемой концептосферы в виде логично выстроенной схемы (*рис. 1*)[6].

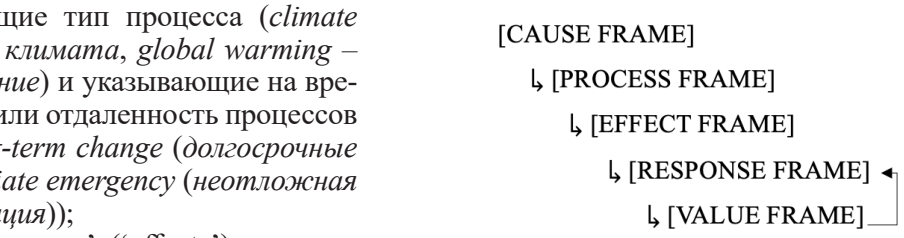

Рис. 1. Фреймовая структура концептосферы предметной области Climate Change

Fig. 1. Frame structure of concept sphere of the subject area Climate Change

Как можно увидеть, причинные концепты ('*greenhouse gases*', '*fossil fuels*') инициируют особые процессы ('*climate change*', '*global warming*'), которые вызывают экологические и социальные последствия ('*extreme weather*', '*food security risks*'), требующие разработки стратегий приспособления и предотвращения ('*mitigation*', '*adaptation*'), основанных на выработанных и устоявшихся в обществе ценностях ('*sustainability*', '*climate justice*').

Обозначенные структуры обладают статусом *макрофреймов* и составляют координационную сетку всей концептосферы. Рассмотрение концептосферы как иерархически организованной системы фреймов позволяет выявить ее внутреннюю структурированность и самые общие концептуальные характеристи-

[6]Запрос (промт) для ChatGPT: «В приводимых глоссариях, посвященных проблеме изменения климата, на основании дефиниций термины распределены между следующими тематическими группами – 'Причины', 'Процессы', 'Последствия', 'Реагирование' и 'Ценность'. Как можно графически изобразить причинно-следственную взаимосвязь данных групп терминов в рамках единого когнитивного пространства».

ки. Однако для более детального анализа необходимо обратиться к изучению отдельных ключевых концептов, которые составляют ее ядро и обеспечивают семантическое единство данной предметной области. Так, особое значение приобретает анализ концепта '*climate*', являющегося базовым и системообразующим элементом концептосферы CLIMATE CHANGE. Анализ коллокационного и функционального профилей лексических единиц в частотных контекстах позволил получить эмпирически обоснованные данные о репрезентации исследуемых концептов в профессиональном дискурсе. Выделенные в результате этой процедуры фреймы обладают статусом *микрофреймов* и встраиваются в соответствующие *макрофреймы* в качестве значимых компонентов.

Ниже приведена визуализация дистрибутивных синонимов существительного *climate*, выделенных в составе электронного корпуса, включающего материалы специального источника (IPCC Glossary). Графическое изображение демонстрирует концептуальный профиль *climate* через дистрибутивные синонимы – слова, регулярно встречающиеся в частотных контекстах с целевой лексемой (*Рис. 2*).

В результате анализа было установлено, что концепт '*climate*' может реализовываться через такие дистрибутивные синонимы, как *system* (*система*) – 268 случаев употребления[7], *temperature* (*температура*) – 144, *model* (*модель*) – 118, каждый из которых отражает разные фреймы: 'system' – фрейм сложности и интеграции; 'temperature' – фрейм измерения; 'management' – фрейм прогнозирования и симуляции.

Фрейм 'system' ('система'), будучи одним из наиболее близких и устойчивых контекстуальных дистрибутивных синонимов лексемы *climate*, является значимым аспектом анализируемого понятия. Частотное использование *system* и *climate* в сходных контекстах показывает, что в профессиональном дискурсе *climate*

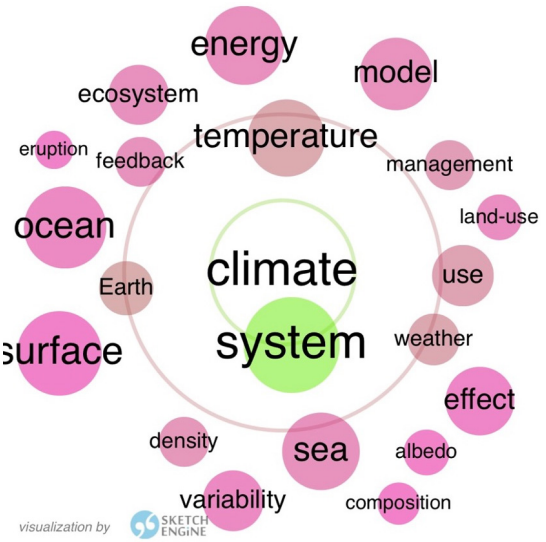

Рис. 2. Дистрибутивные синонимы существительного *climate*, полученные с помощью менеджера Sketch Engine

Fig. 2. Distributional synonyms of noun *climate* obtained using Sketch Engine

осмысляется не как статическое состояние природы, которому присущи только характеристики места и времени, а прежде всего как комплексная, целостная, иерархически организованная структура. Подобная концептуализация отражает научную картину мира, где климат рассматривается как динамическая система, включающая следующие параметры (слоты): компоненты (*atmosphere*, *hydrosphere*); процессы, происходящие внутри системы (*feedbacks*, *variability*); внешние воздействия (*greenhouse gases, solar radiation*); взаимодействие компонентов системы (*carbon cycle interactions, atmosphere-ocean interactions*).

Следующий дистрибутивный синоним – лексема *temperature* (*температура*). В большинстве дефиниций понятия 'climate' в глоссарии фиксируется, что климат определяется изменением температур. Температура исполь-

[7]Показатель частотности – количество употреблений дистрибутивного синонима в исследуемом корпусе.

зуется как индикатор климатических изменений. Например, термины *1.5°c pathway* и *global warming* определяют изменения климата исключительно через температурные пороговые значения. Анализ показал, что фрейм 'temperature' включает несколько ключевых слотов: *measurement* / 'измерения' (концепт '*climate*' рассматривается как измеряемая величина, где температура выступает основной единицей измерения состояния климата (*temperature anomaly, temperature threshold*); *change* (изменение) – именно температура сигнализирует о климатических изменения в первую очередь (*climate sensitivity, climate variability*); *modelling and projection* (моделирование и прогнозирование) – температура является основной переменной в климатических прогнозах (*climate projection*).

В ходе анализа также был зафиксирован фрейм 'management' ('управление'), в котором климат интерпретируется как объект координации и регулирования, о чем свидетельствует фиксация в глоссарии таких терминов, как *climate governance* (*климатическое управление*), *climate services* (*климатические услуги*). Данный фрейм отражает прагматический аспект концепта '*climate*'.

Анализ материала электронного корпуса показал, что помимо *system* и *temperature*, значимыми дистрибутивными синонимами лексемы *climate* являются также *ocean* (*океан*) – 173 и *energy* (*энергия*) – 154.

Так, 'ocean' профилирует *climate* через представление о Земле как о системе, где океан – это не только элемент планеты, но и регулятор климата – основной аккумулятор тепловой энергии, забирающий избыточное тепло, вызванное климатическими изменениями, а также фактор, смягчающий последствия антропогенных воздействий на климатическую систему.

Фрейм 'energy' профилирует климат через его физическую и термодинамическую природу. Важным слотом фрейма 'energy' выступает *energy flux* (энергетический поток), характеризующий процессы передачи энергии между основными компонентами климатической системы – атмосферой, океаном и сушей.

Во фрейме 'states' / 'conditions' ('состояния' / 'условия') *climate* репрезентируется как состояние, характеризующееся изменчивостью или экстремальностью, а фрейм 'driver' / 'agent' ('драйвер' / 'агент') рассматривает климат как движущую силу, оказывающую влияние на другие процессы и системы.

На следующем этапе исследования аналогичным образом была проанализирована лексема *change*. Будучи абстрактным существительным с широкой дистрибуцией в профессиональной терминологии, *change* может иметь функцию элемента, связывающего отдельные фреймы концептосферы CLIMATE CHANGE в единую когнитивную систему (*рис. 3*).

Наиболее частотными и значимыми дистрибутивными синонимами, репрезентирующими концепт '*change*' в контексте исследуемого элек-

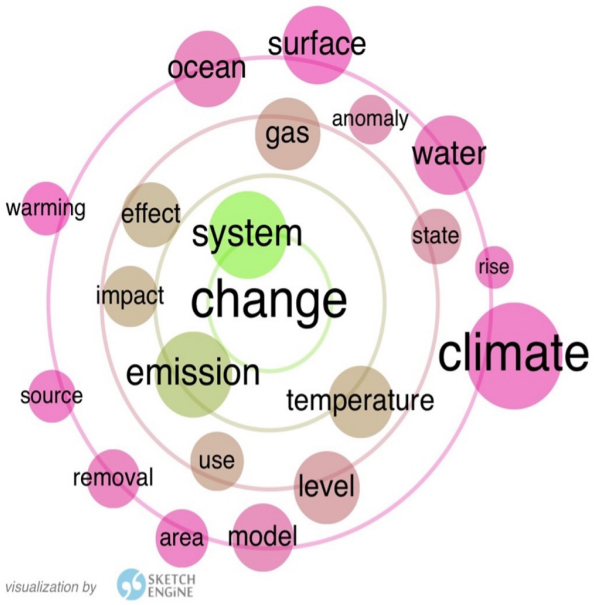

Рис. 3. Дистрибутивные синонимы существительного *change*, полученные с помощью менеджера Sketch Engine

Fig. 3. Distributional synonyms of noun *change* obtained using Sketch Engine

тронного корпуса, являются *climate* (*климат*) – 474 случаев употребления, *system* (*система*) – 268, *emission* (*выброс*) – 252, *temperature* (*температура*) – 144, *ocean* (*океан*) – 173, *surface* (*поверхность*) –188 и *water* (*вода*) – 195.

Как можно видеть, некоторые контекстуальные синонимы *change* в рамках специализированного дискурса совпадают с коррелятами *climate*, что неудивительно, поскольку эти лексические единицы составляют единое, но структурно расчлененное понятие, т. е. составной (полилексемный) термин.

Контекстуальный анализ корпусных конкордансов показывает, что во фрейме ‘climate’ (‘климат’) *change* концептуализируется как изменение климатической системы: слот *type of change* (*вид изменения*) с акцентом на длительность; слот *timescale* (*временной масштаб*); слот *cause* (*причина изменения*).

Во фрейме ‘system’ (‘система’) *change* осмысляется в контексте структурных и функциональных трансформаций системы, включая такие слоты, как *components* (*компоненты системы*), *processes* (*процессы в системе*) и *interactions* (*взаимодействия*).

В рамках фрейма ‘surface’ (‘поверхность’) *change* репрезентируется как изменение физических характеристик поверхности Земли и включает следующие слоты: *temperature change* (*изменение температуры поверхности*), *albedo change* (*изменение альбедо – отражательной способности Земли*), *land use change* (*изменение землепользования*).

Выводы

1. Проведенный в работе концептуально-дискурсивный анализ позволил выделить ключевые, таксономические и оценочные составляющие (фреймы) в структуре исследуемой концептосферы CLIMATE CHANGE.

2. При рассмотрении таксономических связей между ключевыми концептами было установлено, что фреймам в структуре концепта ‘*change*’ (в контексте проблем изменения климата) свойственно представление данного явления в первую очередь как природного и физического процесса, что подтверждается обнаруженными дистрибутивными синонимами, акцентирующими внимание на температуре и гидрологическом цикле. Напротив, дистрибутивные синонимы, репрезентирующие концепт ‘*climate*’, подчеркивают не только природную, но и социальную значимость данного феномена.

3. Интегративная фреймовая модель CLIMATE CHANGE является комплексной и опирается на языковую основу, репрезентирующую ее как преимущественно объективный процесс трансформации природной системы, с одной стороны, и как социально-природную категорию, включающую управленческие и ценностные измерения, с другой.

4. CLIMATE CHANGE следует рассматривать как единое, но структурно расчлененное понятие, в котором центральным компонентом выступает концепт ‘*climate*’. Он обладает более высокой степенью концептуальной насыщенности и семантической нагруженности, выполняя функцию смыслового ядра данной концептуальной конструкции.

Список литературы

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. 411 с.
2. *Fillmore Ch. J.* Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm. Seoul, 1982. P. 111–137.
3. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М., 2007. 314 с.
4. *Зыкова И.В.* «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии // Вопр. когнит. лингвистики. 2015. № 2(43). С. 13–24.
5. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
6. *Манерко Л.А., Суханова А.С.* Функционирование фрейма environment в специальных концептуальных областях знания в английском языке // Слово.ру: Балт. акцент. 2024. Т. 15, № 3. С. 22–38. https://doi.org/10.5922/2225-5346-2024-3-2

7. *Ostermann C.* Cognitive Lexicography. Berlin, 2015. 392 p.
8. *Evans V., Green M.* Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh, 2018. 830 p.
9. *Grundmann R., Krishnamurthy R.* The Discourse of Climate Change: A Corpus-Based Approach // CADAAD. 2010. Vol. 4. P. 113–133.
10. *Moernaut R., Mast J., Pauwels L.* Framing Climate Change: A Multi-level Model // Handbook of Climate Change Communication. 2017. Vol. 1. P. 215–271.
11. *Кочетова Л.А., Орлянская М.Н.* Медиатизация ценности «экологическая безопасность» в англоязычных СМИ: корпусный подход // Дискурс. 2024. Т. 10, № 2. С. 131–142.
12. *Чепурная М.А.* Неологические репрезентанты концепта «экология» в англоязычном массмедийном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2020. 152 с.
13. *Ван Е., Ли Жосинь.* Дискурсивное конструирование российской концепции климатической дипломатии в эпоху Парижского соглашения // Полит. лингвистика. 2023. № 6(102). С. 188–198.
14. *Пономарева Е.Ю.* Дискурсивные стратегии и тактики убеждения в научно-популярном дискурсе по изменению климата // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2024. № 506. С. 33–43.
15. *Орлянская М.Н.* Лингвокультурная специфика медиатизации ценности «ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» в англоязычных СМИ: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2025. 173 с.
16. *Гвишиани Н.Б.* Ассоциативные фреймы-конкордансы в поиске “когнитивного консенсуса” при переводе // Вопр. филологии. 2019. № 1-2(65-66). С. 124–130.
17. *Gvishiani N.B., Laptinova A.I.* The Verbalised Concept ‘*Challenge*’ in Functionally Defined Varieties of English: Terminologisation vs. Metaphorisation // Issues of Cognitive Linguistics. 2024. № 1. P. 5–16. https://doi.org/10.20916/1812-3228-2024-1-5-16
18. *Rubenstein H. Goodenough J.* Contextual Correlates of Synonymy // Communications of the ACM. 1965. Vol. 8, № 10. P. 627–633.
19. *Fillmore Charles J., Atkins Beryl T.* Towards a Frame-Based Organization of the Lexicon: The Semantics of RISK and Its Neighbors // Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantic and Lexical Organization. 1992. P. 75–102.

References

1. Wierzbicka A. *Language. Culture. Cognition.* Moscow, 1996. 411 p. (in Russ.).
2. Fillmore Ch.J. Frame semantics. *Linguistics in the Morning Calm*. Seoul, 1982, pp. 111–137.
3. Popova Z.D., Sternin I.A. *Cognitive Linguistics*. Moscow, 2007. 314 p. (in Russ.).
4. Zykova I.V. ‘Conceptosphere of Culture’ As the Basic Unit in the Metalanguage of Linguoculturology. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2015, no. 2, pp. 13–24 (in Russ.).
5. Likhachev D.S. Conceptosphere of the Russian Language. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 1993, vol. 52, no. 1, pp. 3–9 (in Russ.).
6. Manerko L.A., Sukhanova A.S. Functioning of the Frame “Environment” in Special Conceptual Fields of Knowledge in English. *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent*, 2024, vol. 15, no. 3, pp. 22–38 (in Russ.). https://doi.org/10.5922/2225-5346-2024-3-2
7. Ostermann C. *Cognitive Lexicography*. Berlin, 2015. 392 p.
8. Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh, 2018. 830 p.
9. Grundmann R., Krishnamurthy R. The Discourse of Climate Change: A Corpus-based Approach. *CADAAD*, 2010, vol. 4, pp. 113–133.
10. Moernaut R., Mast J., Pauwels L. Framing Climate Change: A Multi-level Model. *Handbook of Climate Change Communication*, 2017, vol. 1, pp. 215–271.
11. Kochetova L.A., Orlyanskaya M.N. Mediatization of the Ecological Security in the English Media: Corpus-assisted Approach. *Discourse*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 131–142 (in Russ.).
12. Chepurnaya M.A. *Neological Representatives of the Concept “Ecology” in the English-language Mass Media Discourse*: Diss. Krasnodar, 2020. 152 p (in Russ.).
13. Van E., Li Zhaoxin. Discursive Formation of the Russian Climate Diplomacy Concept in the Paris Agreement Era. *Political Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 188–198 (in Russ.).

14. Ponomareva E.Yu. Discursive Strategies and Tactics of Persuasion in Popular Scientific Discourse on Climate Change. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2024, no. 506, pp. 33–43.

15. Orlyanskaya M.N. *Linguocultural Specificity of the Mediatization of the Value "Environmental Safety" in English-language Media*: Diss. Saint Petersburg, 2025.173 p. (in Russ.).

16. Gvishiani N.B. Associative Frame Concordances in the Search for "Cognitive Consensus" in Translation. *Voprosy filologii*, 2019, no. 1–2, pp. 124–130 (in Russ.).

17. Gvishiani N.B., Laptinova A.I. The Verbalized Concept "Challenge" in Functionally Defined Varieties of English: Terminologisation vs. Metaphorisation. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 5–16 (in Russ.).

18. Rubenstein H., Goodenough J. Contextual Correlates of Synonymy. *Communications of the ACM*, 1965, vol. 8, no. 10, pp. 627–633.

19. Fillmore Ch.J., Atkins B.T. Towards a Frame-based Organisation of Lexicon: the Semantics of RISK and its Neighbors. *Frames, Fields, and Contrasts. New Essays in Semantic and Lexical Organization*, 1992, pp. 75–102.

Информация об авторе

А.И. Лаптинова *– аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.*

Information about the author

Anastasiya I. Laptinova*, Postgraduate Student at the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.*

Поступила в редакцию 01.08.2025
Одобрена после рецензирования 12.12.2025
Принята к публикации 17.12.2025

Submitted 1 August 2025
Approved after reviewing 12 December 2025
Accepted for publication 17 December 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 52–62.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 52–62.

Научная статья
УДК 811.111'42(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V527

Использование хеджей и бустеров в англоязычных научных статьях конца XIX – начала XX века

Елизавета Андреевна Дубовик[1]✉
Елена Владимировна Боднарук[2]
[1, 2]Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
[1]e.dubovik@narfu.ru✉, https://orcid.org/0009-0005-7901-0969
[2]e.bodnaruk@narfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4405-4513

Аннотация: Статья посвящена использованию хеджей и бустеров, лексико-грамматических дискурсивных единиц, способствующих регулированию силы авторского высказывания, в англоязычном научном дискурсе конца XIX – начала XX века. Актуальность исследования обусловливается повышенным интересом современной лингвистики к дискурсивным единицам, в т. ч. хеджам и бустерам, играющим существенную роль в научном дискурсе, регулирующим идейное присутствие автора в тексте статьи, способствующим поддержанию контакта между авторами и читателями, а также отражающим субъективную авторскую позицию по рассматриваемому вопросу. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые производится количественный и качественный анализ единиц смягчения и усиления высказывания в научных статьях англоязычных авторов конца XIX – начала XX века. В качестве материала послужили 12 статей из области прикладной лингвистики, теории педагогики, теоретической антропологии и прикладной астрофизики, которые были написаны в период с 1887 по 1914 год. Методом сплошной выборки было получено 3916 языковых единиц, из которых 41,1 % – хеджи, 58,9 % – бустеры. Результаты эмпирического анализа показывают, что бустеры и хеджи, будучи важными инструментами регулирования силы высказывания, активно использовались англоязычными авторами в научных публикациях конца XIX – начала XX столетия. Более частое употребление бустеров можно объяснить особенностями научной традиции того периода. В силу ряда причин (относительно небольшое количество публикаций, отсутствие жестких требований к структуре статьи и ее объему) исследователи были в большей степени склонны позиционировать себя как экспертов в выбранной области знания, выражая мысли весьма однозначно и уверенно.
Ключевые слова: *хеджи, бустеры, смягчение высказывания, усиление высказывания, научный дискурс конца XIX – начала XX века, английский язык*

Для цитирования: Дубовик Е.А., Боднарук Е.В. Использование хеджей и бустеров в англоязычных научных статьях конца XIX – начала XX века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 52–62. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V527

© Дубовик Е.А., Боднарук Е.В., 2026

Original article

The Use of Hedges and Boosters in English-Language Scientific Articles of the Late 19th and Early 20th Centuries

Elizaveta A. Dubovik[1]✉
Elena V. Bodnaruk[2]
[1, 2]Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,
[1]e.dubovik@narfu.ru✉, https://orcid.org/0009-0005-7901-0969
[2]e.bodnaruk@narfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4405-4513

Abstract: This paper is aimed at revealing the question about using hedges and boosters, lexico-grammatical discourse items that promote regulations of proposition force – within anglophone scientific discourse of the late 19th – early 20th century. The relevance of the research is determined by the increased interest of modern linguistics in discursive units, including hedges and boosters, which play a significant role in scientific discourse, regulating the author's ideological presence in the text of the work, contributing to maintaining contact between the authors of texts and their readers, as well as reflecting the author's subjective position on the discussed issue. The scientific originality of the study lies in the fact that it is for the first time to perform a quantitative and qualitative analysis of the units mitigating and reinforcing the utterance in scientific articles by anglophone authors of the late 19th – early 20th century. The research material includes articles from the field of applied linguistics, theory of pedagogy, theoretical anthropology and applied astrophysics. The articles analysed were written between 1887 and 1914. The total number of hedges and boosters identified by the continuous sampling method was 3916 language units, of which 41.1 % were defined as hedges and 58.9 % as boosters. The results of empirical analysis show that boosters and hedges, being important tools for regulating the power of utterance, were actively used by anglophone authors in scientific publications of the late 19th and early 20th centuries. The more frequent usage of boosters can be explained by the scientific traditions of that period. Due to a number of reasons (the relatively small number of published articles, the absence of strict requirements regarding article structure and length), the authors of scientific papers positioned themselves more as real experts in their field of knowledge, expressing their subjective thoughts very unambiguously and confidently.

Keywords: *hedges, boosters, hedging the proposition, boosting the proposition, scientific discourse of the late 19th – early 20th century, the English language*

For citation: Dubovik E.A., Bodnaruk E.V. The Use of Hedges and Boosters in English-Language Scientific Articles of the Late 19th and Early 20th Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 52–62. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V527

Введение. В настоящее время наблюдается рост интереса к исследованиям, посвященным способам выражения авторской мысли в рамках того или иного дискурса. В научном дискурсе особенно значимыми способами оперирования высказыванием можно считать его смягчение и усиление при помощи особых дискурсивных маркеров – хеджей и бустеров, способных привносить в текст тот или иной риторический оттенок, отражая степень уверенности автора в выражаемой им точке зрения [1, с. 350].

Изучением данных языковых единиц занимались как зарубежные ([1–5] и др.), так и российские ([6–11] и др.) ученые. Вместе с тем

до сих пор, по-видимому, не было произведено исследований, затрагивающих использование хеджей и бустеров в историческом аспекте. Цель настоящей статьи – заполнить эту лакуну.

В задачи исследования входят: отбор статей, написанных авторами-англофонами в конце XIX – начале XX века и принадлежащих разным областям научного знания; разработка критериев идентификации представленных в данном корпусе единиц смягчения и усиления высказывания; проведение сплошной выборки и количественного подсчета обнаруженных в корпусе хеджей и бустеров; интерпретация полученных результатов в контексте научной культуры рассматриваемого периода.

Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом современной лингвистики к хеджам и бустерам как особым языковым единицам, способным регулировать силу авторского высказывания. Их применение в качестве маркеров-регуляторов выразительной силы высказывания представляет особенный интерес в рамках *научного дискурса*, поскольку при создании научных текстов ключевую роль играет необходимость изложить материал последовательно и объективно, учитывая при этом важность специфической экспрессивности текста, его способности оказывать влияние на адресата [12, с. 119; 13, с. 424; 14, с. 538–539; 15, с. 74].

Теоретическая значимость работы видится в попытке углубления наших знаний об эволюции научного дискурса и особенностях выражения в нем авторской позиции в исторической ретроспективе. Полученные данные могут найти применение при подготовке курсов по истории английского языка, стилистике текста, академическому письму, а также при проведении сопоставительных исследований научных традиций разных эпох.

Теоретическая база. Языковые единицы, отражающие высокую степень смысловой размытости и неясности, были впервые выделены американским лингвистом Дж. Лакоффом и получили название *хеджи* [2, с. 471–472]. Среди их основных функций можно упомянуть проявление тактичности к собеседнику в процессе коммуникации и ненавязчивое выражение своего мнения, в т. ч. и сомнения. В роли хеджей могут выступать различные части речи, например наречия (*possibly, slightly, somewhat*), глаголы (*would, could, suggest, seem*) и даже синтаксические структуры (*loosely speaking, if I may say so*) [7, с. 67–68].

В свою очередь, единицы, отвечающие за усиление высказывания, британский лингвист К. Хайленд определил как *бустеры*, роль которых демонстрировать уверенность в собственной точке зрения, интенсивно маркировать какую-либо идею, а также выражать субъективный интерес к участию в беседе и собеседнику [1, с. 350]. Бустерами являются, к примеру, наречия с интенсифицирующим значением (*a **really** beautiful face*) или имена прилагательные, обладающие эффектом усиления (*a **strong** opponent*) [16, с. 115–121]. Использование бустеров, таким образом, определяется как «коммуникативная стратегия повышения силы высказывания» [17, с. 65], которая, в противовес хеджированию, акцентирует высокую степень уверенности, маркирует убежденность в своей правоте и утверждает общепринятое мнение.

Будучи феноменом прагмалингвистики, хеджи и бустеры применяются в разнообразных речевых ситуациях и зависят от контекста использования [17, с. 65; 18, с. 437–438]. Более того, некоторые языковые единицы могут в зависимости от контекста выступать то как бустеры, то как хеджи, например наречия *pretty* или *quite* [19–21].

Роль бустеров и хеджей как прагматических операторов научного дискурса представляется необычайно важной по причине их способности «переключать» смысловое ударение, сохраняя тем самым логический баланс между тактичностью и уверенностью. Если хеджи позволяют избежать прямолинейности, маркируя тактичность и ненавязчивость мнения, то бустеры, наоборот, помогают выразить высокую степень уверенности автора, демонстрируя несомненность его точки зрения и привлекая внимание аудитории к проблематике работы [1, с. 352–353].

Значимую роль в вопросе применения хеджей и бустеров играет *эпистемическая модальность*, которая подразумевает оценку степени вероятности пропозиционального содержания высказывания. В научном дискурсе речь обычно идет об экспликации различной степени уверенности автора в том, о чем он говорит или пишет [22, с. 23; 23, с. 71]. Следует отметить, что весьма значительное количество хеджей и бустеров служит для выражения какого-либо значения эпистемической модальности.

К. Хайленд, исследуя хеджи и бустеры как дискурсивные единицы, относит их к интеракциональным средствам, указывающим на присутствие автора-исследователя в тексте. Как прагматико-коммуникативные составляющие научного дискурса данные маркеры обладают способностью не только выражать субъективное отношение автора к исследуемому вопросу, но и управлять степенью вовлеченности адресатов [24, с. 3–4]. Таким образом, важная функция как хеджей, так и бустеров – «подталкивать» адресата к определенной интерпретации авторского суждения [1, с. 352; 18, с. 437–438].

Материалы и методы. Наш интерес к рассматриваемым дискурсивным единицам обусловлен историческим аспектом. С целью прояснить, как часто и по какой причине данные регуляторы силы высказывания применялись исследователями конца XIX – начала XX века, мы проанализировали 12 статей англоязычных авторов из области прикладной лингвистики, теории педагогики, теоретической антропологии и прикладной астрофизики.

В работе использованы метод теоретического анализа и синтеза литературы, метод сплошной выборки, описательный метод, количественный метод с представлением полученных данных в таблице, метод сравнительно-исторического обобщения для интерпретации результатов.

Подвергнутые анализу статьи были написаны в период с 1887 по 1914 год[1]. Общее количество хеджей и бустеров, извлеченных из них методом сплошной выборки, составило 3916 языковых единиц.

Принимая во внимание неоднородность английского языка как lingua franca, мы фокусируем внимание лишь на статьях, написанных авторами, для которых английский язык является родным языком, отражающим их культурные и нравственные ценности (т. е. британцами и американцами).

Для идентификации хеджей использовались следующие критерии: демонстрация неуверенности и смягчение прямолинейности

[1]Статьи приводятся в хронологическом порядке: *Elliot A.M.* Speech Mixture in French Canada // Am. J. Philol. 1887. Vol. 8, № 2. P. 133–157. URL: https://www.jstor.org/stable/287383 (дата обращения: 05.09.2025); *Boas F.* On Alternating Sounds // Am. Anthropol. 1889. Vol. 2, № 1. P. 47–54. URL: https://www.jstor.org/stable/658803 (дата обращения: 07.09.2025); *Price T.R.* The New Function of Modern Language Teaching // PMLA. 1901. Vol. 16, № 1. P. 71–91. URL: https://www.jstor.org/stable/456401 (дата обращения: 06.09.2025); *Sheldon E.S.* Practical Philology // PMLA. 1902. Vol. 17, № 1. P. 91–104. URL: https://www.jstor.org/stable/456431 (дата обращения: 06.09.2025); *Boas F.* The History of Anthropology // Sci. New Ser. 1904. Vol. 20, № 512. P. 513–524. https://www.jstor.org/stable/1631123 (дата обращения: 08.09.2025); *Karsten G.E.* Germanic Philology // J. English Germ. Philol. 1908. Vol. 7, № 2. P. 4–21. URL: https://www.jstor.org/stable/27699909 (дата обращения: 08.09.2025); *Very F.W.* The Presence of Water Vapor in the Atmosphere of Mars Demonstrated by Quantitative Measurements // Sci. New Ser. 1909. Vol. 29, № 735. P. 191–193. URL: https://www.jstor.org/stable/1636202 (дата обращения: 08.09.2025); *Blake F.R.* Tagalog Verbs Derived from Other Parts of Speech // Am. J. Philol. 1911. Vol. 32, № 4. P. 436–440. URL: https://www.jstor.org/stable/288643 (дата обращения: 05.09.2025); *Edwin W.* Fay. The Latin Confixes -Edon-, -Edno-, 'Eating' // Univ. Chicago Press. 1911. Vol. 6, № 3. P. 315–324. URL: https://www.jstor.org/stable/262310 (дата обращения: 06.09.2025); *Scott J.A.* Two Linguistic Tests of the Relative Antiquity of the Iliad and the Odyssey // Clas. Philol. 1911. Vol. 6, № 2. P. 156–162. URL: https://www.jstor.org/stable/261918 (дата обращения: 09.09.2025); *Seiberth P.* A Study in the Principles of Linguistic Change // J. English Germ. Philol. 1914. Vol. 13, № 1. P. 37–44. URL: http://www.jstor.com/stable/27700557 (дата обращения: 06.09.2025); *Petersen W.* Syncretism in the Indo-European Dative // Am. J. Philol. 1918. Vol. 39, № 1. P. 1–26. URL: https://www.jstor.org/stable/289122 (дата обращения: 05.09.2025).

(проявление некатегоричности). Для определения бустеров принимались во внимание такие критерии, как демонстрация уверенности и прямолинейность в суждении (проявление категоричности). Данные критерии основываются на ключевых характеристиках бустеров и хеджей: маркеры усиления призваны выделить в тексте идею автора и укрепить его позицию перед аудиторией, выражая высочайшую степень убежденности, тогда как маркеры смягчения имеют целью сгладить высказывание и подчеркнуть низкую степень уверенности автора в собственной позиции либо его уважительное отношение к мнению других исследователей и нежелание казаться слишком прямолинейным и навязчивым [1, с. 350–351].

Важно добавить, что, хотя хеджи и бустеры рассматриваются нами как противоположные понятия, мы трактуем их как взаимосвязанные единицы, способные дополнять друг друга в рамках научного контекста. Во-первых, хеджи и бустеры следует понимать как средства реализации языковой вежливости, которая, будучи коммуникативной категорией, «представляет собой сложную систему <…> стратегий, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение» [25, с. 169], играет важнейшую роль для любого дискурса, в т. ч. научного. Во-вторых, когда хеджи и бустеры применяются в научном дискурсе в качестве регуляторов силы авторского высказывания, они способны создавать различные риторические эффекты, функционируя, по утверждению британского исследователя К. Хайленда, в виде взаимодополняемых «гармоничных комбинаций» [1, с. 351].

В процессе анализа текстов наше внимание фокусировалось в первую очередь на тех частях речи, которые, по утверждениям ученых, в большей степени способны функционировать в роли маркеров смягчения и усиления высказывания. В современных исследованиях роль хеджей и бустеров отводят прежде всего основным частям речи, а именно наречиям (*generally, possibly, likely* – хеджи; *actually, extremely, of course* – бустеры), именам прилагательным и существительным (*hypothetical, possible, supposition* или *assumption* определяются как хеджи, в то время как *definite, evident, fact* или *confidence* – как бустеры), модальным глаголам, а также некоторым связочным глаголам и глаголам мыслительной деятельности (*might, should, seem, suppose* являются хеджами, *must, will, show, demonstrate* – бустерами) [3, с. 368–370; 26, с. 97–98]. По всей видимости, именно данные части речи благодаря своему прагматическому функционалу могут трактоваться в научном дискурсе как сильные контекстуальные бустеры и хеджи, эффективные средства регулирования силы высказывания.

Результаты и обсуждение. В ходе анализа примеров использования хеджей и бустеров в текстах научных статей конца XIX – начала XX века был проведен подсчет количества исследуемых лексико-грамматических единиц. Результаты данного подсчета представлены в *таблице*.

В качестве наиболее частотных хеджей в исследованных нами статьях выступали модальные глаголы *may, might, would, should*, имена прилагательные, выражающие сомнение, обобщение или вероятность (*general, probable* и др.), а также наречия с ярко выраженным вероятностно-обобщающим или неопределенным значением (к примеру, *generally, somewhat, comparatively, possibly, sometimes*):

Anyone of these three investigations ***should*** *have shown how vain the attempt to separate the books of Homer on the basis of the defining article (Каждое из этих трех исследований* ***должно было бы*** *показать, насколько тщетны попытки распределить книги Гомера на основе определенного артикля)*[2];

This fact lies one of the weaknesses of the method which led a number of anthropologists to a ***somewhat*** *different statement of the problem (В этом факте кроется одна из слабых сторон*

[2]*Scott J.A.* Two Linguistic Tests of the Relative Antiquity of the Iliad and the Odyssey. P. 156.

Количество хеджей и бустеров в англоязычных научных статьях конца XIX – начала XX века

Frequency of Hedges and Boosters in Late 19th – Early 20th Century English Scientific Articles

Название статьи	Количество хеджей, ед.	Доля-хеджей, %	Количество бустеров, ед.	Доля бустеров, %
"Speech Mixture in French Canada" (1887)	196	41,8	273	58,2
"On Alternating Sounds" (1889)	71	34,5	135	65,5
"The New Function of Modern Language Teaching" (1901)	133	37,1	225	62,9
"Practical Philology" (1902)	255	50,6	249	49,4
"The History of Anthropology" (1904)	154	35,3	282	64,7
"Germanic Philology" (1908)	215	37,4	360	62,6
"The Presence of Water Vapor in the Atmosphere of Mars" (1909)	59	45,0	72	55,0
"Tagalog Verbs Derived from Other Parts of Speech" (1911)	43	44,8	53	55,2
"The Latin Confixes" (1911)	102	58,6	72	41,4
"Two Linguistic Tests of the Relative Antiquity" (1911)	55	36,7	95	63,3
"A Study in the Principles of Linguistic Change" (1914)	55	30,4	126	69,6
"Syncretism in the Indo-European Dative" (1918)	273	42,9	363	57,1
Итого	1611	41,1	2305	58,9

метода, по причине которой ряд антропологов столкнулся с ***несколько*** *иной постановкой вопроса)*[3];

It ***may*** *be laid down as a* ***general*** *rule that practically any word in Tagalog is capable of being used as the basis of verbal forms (****Можно*** *установить в качестве* ***общего*** *правила, что практически любое слово в тагальском языке способно применяться как основа для образования глагольной формы)*[4].

Среди наиболее часто встречающихся бустеров можно выделить превосходную степень

[3] *Boas F.* The History of Anthropology. P. 517.

[4] *Blake F.R.* Tagalog Verbs Derived from Other Parts of Speech. P. 437.

имен прилагательных, модальные глаголы *must, will* и *shall*, наречия и имена прилагательные с усиливающим или интенсифицирующим значением, маркирующие смысловое ударение на связанных с ними лексических единицах (наречия *especially, necessarily, chiefly*, прилагательные *chief, necessary, notable, considerable*); имена существительные со значением первостепенности, особой значимости, фактуальности (*evidence, fact* и некоторые другие):

*Among anthropologists of our time we find a **considerable** amount of specialization of the subject matter of their researches according to the divisions here given (В наше время среди антропологов мы наблюдаем **значительную** специализацию в предмете их исследований в соответствии с приведенными здесь подразделениями)*[5];

*We **consider** that of the examples gathered only a **very** small percentage **must** be taken in the sense claimed for them (Мы **считаем**, что из собранных примеров лишь **очень** небольшой процент **следует** рассматривать в том смысле, в котором они заявлены)*[6];

*To review briefly the main errors of the earlier theories **will** enable us to form a better estimate of Wundt's work, and **will** serve to prepare the way for the particular aspect presented in this study (Краткий обзор основных ошибок более ранних теорий **поможет** нам лучше оценить работу Вундта и **позволит** подготовить почву для анализа конкретного вопроса, представленного в этой работе)*[7].

Согласно *таблице*, в 10 из 12 статей количество бустеров превышает количество хеджей. Исключение составляют лишь статьи "The Latin Confixes" и "Practical Philology", в которых хеджей больше, чем бустеров. Примечательно, что результаты нашего эмпирического анализа расходятся с данными некоторых других лингвистов, утверждающих, что в англоязычных научных статьях хеджи используются чаще бустеров (см.: [1, 26] и др.). Следует, однако, принять во внимание тот факт, что эти лингвисты делают выводы на основании анализа статей, написанных относительно недавно.

Если исходить из того, что основная часть статей из нашего эмпирического материала относится к гуманитарному профилю, то можно было бы предположить, что большое количество бустеров в них связано с тем, что такие публикации содержат больше рассуждений субъективного характера и чаще более эмоциональны, чем статьи из области точных наук. Однако единственная статья естественнонаучного профиля в нашем корпусе статей также характеризуется наличием большего количества бустеров, чем хеджей.

Думается, что довольно существенный разрыв между долей хеджей и бустеров в статьях (41,1 и 58,9 % от общего числа выявленных единиц соответственно) может означать стремление авторов работ данного периода выразить собственную позицию по научным вопросам максимально однозначно и уверенно. В статьях конца XIX – начала XX века авторы в значительно большей степени полагались на собственные рассуждения и выводы. Они реже апеллировали к другим исследованиям. Да и количество статей в рассматриваемый период времени еще было сравнительно небольшим, в связи с чем авторы были склонны позиционировать себя как экспертов в выбранной области знания. Полагаем, что именно этим следует объяснять использование бóльшего количества бустеров, нежели хеджей.

Примеры бустеров в анализируемых текстах действительно многочисленны и разнообразны. Так, в статье А.М. Эллиота, изучавшего языки и культуру канадских индейцев, находим:

*We have **abundant testimony**, from the missionaries of the early settlements on the*

---

[5] *Boas F.* The History of Anthropology. P. 514.

[6] *Petersen W.* Syncretism in the Indo-European Dative. P. 3.

[7] *Seiberth P.* A Study in the Principles of Linguistic Change. P. 37.

St. Lawrence, of the ***enormous*** *difficulty that attached to acquiring even a moderate facility in the use of the native idioms (У нас есть* ***многочисленные свидетельства*** *от миссионеров из первых поселений на реке Св. Лаврентия о* ***колоссальных*** *трудностях, с которыми приходилось сталкиваться, чтобы овладеть навыками использования местных наречий хотя бы на среднем уровне)*[8].

Прилагательное *abundant* в словосочетании *abundant testimony* представляется бустером по причине стремления автора подчеркнуть уверенность в правоте своих суждений: «у нас есть *многочисленные свидетельства*» (следовательно, источники, откуда получены свидетельства, позиционируются автором как надежные и достоверные). Как бустер выступает и прилагательное *enormous*: автор статьи пишет не просто о трудностях усвоения местных наречий, но о «*колоссальных* трудностях».

Вместе с тем, статьи конца XIX – начала XX века содержат и достаточно большое количество хеджей, которые, впрочем, довольно часто соседствуют с бустерами в рамках одного высказывания. Например:

Even among the few words of Indian origin that remain in Canadian French today, there are ***some*** *which do not belong to the domain of native speech whence we* ***might naturally suppose*** *that they* ***would*** *have been taken, and, therefore, in seeking to account for their form or to explain the phonetic changes which these vocables have undergone, we* ***must naturally*** *have recourse to a system of phonetic production and to laws of morphological development (Даже среди немногих слов индейского происхождения, которые сохранились сегодня в канадском французском, есть* ***некоторые****, не относящиеся к области родной речи, откуда, как мы* ***закономерно могли бы предположить****, они,* ***скорее всего****, были заимствованы и, следовательно, стремясь найти объяснение для формы этих слов или фонетических изменений, которые они претерпели, мы,* ***безусловно, должны*** *обратиться к системе звукообразования и к закономерностям морфологического развития)*[9].

В конструкциях *we might suppose* и *they would have been* содержатся модальные глаголы *might* и *would*, призванные смягчить позицию автора и выразить его некатегоричность в отношении суждения. Хеджами являются также *some* и *suppose*. В то же время бустерами выступают наречие *naturally* и модальный глагол *must*. Автор статьи использует сочетания бустеров и хеджей как те самые «гармоничные комбинации», упомянутые К. Хайлендом [1, с. 351], применяя их для многопланового выражения своей позиции, стремясь как смягчить категоричность своего высказывания, так и выразить уверенность в достоверности знания.

Заключение. Результаты анализа эмпирического материала позволяют сделать вывод о том, что в большинстве подвергнутых анализу статей количество бустеров превышает количество хеджей. Всего в 12 статьях было обнаружено 1611 хеджей (41,1 %) и 2305 бустеров (58,9 %).

Количественные данные свидетельствуют о том, что рассматриваемые языковые единицы активно применялись англоязычными авторами в научных публикациях конца XIX – начала XX столетия. Хеджи и бустеры можно считать равнозначно важными инструментами регулирования силы авторского высказывания в научном дискурсе, способными одновременно смягчать высказывание и делать его более убедительным. Тот факт, что именно бустеры, а не хеджи в статьях конца XIX – начала XX века используются чаще, по-видимому, объясняется особенностями научной традиции, характерными для рассматриваемого периода. Анализ эмпирического материала позволяет предположить, что в конце XIX – начале XX века еще не было жестких требований к структуре статьи и ее объему, что позволяло автору быть

[8] *Elliot A.M.* Speech Mixture in French Canada. P. 137.

[9] Ibid. P. 134.

более свободным в выражении своей мысли. Кроме того, публикаций было относительно немного, следовательно, исследователи реже ссылались на работы других авторов и были в большей степени склонны позиционировать себя как специалистов в определенной области знания, выражая мысли максимально однозначно и убедительно. Вместе с тем хеджи, уступавшие по частоте употребления бустерам, были также не чужды научному дискурсу конца XIX – начала XX века. Уже в тот период с их помощью можно было достичь своеобразной гармонии в оформлении научных суждений, избегая излишней категоричности и соблюдая принцип вежливости в отношении коллег-ученых.

Следует отметить, что проведенный нами эмпирический анализ – это лишь первая попытка описать ситуацию с использованием хеджей и бустеров в научном дискурсе конца XIX – начала XX века. Привлечение большего количества источников (в т. ч. и из других областей научного знания) может повлиять на количественные данные, что свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования хеджей и бустеров в историческом плане. В задачи настоящей работы не входили определение междисциплинарной сопоставимости отобранного материала и установление статистической значимости соотношения хеджей и бустеров. Эти задачи составляют дальнейшее направление нашего исследования. Перспективным видится и проведение сравнительного анализа использования хеджей и бустеров в конце XIX – начале XX века и конце XX – начале XXI века. Он позволит понять, как с течением времени менялась ситуация с употреблением бустеров и хеджей и менялась ли их роль в научном дискурсе.

Список литературы

1. *Hyland K.* Boosting, Hedging and the Negotiation of Academic Knowledge // Text. 1998. Vol. 18(3). P. 349–382.
2. *Lakoff G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // J. Philos. Logic. 1973. Vol. 2. P. 458–508.
3. *Feng C.* Metadiscourse in Research Articles: A Comparative Study across Disciplines and Research Paradigms. PhD-Dissertation. Nanyang, 2014. 393 p.
4. *AlGhamdi G.A., Suleiman Alyousef H.* The Construction of Knowledge Claims in Three Disciplines: An Exploration of Hedging and Boosting Strategies in Research Articles Written in English by Arab and Anglophone Writers // J. Lang. Educ. 2022. Vol. 8(2). P. 31–47.
5. *Hyland K., Zou H.J.* "I Believe the Findings are Fascinating": Stance in Three-Minute Theses // J. English Acad. Purposes. 2021. Vol. 50. Art. № 100973. https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100973
6. *Gribanova T.I., Gaidukova T.M.* Hedging in Different Types of Discourse // Training, Language and Culture. 2019. Vol. 3(2). P. 85–99.
7. *Ларина Л.И., Витрук Л.Ю.* Средства выражения неуверенности в современном английском языке на примере академического дискурса // Соврем. проблемы гуманит. и обществ. наук. 2016. № 5(13). С. 66–71.
8. *Malyuga E., McCarthy M.* English and Russian Vague Category Markers in Business Discourse: Linguistic Identity Aspects // J. Pragmatics. 2018. Vol. 135. P. 39–52.
9. *Викторова Е.Ю.* Хеджи *vs*. бустеры: коммуникативное смягчение и усиление в жанре официального отзыва на диссертацию // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2(38). С. 126–131. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-126-131
10. *Богинская О.А.* Бустеры как метадискурсивное средство персуазивности в защитительной речи // Дискурс проф. коммуникации. 2024. Т. 6, № 1. С. 26–43. https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-26-43
11. *Boginskaya O.* Dissenting with Conviction: Boosting in Challenging the Majority Opinion // Int. J. Leg. Disc. 2023. Vol. 7(2). P. 257–279.
12. *Konukman B.* Wissensbewertung im wissenschaftlichen Diskurs: Eine deskriptive linguistische Analyse in ausgewählten literaturwissenschaftlichen Artikeln // Diyalog. 2026. Vol. 1. C. 115–133.
13. *Сальман Чиад Ч.И.* К вопросу о научном дискурсе и его особенностях // Преподаватель XXI век. 2022. № 2-2. С. 421–432.

14. *Panchenko N.N., Volkova Ya.A.* Categoricalness in Scientific Discourse // J. Sib. Fed. Univer. Humanities Soc. Sci. 2021. Vol. 14(4). P. 535–543. http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0740

15. *Dontcheva-Navratilova O.* Hedges and Boosters in L2 (Czech) Master's Theses and Published Research Articles: A Contrastive Analysis // Int. J. App. Ling. 2025. Vol. 35(1). P. 73–90.

16. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A University Grammar of English. M., 1982. 391 p.

17. *Peacock M.* A Cross-Disciplinary Comparison of Boosting in Research Articles // Corpora. 2006. Vol. 1(1). P. 61–84.

18. *Hyland K.* Writing without Conviction? Hedging in Science Research Articles // Appl. Ling. 1996. Vol. 17, № 4. P. 433–454.

19. *Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E.* Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow, 1999. 1204 p.

20. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A Comprehensive Grammar of the English Language. London, 1985. 1779 p.

21. *Lebedeva I.S., Pavlova E.B.* Intensifiers in Modern English // Vestnik MGLU. 2016. № 21(760). P. 43–56.

22. *Боднарук Е.В.* Модальные глаголы: между модальностью, эвиденциальностью и темпоральностью (на материале современного немецкого языка) // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2019. № 59. С. 19–34.

23. *Боднарук Е.В.* Модальные глаголы в современном немецком языке: систематизация значений // Вестн. МГЛУ. Гуманит. науки, 2019. Вып. 1(817). С. 66–79.

24. *Hyland K., Jiang F.K.* Metadiscourse Choices in EAP: An Intra-Journal Study of JEAP // J. Engl. Acad. Purp. 2022. Vol. 60(2). P. 1–12.

25. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009. 512 с.

26. *Farrokhi F., Emami S.* Hedges and Boosters in Academic Writing: Native *vs*. Non-Native Research Articles in Applied Linguistics and Engineering // J. Appl. Ling. 2008. Vol. 1, № 2. P. 62–98.

References

1. Hyland K. Boosting, Hedging and the Negotiation of Academic Knowledge. *Text*, 1998, vol. 18. pp. 349–382.

2. Lakoff G. Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *J. Philos. Logic,* 1973, vol. 2. pp. 458–508.

3. Feng C. *Metadiscourse in Research Articles: A Comparative Study across Disciplines and Research Paradigms*. PhD dissertation. Nanyang, 2014. 393 p.

4. AlGhamdi G.A., Suleiman Alyousef H. The Construction of Knowledge Claims in Three Disciplines: An Exploration of Hedging and Boosting Strategies in Research Articles Written in English by Arab and Anglophone Writers. *J. Lang. Educ.*, 2022, vol. 8. pp. 31–47.

5. Hyland K., Zou H. J. "I Believe the Findings are Fascinating": Stance in Three-Minute Theses. *J. English Acad. Purposes*, 2021, vol. 50, art. no. 100973. https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100973

6. Gribanova T.I., Gaidukova T.M. Hedging in Different Types of Discourse. *Training, Language and Culture*, 2019, vol. 3, pp. 85–99.

7. Larina L.I., Vitruk L.Y. Means of Expressing Uncertainty in Modern English Language Within the Academic Discourse. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, 2016, no. 5, pp. 66–71 (in Russ.).

8. Malyuga E., McCarthy M. English and Russian Vague Category Markers in Business Discourse: Linguistic Identity Aspects. *J. Pragmatics*, 2018, vol. 135, pp. 39–52.

9. Viktorova E.Y. Hedges and Boosters: Communicative Mitigation and Enhancement in the Genre of Dissertation Review. *Zhanry rechy*, 2023, vol. 18, no. 2, pp. 126–131 (in Russ.). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-126-131

10. Boginskaya O.A. Metadiscursive Boosting in Russian Courtroom Discourse: Enhancing Pursuasiveness in Defense Speeches. *Diskurs professional'noy kommunikatsii*, 2024, vol. 6, no. 1, pp. 26–43 (in Russ). https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-26-43

11. Boginskaya O. Dissenting with Conviction: Boosting in Challenging the Majority Opinion. *Int. J. Leg. Disc.*, 2022, vol. 7, pp. 257–279.

12. Konukman B. Wissensbewertung im wissenschaftlichen Diskurs: Eine deskriptive linguistische Analyse in ausgewählten literaturwissenschaftlichen Artikeln. *Diyalog*, 2026, vol. 1, pp. 115–133.
13. Sal'man Chiad Ch.I. Scientific Discourse and its Features. *Prepodavatel' XXI vek,* 2022, no. 2, pp. 421–432 (in Russ.).
14. Panchenko N.N., Volkova Ya.A. Categoricalness in Scientific Discourse. *J. Sib. Fed. Univer. Humanities Soc. Sci*. 2021, vol. 14, pp. 535–543. http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0740
15. Dontcheva-Navratilova O. Hedges and Boosters in L2 (Czech) Master's Theses and Published Research Articles: A Contrastive Analysis. *Int. J. App. Ling.,* 2025, vol. 35, pp. 73–90.
16. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A University Grammar of English*. Moscow, 1982. 391 p.
17. Peacock M. A Cross-Disciplinary Comparison of Boosting in Research Articles. *Corpora*, 2006, vol. 1, pp. 61–84.
18. Hyland K. Writing without Conviction? Hedging in Science Research Articles. *Appl. Ling.*, 1996, vol. 17, no. 4, pp. 433–454.
19. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow, 1999. 1204 p.
20. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London, 1985. 1779 p.
21. Lebedeva I.S., Pavlova E.B. Intensifiers in Modern English. *Vestnik MGLU*, 2016, no. 21. pp. 43–56.
22. Bodnaruk E.V. Modal Verbs: Between Modality, Evidentiality and Temporality (on the Material of Modern German Language). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologia*, 2019, no. 59, pp.19–34 (in Russ.).
23. Bodnaruk E.V. Modal Verbs in the Modern German Language: Systematization of Meanings. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 2019, no. 1, pp. 66–79 (in Russ.).
24. Hyland K., Jiang F.K. Metadiscourse Choices in EAP: An Intra-journal Study of JEAP. *J. Engl. Acad. Purp.,* 2022, vol. 60, pp. 1–12.
25. Larina T.V. *The Category of Politeness and Communication Style: British and Russian Linguistic and Cultural Traditions Compared*. Moscow, 2009. 512 p. (in Russ.).
26. Farrokhi F., Emami S. Hedges and Boosters in Academic Writing: Native vs. Non-Native Research Articles in Applied Linguistics and Engineering. *J. Appl. Ling.*, 2008, vol. 1, no. 2, pp. 62–98.

Информация об авторах

Е.А. Дубовик *– преподаватель кафедры английского языка Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.*

Е.В. Боднарук *– доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой и французской филологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.*

Information about the authors

Elizaveta A. Dubovik*, Lecturer at the Department of the English Language, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov.*

Elena V. Bodnaruk*, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of German and French Philology, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov.*

Поступила в редакцию 28.01.2026
Одобрена после рецензирования 23.03.2026
Принята к публикации 30.03.2026

Submitted 28 January 2026
Approved after reviewing 23 March 2026
Accepted for publication 30 March 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 63–73.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 63–73.

Научная статья
УДК 81'26(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V528

Трансформация лексикографической парадигмы в эпоху искусственного интеллекта

Инна Алексеевна Воронцова
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия,
arinna1@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5897-9299

Аннотация. Настоящее исследование является результатом рефлексии происходящих в современной лексикографии процессов, обусловленных активным применением технологий искусственного интеллекта на всех этапах жизненного цикла словаря. Цель работы – определение траекторий развития современной лексикографической практики и фиксация парадигмальных сдвигов в лексикографии как науке, происходящих в контексте широкого использования больших языковых моделей. Исследование вносит вклад в осмысление новой лексикографической реальности, складывающейся в результате синергии естественного и искусственного интеллекта. Предпринимается попытка проследить, как переход от «чистых» цифровых к цифровым «интеллектуальным» технологиям повлиял на структурно-содержательный, процессуальный, прагматический и параметрический аспекты системы словаря, дать характеристику формирующим ландшафт современной лексикографии «ипостасям» словаря, оценить субъектность лексикографа, наметить траектории дальнейшего развития лексикографической практики. В русскоязычный научный обиход вводятся понятия *устойчивая лексикография* и *экологическая лексикография* (от англ. *sustainable lexicography* и *eco-lexicography*), прежде (по данным автора статьи) не встречавшиеся в научном дискурсе. Теоретической базой исследования служат труды отечественных и зарубежных ученых в области лексикографии, компьютерной и корпусной лингвистики. Материал привлекался преимущественно из англоязычных словарей, словарных порталов и агрегаторов. Отдельное внимание уделено изучению лексикографических возможностей инструментов, основанных на применении технологий искусственного интеллекта, главным образом интеллектуальных чат-ботов. Методологическую базу исследования составили метод теоретико-лингвистического анализа литературы, сравнительно-сопоставительный метод, метод критического анализа словарей, методы семантического и контекстуального анализа, метод обобщения. Представляется, что проделанная работа позволит не только по-новому взглянуть на изменения, происходящие в практике создания и «потребления» словарей, но и учесть положительные стороны и возможные проблемы взаимодействия человека и искусственного интеллекта в дальнейшей словарной работе.

Ключевые слова: *лексикография, устойчивая лексикография, лексикографическая парадигма, словарь, цифровые технологии, искусственный интеллект*

© Воронцова И.А., 2026

Для цитирования: Воронцова И.А. Трансформация лексикографической парадигмы в эпоху искусственного интеллекта // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 63–73. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V528

Original article

Transformation of the Lexicographic Paradigm in the Age of Artificial Intelligence

Inna A. Vorontsova
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia,
arinna1@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5897-9299

Abstract. The present study arises from a critical reflection on the transformations underway in contemporary lexicography, driven by the pervasive integration of artificial intelligence throughout all phases of the dictionary lifecycle. Its objectives are twofold: first, to identify emerging trajectories in modern lexicographic practice, and second, to detect paradigm shifts within lexicography as a discipline in the context of widespread LLM adoption. By exploring the convergence of natural and artificial intelligence, the research contributes to a deeper understanding of the new lexicographic reality currently taking shape. The study examines how the transition from purely digital to intelligent digital technologies affects the structural, substantive, procedural, pragmatic, and parametric dimensions of dictionary systems. In addition, it seeks to characterize the various manifestations – or hypostases – of the dictionary that define the contemporary lexicographic landscape. Attention is also given to the evolving role of the lexicographer as a subjective agent, and to the prospective directions in which lexicographic practices may develop. As part of its conceptual contribution, the paper introduces the terms *sustainable lexicography* and *eco-lexicography* (both borrowed from English) into Russian-language academic discourse – terms that, to the best of the author's knowledge, have not previously appeared in this context. The theoretical framework draws on scholarship by Russian and international researchers in lexicography, computational linguistics, and corpus linguistics. The empirical focus is primarily on English-language dictionaries, dictionary portals, and aggregators. Particular attention is devoted to the lexicographic potential of AI-driven tools, especially intelligent chatbots. The methodological approach integrates several analytical procedures: theoretical linguistic analysis of the relevant literature, comparative analysis, critical evaluation of dictionary content, semantic and contextual analysis, and generalization. It is anticipated that the findings will offer new insights into the evolving practices of dictionary creation and use, and will support a balanced consideration of the advantages and limitations inherent in human-AI collaboration in future lexicographic work.
Keywords*: lexicography, sustainable lexicography, lexicographic paradigm, dictionary, digital technologies, artificial intelligence*

For citation: Vorontsova I.A. Transformation of the Lexicographic Paradigm in the Age of Artificial Intelligence. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 63–73. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V528

Введение. Трансформационные процессы, наблюдаемые сегодня в практике составления словарей и культуре их использования, которые вызваны широким применением цифровых технологий и искусственного интеллекта (ИИ), подводят к необходимости переосмысления не только формальных, содержательных и технологических аспектов лексикографирования избранного объекта, но и сущностных, онтологических основ лексикографии. Цель настоящей работы состоит в установлении тенденций развития современной лексикографической практики и выявлении парадигмальных сдвигов в лексикографии как области научного знания на фоне интенсивного внедрения в процесс создания и поддержки словарей технологий ИИ. Таким образом, объектом изучения становится электронный словарь как суперпонятие, объединяющее в себе различные виды цифровых и «интеллектуальных» лексикографических построений, предметом выступают изменения, которые наблюдаются в структурно-содержательном, процессуальном, прагматическом и параметрическом аспектах системы словаря, обусловленные использованием цифровых и ИИ-технологий на разных этапах его жизненного цикла. При проведении исследования мы исходим из следующих сущностных вопросов:

1. Сохраняет ли свою актуальность словарь как артефакт, концептуальная система? Что может выступить альтернативой словаря как информационно-справочного ресурса?

2. Что определяет современную культуру пользования словарем?

3. Какова роль лексикографа в процессе создания словаря, и кто (что) есть современный лексикограф?

Поиск ответов на поставленные вопросы обязывает нас обратиться к ключевым вехам в истории лексикографии последних 30 лет, определившим ход ее текущего развития и обусловившим сдвиги в парадигме этой области научной филологической деятельности.

Обзор литературы. Вопросу преобразований в области научно-теоретической и практической лексикографии, связанных с процессами (обозначим широко) цифровизации лингвистики, посвящен целый ряд отечественных и зарубежных исследований.

В работе К.М. Денисова, О.М. Карповой представлен анализ содержания новейших коллективных монографий международного лексикографического сообщества, в фокусе внимания которых находятся нововведения, обусловленные применением электронно-цифровых технологий в сфере создания и совершенствования словарей различных типов. Ученые освещают преимущества и риски использования современных технологий в процессе создания и обслуживания синхронных и исторических словарей, терминографических ресурсов, тезаурусов; особое внимание уделено инструментальным возможностям, способствующим усилению антропоцентричности современных словарей (доступности, прагматической актуальности, профилирования словарного контента и др.) [1, с. 41].

Исследование С.А. Маник посвящено описанию специфики лексикографической науки в XXI веке – «в эпоху поисковых систем, словарных генераторов, корпусных инструментов и нейросетей» [2, с. 519]. По мнению ученого, этап развития лексикографии, охватывающий период с последнего десятилетия XX по первую четверть XXI столетия, можно назвать цифровой революцией, трансформировавшей словарное произведение в принципиально новый продукт. С.А. Маник пишет о появлении новой бизнес-модели словаря, обеспечившей бесплатный доступ к справочным материалам и данным. Словарь уже не рассматривается как «конечный продукт», а переходит в разряд непрерывно оказываемых «услуг» [2, с. 523]. Соответственно, трансформируется и модель «лексикографического процесса» – от подготовки плана словаря, разработки его контента, дизайна и т. п. до собственно создания словаря и последующей его поддержки и обновления [3, с. 188].

Ранее нами уже было отмечено, что электронные словари, появившиеся в конце XX столетия как компьютерные версии бумажных изданий, а затем как интерактивные базы

данных, постепенно преобразовались в гибридные, синергетические ресурсы, интегрирующие в своей структуре различные лексикографические формы, функции и инструменты, которые обеспечивают решение различных пользовательских задач [3, с. 187]. Другие специалисты, изучающие цифровое словарное пространство, подчеркивают, что к автономным словарям добавились словарные порталы, аккумулирующие данные об отдельных ресурсах и содержащие гиперссылки на них (Oxforddictionaries.com; European Dictionary Portal); начали активно функционировать словарные агрегаторы, объединяющие содержание разных словарей и размещающие его на одной web-странице [4] (Dictionary.com, dic.academic.ru и др.).

С момента появления первых электронных словарей лексикографы и критики стали указывать на преимущество электронных ресурсов в скорости извлечения информации, обеспечиваемое особенностями организации макро- и микроструктуры словаря в виде гипертекста, возможностями поиска данных по левой и правой частям словарной статьи, «телескопическим» принципом визуализации словарного материала (“Show more / Show less” или «Показать больше / Скрыть») [3, с. 191], наличием интерактивной помощи при освоении правил и алгоритмов пользования словарными ресурсами [2, с. 523]. С. Тарп причисляет указанные изменения к новообразованиям в операциональной или утилитарной компоненте словаря [5, с. 170]. Л. Трап-Йенсен включает их в понятие пользовательского профилирования словаря [6].

В ряде исследований отмечается, что электронно-цифровые технологии поспособствовали повышению дидактического потенциала словарных ресурсов. Так, Н.А. Шамова указывает на сближение словарей и учебных пособий, превращение словаря в «образовательный инструмент» [7]. О.М. Карпова пишет о расширении границ лексикографии до словарно-справочной науки (reference science) [8, с. 24–25]. Солидаризируясь с мнением ученых, отметим, что во многих современных ресурсах, особенно англоязычных (Cambridge Dictionary, Collins Online Dictionary, Merriam-Webster’s Online Dictionary and Thesaurus и др.), для совершенствования языковой, речевой и лексикографической компетенций пользователя предусмотрены многочисленные вспомогательные приложения и дополнительные научно-популярные и развивающие материалы (подробнее см.: [3, с. 190]).

Значимым для структурирования и содержательного наполнения современного электронного словаря становится вовлечение пользователей в процесс составления / обновления словника, что делает словарные проекты партнерскими, коллаборативными или коллективными [3, с. 188]. Н.А. Шамова отмечает доступность различных инструментов и сервисов для коллективного создания словарей, например платформы OnLex, позволяющей редакторской команде совместно работать над созданием и совершенствованием лексикографических проектов, Wiki-технологий, ориентированных на партнерскую деятельность в области разработки, хранения, структуризации текста, и др. [7].

В современных исследованиях, проводимых зарубежными коллегами [9; 10], появляется новая терминология, привносящая в словарную (и шире – лексикографическую) концепцию социально-экономический и эко-ценностный аспекты. Речь идет о понятиях «устойчивая лексикография» (sustainable lexicography) и «экологическая лексикография» (eco-lexicography), которые, на наш взгляд, напрямую сопрягаются с концепцией словаря-услуги и подразумевают обеспечение оптимальных условий труда участников лексикографического процесса, возможность повторного использования лексикографического материала, наличие финансовых ресурсов, необходимых для разработки, создания и поддержки любого словарного проекта [10, с. 125], оценку затрат и выгод для нынешнего и будущих поколений [9].

Переходя к анализу текущей лексикографической ситуации (изучению подверглись в первую очередь англоязычные словарно-справочные ресурсы и возможности больших языковых

моделей (БЯМ, от англ. Large Language Model) англоязычных нейросетей), резюмируем, что проведенные отечественными и зарубежными коллегами исследования и наблюдения позволяют оценивать происходящие сегодня в прикладной лексикографии трансформационные процессы как вполне закономерные (хотя и протекающие чрезвычайно стремительно) явления, нацеленные на оптимизацию рабочих процедур и функций лексикографа, обеспечение эффективной и комфортной работы пользователя, учет экономических интересов «провайдеров» словарей, поддержку конкурентоспособности проектируемых ресурсов.

Материалы и методы. В ходе исследования нами была проанализирована критика современных электронно-цифровых словарей [3; 7; 11–13], а также изучены англоязычные словари (Cambridge Dictionary, Collins Online Dictionary, Merriam-Webster's Online Dictionary and Thesaurus, English Collocations Dictionary Online, Ozdic.com и др.) и инструменты, которые созданы на базе технологий ИИ (преимущественно, нейросеть DeepSeek), потенциально применимые и уже фактически применяемые в практике лексикографии. Методологическую базу составили метод теоретико-лингвистического анализа литературы, сравнительно-сопоставительный метод, метод критического анализа словарей, методы семантического и контекстуального анализа, метод обобщения.

Результаты. Обеспечение устойчивости лексикографического процесса сегодня не мыслится без участия интеллектуальных технологий создания вербального и визуального контента, проектирования и дизайна технической стороны ресурсов, учета технологий и подходов к формированию пользовательских запросов, параллельного развития инструментария «паралексикографического», а, скорее, уже постлексикографического плана (сервисов машинного перевода, интеллектуальных ассистентов письма, интеллектуальных чат-ботов, нейросетевых инструментов генерации лексикографических данных и словарных статей под персонализированный запрос и др.) [14, с. 54]. Это подводит нас к мысли о том, что в текущий момент лексикография вступает в новую фазу развития, становясь активным участником «интеллектуальной» или «нейросетевой» революции, где «словарь» – это далеко не всегда артефакт или ресурс в полном смысле слова. Это может быть страница в социальной сети, мессенджере или след в интеллектуальном континууме, оставленный в ходе общения пользователя и нейросети [14, с. 54]. К обширным корпусным данным, на протяжении нескольких десятилетий определявшим методологию лексикографии, добавляются БЯМ, использующиеся для решения многих задач, в т. ч. типовых задач лексикографии.

В современной научной литературе описаны эксперименты, проведенные лексикографами с участием популярных нейросетей и ИИ-сервисов (ChatGPT-3.5, ChatGPT-4, Google-Bard, BingChat, StableDiffusion и др.), в области генерирования дефиниций и иллюстративных примеров для некоторого множества слов, подготовки справок этимологического характера, создания изображений и др. [11; 12]. В рамках более частного исследования, проводимого автором настоящей статьи в связи с изучением особенностей лексикографирования культурно-коннотированной лексики, было осуществлено несколько пилотных тестов по использованию возможностей нейросетевых чат-ботов для поиска и генерирования данных, пригодных для лексикографического описания фоновых лексем. Анализ языкового материала продолжается, однако некоторые его результаты могут быть подвергнуты осмыслению и представлены с целью демонстрации возможностей и ограничений применения ИИ в подготовке словарных материалов.

Работа проводилась на материале лексики, входящей в состав лексико-семантического поля *Victory* (в текущий момент изучаются особенности функционирования чат-ботов на английском языке). Состав поля определялся с помощью известных идеографических словарей, тезаурусов английского языка и гибридных словарей, в т. ч.

Roget's Thesaurus of English Words and Phrases (1987), Merriam-Webster's Online Dictionary and Thesaurus, BabelNet и др. Для более подробного анализа в рамках данной статьи была взята лексема *victory*, выступающая в качестве имени поля, изучены входящие в указанное поле коллокации, идиомы и паремии.

На первом этапе эксперимента нейросетевому боту DeepSeek было предложено составить словарную статью для заглавного слова *victory* с опорой на британский языковой вариант. Промпт, написанный на английском языке, содержал указание роли, принимаемой на себя ИИ-агентом (a lexicographer), а также набор информационных зон, которые должна содержать проектируемая словарная статья: дефиниции, примеры словоупотребления, синонимы, антонимы, устойчивые выражения, включая паремии, содержащие слово *victory* или связанные с идеей победы. Отметим, что выбор информационных категорий определялся: а) традициями построения словарных статей на англоязычных толковых и гибридных (содержащих черты толкового словаря и тезауруса) ресурсах; б) интересом автора статьи к вопросу лексикографического моделирования культурно-коннотированной лексики.

В ответ на запрос нейросетевой бот сгенерировал словарную статью, содержащую все запрашиваемые категории, дополнив описание принятыми в традиционной лексикографии пометами – грамматической (*(noun) (plural* ***victories****)*), фонетической (*ˈvɪkt(ə)ri*); списком производных слов с их грамматической квалификацией и кратким толкованием, например: ***victoryless*** *(adjective) – Without victory* (попутно отметим, что данное слово зарегистрировано только в словаре Collins Online Dictionary); ***victor*** *(noun) – One who conquers or wins;* ***victorious****…;* ***victoriously****…*; в заключение словарной статьи приводилась дата ее создания: *Date of compilation: March 2026.*

Проанализировав дефиниции, предложенные ИИ к слову *victory*, и сопоставив их с определениями, зафиксированными в институциональных электронных словарях английского языка (см. выше) для британского языкового варианта, пришли к выводу, что дефиниции, построенные чат-ботом (*(1) Success or triumph over an enemy in battle or war; the final defeat of an opposing force*; *(2) Success in a contest, game, or competitive event against an opponent; (3) Success achieved against an opponent, obstacle, difficulty, or problem; the overcoming of non-physical challenges; (4) Success in an election, vote, or political campaign; the winning of a mandate or legislative outcome*), в целом довольно четко коррелируют с дефинициями анализируемой лексической единицы, представленными в экспертных словарях. К «инновационным» и, вероятно, положительным чертам построения определений генеративным ИИ, не отмеченным нами в институциональных словарях, относятся представление дефиниций не только в развернутой, но и сжатой форме и условное разграничение по смысловым сферам (*Military Success, Sporting and Competitive Success, Overcoming Adversity, Political and Electoral Success* соответственно), а также добавление комментариев относительно некоторых этимологических и прагматических нюансов семантики слова, например *The earliest and most fundamental sense, denoting the decisive outcome of armed conflict* (для значения (1)) или *An extended, metaphorical sense where the 'enemy' is abstract – disease, hardship, or personal limitation* (для значения (3)). Значение (2) комментируется как наиболее частотное в современном употреблении (*The most common contemporary usage, spanning all forms of athletic and competitive endeavour*), однако это не подтверждается данными институциональных словарей. Из отрицательных моментов назовем некоторое однообразие в подходах генеративного ИИ к формулированию дефиниций: определения основаны на одинаковых или схожих синтаксических шаблонах, понятие победы во всех 4 случаях толкуется прежде всего (за исключением определений через сентенции в две клаузы) через слово «успех» (*success*). При этом дефиниции в экспертных

словарях отличаются значительным разнообразием – как лексическим, так и синтаксическим (*an occasion when you win…, the act or an example of winning* (Cambridge Dictionary), *final and complete superiority in…, the act of triumphing or state of having triumphed…* (Collins Online Dictionary) и т. п.).

Сгенерированные ИИ примеры контекстуального употребления анализируемого слова в целом соответствуют реализуемой в иллюстрируемой сфере семантике и отвечают узуальным нормам, например *The Battle of Waterloo in 1815 secured the* ***victory*** *of the Seventh Coalition over Napoleon Bonaparte* или *Manchester United's 2-1* ***victory*** *over Liverpool extended their unbeaten run at Old Trafford* и др., однако дидактическая ценность примеров как образцов для построения собственных высказываний во многих случаях вызывает сомнение. Так, во втором из приведенных примеров для демонстрации слова *victory*, относимого словарями и специализированными ресурсами по оценке уровня сложности лексики (в частности Cambridge Dictionary и Word Frequency Analysis) к уровню B1-B2, используется лексика более высокого уровня – B2-C1 (*extend, unbeaten*), примеры изобилуют историческими, географическими и иными реалиями (*the Seventh Coalition, Old Trafford*), что, на наш взгляд, ведет к смещению акцента с иллюстрируемой единицы на детали, участвующие в реализации ее коммуникативно-прагматического потенциала лишь косвенно. Для сравнения приведем пример из одноименной словарной статьи Cambridge Dictionary, где дидактические и учебные принципы соблюдены в полной мере – иллюстративный пример представлен коротким предложением, ясен и прост для усвоения, содержит частотные коллокации с ключевым словом: *Grant* ***won / achieved / gained*** *a* ***comfortable / easy*** *victory* ***against / over*** *Cooper in yesterday's match.* Кроме того, иллюстрации, предложенные ИИ, вновь отличаются однотипностью и некоторой шаблонностью: *Admiral Nelson's* ***victory*** *at Trafalgar ensured… The Labour Party's landslide* ***victory*** *in 1945 fundamentally reshaped…* и т. п. Тем не менее обилие сентенций, генерируемых нейросетью, дает возможность выбора достаточного количества иллюстративных примеров, которые могут быть включены в финальный перечень словарных иллюстраций, подлежащих запоминанию пользователем или включению в ресурс лексикографом.

Количество предложенных нейросетевым ботом коллокаций почти двукратно превышает общее количество коллокаций, приводимых в проанализированных толковых словарях, однако сгенерированный ИИ список существенно уступает в количественном отношении специализированному словарю коллокаций (English Collocations Dictionary Online или Ozdic.com) – 19 против 47 адъективных коллокаций, 10 против 22 глагольных коллокаций; количество субстантивных и препозитивных коллокаций является сопоставимым. Однако важно подчеркнуть, что интеллектуальная система предложила новые, не зафиксированные ни в одном из названных словарей выражения, например *slender victory, lopsided victory, seal victory, edge / cruise to victory* и др., подтверждаемые корпусными данными (в частности солидным количеством откликов в News on the Web, Reverso Context, некоторым числом откликов в British National Corpus, волонтерских словарях и агрегаторах (Thefreedictionary.com и др.)).

Количественный и качественный состав предлагаемых ИИ синонимов и антонимов прямо коррелирует с институциональными ресурсами (порядок подачи имеет явное сходство с материалами Collins Online Dictionary).

В силу особенностей запроса интеллектуальный бот предложил весьма убедительный список паремий, афоризмов и цитат, имеющих смысловую и формальную связь с идеей победы: *He laughs that wins; One victory is not a war; After victory, tighten your helmet cord* и др. (в общей сложности 12 единиц), все они приведены с кратким пояснением значения. Подобного рода единицы в проанализированных словарях не зафиксированы.

На втором этапе эксперимента мы запросили информацию по отдельным элементам вы-

ходных данных, полученных на первом этапе, – в частности коллокациям и идиомам смыслового поля *Победа*; промпт был предельно конкретизирован. К положительным моментам, вне всякого сомнения, следует вновь отнести большой объем и новизну предлагаемого ИИ словарного материала: так, при запросе коллокаций со словом *victory*, употребляемых в военной сфере, система предложила 96 коллокаций (ср. 78 коллокаций в *Ozdic.com* без спецификации сферы употребления), 7 многокомпонентных устойчивых сочетаний разной степени идиоматичности, 5 сложных слов и словосочетаний с семантикой «Награды за победу», 10 паремий и крылатых выражений военно-исторического и литературного истока (*Victory or death!; No victory without sacrifice; Laurels of victory* и др.). Интересно «стремление» ИИ к структурированию и иллюстрированию данных (в т. ч. при отсутствии прямого указания на это в промпте): коллокации как наиболее многочисленная выборка были распределены нейросетью по группам в соответствии с грамматическим шаблоном с выделением внутри них смысловых подгрупп *Achieving Victory* (*достижение победы – win victory* и др.), *Types of Achievement* (*тип или способ достижения победы – snatch / clinch victory* и др.), *Victory Outcomes* (*результаты победы – proclaim / consolidate victory* и др.), *Scale and Decisiveness* (*масштаб и решительность – total / ultimate / absolute victory* и др.), *Questionable or Qualified Victories* (*сомнительные или условные победы – Pyrrhic / hollow / empty victory* и др.) и т. п.; коллокации и фразеологизмы снабжались иллюстративными примерами; паремии, афористические и крылатые выражения сопровождались краткими комментариями (авторство (при наличии), ситуативный контекст, в котором та или иная паремия звучит уместно, и т. п., например *Victory at all costs – Churchill's "Victory at all costs" speech, 1940*). Претензии, касающиеся однотипности и некоторой шаблонности примеров, остались актуальными: *Churchill's victory speech was broadcast to the nation; The general's victory dispatch was published in The Times* и т. п. Отметим и то, что комментарии нередко носили чрезмерно обобщенный или фрагментарный характер: *Altar of victory – Roman: the Senate house contained an altar to Victoria.*

Обобщая опыт взаимодействия с нейросетью DeepSeek по генерированию лексикографического материала, выскажем мнение, что возможности нейронных сетей, а точнее БЯМ, следует, безусловно, учитывать при поиске и сборе фразеологического (коллокации, идиомы и др.) и паремиологического материала – предлагаемые данные отличаются новизной, многообразием, структурированностью. Генерирование дефиниций и синонимических рядов в целом происходит с опорой на подходы и языковые данные современных институциональных словарей, однако не отличается оригинальностью; дефиниции нередко шаблонны и однотипны. Те же недостатки, вплоть до неестественности звучания или сомнительного смысла и весьма низкой дидактической ценности, следует адресовать генерируемым ИИ примерам контекстуального употребления вокабул. Культурно-коннотированный лексический материал и предоставляемые к нему комментарии в целом соответствуют ожиданиям пользователя / лексикографа, но нередко характеризуются пространностью и неопределенностью или фрагментарностью. В работах других авторов, изучающих возможности применения ИИ для генерирования лексикографических данных [11–13], указываются вопросы этического и правового характера (в частности ответственности за генерируемый контент), порядок разграничения информации, извлеченной ботом из конкретных источников и генерируемой самостоятельно, связанная с этим проблема корректного цитирования источников и др. [11, с. 362]. Тем не менее следует признать, что при наличии адекватно обученных БЯМ, корректно построенных промптов, предъявляемых нейросети, и при условии проведения профессиональной экспертизы данных на этапе их постредактирования генерируемый ИИ материал может быть вполне пригодным для составления и обновления словарно-справочных ресурсов.

Заключение. Лексикография и ее центральный объект – словарь – переживают качественную трансформацию. Словарь (возможно, за исключением произведений, описывающих замкнутые и неразвивающиеся языковые подсистемы (историческая лексикография)) не просто не является статичным продуктом, но, напротив, функционирует как динамичная интеллектуально-цифровая система, среда, гибко адаптирующаяся к меняющимся ожиданиям и требованиям пользователя, который все больше ориентируется на получение быстрого, краткого и точного ответа на конкретно сформулированный вопрос.

Сегодня справедливо говорить о следующих ипостасях словаря:

(1) словарь как электронно-цифровой ресурс – программное обеспечение (в т. ч. мобильный сервис или приложение), которое имеет более или менее стабильную и единообразную, но открытую к обновлению структуру, индивидуальное или коллективное авторство и основано на данных корпусов и БЯМ и др. Такого рода словарные произведения управляются и контролируются лексикографом-человеком; на наш взгляд, только подобные институциональные словари могут быть рекомендованы для использования в образовательных целях и признаваться надежными ресурсами, служащими в качестве ориентира для установления нормативного употребления единиц языка (Cambridge Dictionary, Collins Online Dictionary, Merriam-Webster's Online Dictionary and Thesaurus и др.);

(2) словарный агрегатор, объединяющий содержание разных словарей (электронно-цифровых ресурсов) и размещающий его в пределах одной web-страницы. В этом случае при запросе пользователь получает «свернутые» статьи с идентичной левой частью (заглавным словом) из множества словарей различной типологической принадлежности (Dictionary.com, dic.academic.ru и др.);

(3) словарь (или фрагмент, равный части, одной или нескольким словарным статьям) как «след» общения пользователя и нейросети, фиксирующийся в истории пользовательских чатов. Такие словарные «бытийности» характеризуются гибкой и «сиюминутной» структурой, в полной мере зависящей от пользовательского запроса (промпта), основаны на БЯМ, не имеют формального авторства. Данные генерируются ИИ *ad hoc*, являются слабо управляемыми и слабо контролируемыми (контроль осуществляется в отношении так называемого чувствительного контента), могут содержать ошибки и искажения и, соответственно, не должны рассматриваться как абсолютно надежные и безоговорочно рекомендоваться для использования в образовательных целях или признаваться ориентиром для установления нормативного употребления слов и других единиц языка. Тем не менее, как отмечалось выше, подобные данные и инструментарий в профессиональных руках лингвиста и лексикографа могут стать отправной точкой для составления, пополнения и обновления существующих электронно-цифровых словарей;

(4) бумажный словарь – наиболее ортодоксальный носитель интра- и экстралингвистической информации, несмотря на тотальную цифровизацию лексикографических произведений сохраняющий свою нишу, исповедующий классические принципы лексикографии, создающийся на определенных языках (сегодня – чаще не- или слабооцифрованных), для определенных групп пользователей (например, детской и юношеской аудитории), определенных целей (в частности учебных) или фиксирующий отдельные группы лексики. Тем не менее следует отметить, что бумажные версии популярных и авторитетных словарных произведений на языках, имеющих широкое распространение, в значительной массе замещены или замещаются электронно-цифровыми аналогами (это справедливо как для англоязычной лексикографической традиции – Cambridge Dictionary, Collins Dictionary, Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, так и для других национальных традиций – Langensheidt Worterbuch, le Robert, «Толковый словарь Ожегова онлайн»,

«Толковый словарь Ушакова онлайн» и др.) или сосуществуют наряду со своими цифровыми версиями.

Меняется субъектность лексикографа, обусловленная способностью генеративного ИИ создавать лексикографический контент, что ведет, с одной стороны, к необходимости разграничения понятий «искусственный лексикограф» и «лексикограф-человек», с другой – к принятию преимуществ интеграции опыта традиционной и потенциала нейросетевой лексикографии [14, с. 54].

С учетом интенсификации развития технологий, основанных на применении ИИ, и их активного включения в лексикографический процесс языковеды и лексикографы, например [13], пытаются определить, насколько словарь в традиционном понимании этого слова способен сохранить роль главного носителя лингвистической (и экстралингвистической) информации. Солидаризируясь с мнениями исследователей, автор статьи предполагает, что в будущем может снизиться практическая, «пользовательская» значимость толковых, переводных словарей и тезаурусов для общих целей, поскольку функции данных ресурсов будут замещаться словарными функциями интеллектуальных чат-ботов. В то же время можно прогнозировать рост спроса на составляемые и контролируемые лексикографом-человеком словари для специальных целей (терминологические) и аспектные словари (стилистические, идиолектов и др.) как словарные произведения, однозначно требующие экспертной оценки лингвистов, лексикографов, отраслевых специалистов, а также по причине возможного наличия в таких словарях оригинальных и сложных композиционных элементов. Словарь, создаваемый и поддерживаемый на основе сочетания интеллектуальных, цифровых и классических подходов, без сомнения сохранит свою обязательность как кодификатор языка, источник системных и достоверных знаний о семантике и прагматике описываемых языковых единиц.

Список литературы

1. *Денисов К.М., Карпова О.М.* Современная мировая лексикография и эволюция ее научной парадигмы // Вестн. Иванов. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2018. № 1(18). С. 39–44.

2. *Маник С.А.* Современная лексикография в эпоху Chat GPT // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете – 2023: традиции и инновации: материалы междунар. науч.-практ. фестиваля, Иваново, 10–28 апреля 2023 года. Иваново, 2023. С. 519–524.

3. *Воронцова И.А.* Современные практики англоязычной онлайн-лексикографии // Верхневолж. филол. вестн. 2022. № 1(28). С. 186–194.

4. *Lew R.* Online Dictionaries of English // E-Lexicography: The Internet, Digital Initiatives and Lexicography. London; N. Y., 2011. С. 230–250.

5. *Tarp S.* Lexicography in the Information Age // Lexikos. 2007. Т. 17, № 1. P. 170–179.

6. *Trap-Jensen L.* One, Two, Many: Customization and User Profiles in Internet Dictionaries // Proceedings of the XIV Euralex International Congress. Ljouwert, 2010. P. 1133–1143.

7. *Шамова Н.А.* Современная электронная лексикография: перспектива пользователя // Филол. аспект: междунар. науч.-практ. журн. 2025. № 10(126). URL: https://scipress.ru/philology/articles/sovremennaya-elektronnaya-leksikografiya-perspektiva-polzovatelya.html (дата обращения: 14.12.2025).

8. *Карпова О.М.* Новые вызовы современной английской лексикографии // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2018. № 3. С. 24–28.

9. *Colman L.* Sustainable Lexicography: Where to Go from Here with the ANW (Algemeen Nederlands Woordenboek, an Online General Language Dictionary of Contemporary Dutch? // Int. J. Lexicogr. 2016. Vol. 29(2). P. 139–155.

10. *Fuertes-Olivera P.A.* Making Lexicography Sustainable: Using ChatGPT and Reusing Data for Lexicographic Purposes // Lexikos. 2024. Vol. 34. P. 123–140.

11. *de Schryver G.-M.* Generative AI and Lexicography: The Current State of the Art Using ChatGPT // Int. J. Lexicogr. 2023. № 36(4). P. 355–387.

12. *Lew R.* ChatGPT as a COBUILD Lexicographer // Humanities Soc. Sci. Commun. 2023. № 10. Art. № 704. P. 1–10.

13. *Lew R.* Dictionaries and Lexicography in the AI Era // Humanities Soc. Sci. Commun. 2024. № 11. Art. № 426. URL: https://www.researchgate.net/publication/379051651_Dictionaries_and_lexicography_in_the_AI_era (дата обращения: 29.11.2025).

14. *Воронцова И.А.* Четыре революции в новейшей лексикографии: как меняется словарная практика // От слова к дискурсу: материалы междунар. науч. конф., Минск, 15–17 мая 2025 г. / редкол. Ю.В. Овсейчик (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2025. С. 52–54.

References

1. Denisov K.M., Karpova O.M. The World Lexicography under the Impact of Its Paradigamtic Evolution. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2018, no. 1, pp. 39–44 (in Russ.).

2. Manik S.A. Contemporary Lexicography in ChatGPT Era. *Research activities at a classical university – 2023: traditions and innovations: Proceedings of the International Scientific and Practical Festival, Ivanovo, 10–28 April 2023*. Ivanovo, 2023, pp. 519–524 (in Russ.).

3. Vorontsova I.A. Modern Practices Of English Online Lexicography. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik,* 2022, no. 1, pp.186–194 (in Russ.).

4. Lew R. Online Dictionaries of English. *E-Lexicography: The Internet, Digital Initiatives and Lexicography.* London; N. Y., 2011, pp. 230–250.

5. Tarp S. Lexicography in the Information Age. *Lexikos*, 2007, vol. 17, no. 1, pp. 170–179.

6. Trap-Jensen L. One, Two, Many: Customization and User Profiles in Internet Dictionaries. *Proceedings of the XIV Euralex International Congress.* Ljouwert, 2010, pp. 1133–1143.

7. Shamova N.A. Modern Electronic Lexicography: User's Perpective. *Filologicheskiy aspekt*, 2025, no. 10. URL: https://scipress.ru/philology/articles/sovremennaya-elektronnaya-leksikografiya-perspektiva-polzovatelya.html (accessed: 14.12.2025) (in Russ.).

8. Karpova O.M. New Challenges for Modern English Lexicography. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"*, 2018, no. 3, pp. 24–28 (in Russ.).

9. Colman L. Sustainable Lexicography: Where to Go from Here with the ANW (Algemeen Nederlands Woordenboek, an Online General Language Dictionary of Centemporary Dutch)? *Int. J. Lexicogr.*, 2016, no. 29, pp. 139–155.

10. Fuertes-Olivera P.A. Making Lexicography Sustainable: Using ChatGPT and Reusing Data for Lexicographic Purposes. *Lexicos*, 2024, vol. 34, pp. 123–140.

11. de Schryver G.-M. Generative AI and Lexicography: The Current State of the Art Using ChatGPT. *Int. J. Lexicogr*., 2023, no. 36, pp. 355–387.

12. Lew R. ChatGPT as a COBUILD Lexicographer. *Humanities Soc. Sci. Commun*., 2023, no. 10, art. no. 704, pp. 1–10.

13. Lew R. Dictionaries and Lexicography in the AI Era. *Humanities Soc. Sci. Commun*., 2024, no. 11, art. no. 426. URL: https://www.researchgate.net/publication/379051651_Dictionaries_and_lexicography_in_the_AI_era (accessed: 29.11.2025).

14. Vorontsova I.A. Four Revolutions In Modern Lexicography: How Dictionary Practices Are Changing. *From Word to Discourse: Proceedings of the International Scientific Conference, Minsk, 15–17 May 2025*. Minsk, 2025, pp. 52–54 (in Russ.).

Информация об авторе

И.А. Воронцова *– кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.*

Information about the author

Inna A. Vorontsova*, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Translation, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky.*

Поступила в редакцию 29.01.2026
Одобрена после рецензирования 28.04.2026
Принята к публикации 30.04.2026

Submitted 29 January 2026
Approved after reviewing 28 April 2026
Accepted for publication 30 April 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 74–85.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 74–85.

Научная статья
УДК [81'42:004.8](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V529

Лингвистические аспекты создания стилизованных текстов с применением систем искусственного интеллекта

Наталья Сергеевна Авдонина[1]✉
Анна Анатольевна Постникова[2]
[1, 2]Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
[1]n.avdonina@narfu.ru✉ https://orcid.org/0000-0001-9871-3452
[2]s1611280@edu.narfu.ru, https://orcid.org/0009-0004-2087-6066

Аннотация. Активное внедрение генеративных нейросетей в медийную практику ставит перед лингвистикой вопрос о природе «технологического авторства» и механизмах стилизации текста. В статье рассматриваются лингвистические аспекты создания публицистических текстов с помощью искусственного интеллекта (ИИ). В качестве предмета исследования выступают языковые механизмы и стилистические приемы, используемые нейросетями для имитации различных типов медийного дискурса. Материалом послужили тексты, сгенерированные моделями GigaChat, DeepSeek, Perplexity AI, QwenChat на русском языке по запросам, требующим имитации идиостилей Джоан Дидион, Антуана де Сент-Экзюпери и Василия Гроссмана. В работе применялись методы генеративного лингвистического эксперимента, дискурсивного, сопоставительного и стилистического анализа. В результате исследования охарактеризованы лингвистические механизмы имитации стиля на лексическом, синтаксическом и композиционном уровнях. Выявлены существенные различия между моделями: DeepSeek продемонстрировал наиболее точное воспроизведение идиостилей, тогда как GigaChat тяготел к клишированным структурам, а Perplexity AI и QwenChat обнаружили нестабильность в передаче ритмико-синтаксического рисунка. Установлено, что сильные стороны ИИ связаны с успешной имитацией общих стилистических регистров и жанровых форм, тогда как ограничения включают появление «галлюцинаций», усредненность идиостиля, отсутствие «харизматического стиля», неспособность к передаче экзистенциальной глубины и уникального биографического опыта. На примере авторского очерка «Остров детства» показаны зоны несостоятельности генеративных моделей: тяготение к семантической завершенности, нивелирование амбивалентных переживаний, подмена уникальных деталей статистически вероятными клише. Делается вывод о том, что современная ИИ-стилизация представляет собой имитацию формы без интенционального «осмысленного выбора», что требует переосмысления категорий «автор» и «стиль» в цифровую эпоху. Ключевым императивом становится доработка сгенерированного текста человеком (постредактура), функции которой включают верификацию фактов, восстановление биографической конкретики и смысловую корректировку.

© Авдонина Н.С., Постникова А.А., 2026

Ключевые слова: *стилизация, публицистический текст, искусственный интеллект, генеративные модели, идиостиль, промпт-инжиниринг, технологический автор, медиалингвистика*

Для цитирования: Авдонина Н.С., Постникова А.А. Лингвистические аспекты создания стилизованных текстов с применением систем искусственного интеллекта // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 74–85. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V529

Original article

Linguistic Aspects of Stylised Texts Generation Using Artificial Intelligence Systems

Natal'ya S. Avdonina[1]✉
Anna A. Postnikova[2]
[1, 2]Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,
[1] n.avdonina@narfu.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-9871-3452
[2] s1611280@edu.narfu.ru, https://orcid.org/0009-0004-2087-6066

Abstract. The active integration of generative neural networks into media practice raises a fundamental question for linguistics regarding the nature of "technological authorship" and the mechanisms of text stylisation. This article examines the linguistic aspects of creating journalistic texts using artificial intelligence (AI). The subject of the study is the linguistic mechanisms and stylistic devices employed by neural networks to imitate various types of media discourse. The material consists of texts generated by the models GigaChat, DeepSeek, Perplexity AI, and QwenChat in Russian based on prompts requiring stylisation in the idiostyles of Joan Didion, Antoine de Saint-Exupéry, and Vasily Grossman. The research employs methods of generative linguistic experimentation, as well as discursive, comparative, and stylistic analysis. The study characterizes the linguistic mechanisms of style imitation at the lexical, syntactic, and compositional levels. Significant differences between the models have been revealed: DeepSeek demonstrated the most accurate reproduction of idiostyles, while GigaChat tended toward clichéd structures, and Perplexity AI and QwenChat showed instability in conveying rhythmic and syntactic patterns. It has been established that the strengths of AI lie in the successful imitation of general stylistic registers and genre forms, whereas its limitations include the occurrence of hallucinations, the averaging of idiostyle, the lack of a "charismatic style", and the inability to convey existential depth and unique biographical experience. Using the author's essay "Island of Childhood" as an example, the study demonstrates the areas where generative models fall short: a tendency toward semantic closure, levelling of ambivalent experiences, substitution of unique details with statistically probable clichés, and chronotopic errors. The conclusion has been drawn that contemporary AI stylization represents an imitation of form without intentional "meaningful choice", which calls for rethinking of the categories of author and style in the digital age. A key imperative becomes human revision of generated text, whose functions include fact verification, restoration of biographical specificity, and semantic correction.
Keywords: *stylisation, journalistic text, artificial intelligence, generative models, idiostyle, prompt engineering, technological author, media linguistics*

For citation: Avdonina N.S., Postnikova A.A. Linguistic Aspects of Stylised Texts Generation Using Artificial Intelligence Systems. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 74–85. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V529

Введение

Интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в работу медиа – не просто технологический тренд, а мощный фактор трансформации образа журналиста, ставящий под угрозу авторское «я». Данная технология слишком быстро развивается, проникая во все сферы общественной жизни. Подтверждение этому можно наблюдать не только в новостной ленте об очередной волне увольнений в связи с внедрением ИИ, но и в качественных исследованиях, например в работах Н.И. Клушиной. Она отмечает, что «ИИ оказывает экзистенциональное влияние на современное языковое пространство» [1, с. 775], в результате чего появляется новый тип автора – технологический автор. Он создает новый тип текста – постклассический генеративный текст [1, с. 775]. В любом тексте, особенно художественном и публицистическом, проявляется образ автора, его стиль и языковая личность. Мы говорим о стилях Льва Толстого и Владимира Набокова или о стилях газет «Коммерсант» и «Ведомости», в связи с этим актуален следующий вопрос – есть ли стиль в синтетических текстах, текстах, сгенерированных ИИ?

Исследовательская задача – определить алгоритм генерации стилизованных под конкретных авторов публицистических текстов с помощью ИИ и провести лингвистический анализ маркеров стилизации для оценки возможностей и ограничений нейросетей.

В отличие от существующих работ, сфокусированных на детекции фейков или маркеров определенных характеристик субъективной речи, в данной статье рассматривается именно процесс стилизации как лингвистическая проблема на стыке медиадискурса и компьютерной лингвистики.

Обзор литературы

Проблема создания стилизованных медиатекстов с помощью ИИ находится на пересечении двух крупных научных традиций: с одной стороны, это фундаментальные и прикладные исследования авторского стиля (идиостиля) в медиалингвистике и теории журналистики, с другой – активно формирующееся направление, изучающее лингвистическую природу текстов, генерируемых нейросетями (так называемых текстоидов в интерпретации Т.Л. Копусь [2]). Сопоставление двух указанных линий позволяет не только выявить границы имитационных возможностей ИИ, но и по-новому осмыслить феномен авторства в цифровую эпоху.

Категория автора и его индивидуального стиля традиционно является центральной для филологии и журналистики. Современные исследования основаны на работах В.В. Виноградова [3], рассматривавшего образ автора как организующую силу художественного произведения, и идее М.М. Бахтина [4] о диалогичности и авторской позиции как выражении ценностного отношения к действительности. В журналистике, где текст всегда направлен на коммуникацию с аудиторией, категория автора приобретает особую значимость, становясь инструментом воздействия и установления доверительных отношений с читателем.

М.Ю. Казак развивает эти идеи применительно к современным медиа, отмечая двойственную природу автора, который выступает одновременно как индивидуальный и как коллективный субъект речи [5]. Данное наблюдение особенно важно в контексте внедрения ИИ, поскольку «технологический автор» представляет собой радикальную форму коллективного субъекта, за которым стоят не люди-редакторы, а алгоритмы и массивы больших данных. С.С. Распопова вносит важное уточнение, разграничивая понятия «реальный автор» и «образ автора, конструируемый в тексте» [6]. Это разграничение становится критически значимым при анализе сгенерированных текстов: если в человеческой коммуникации образ автора является следствием интенции и личностных качеств реального человека, то в случае с ИИ мы имеем дело с симуляцией образа, за которой не стоит никакой реальной личности.

Бурное развитие генеративных технологий ставит под сомнение многие устоявшиеся категории. Н.И. Клушина констатирует наступление «виртуального поворота» в лингвистике,

ключевым следствием которого становится появление принципиально нового субъекта речи – «технологического автора» [1]. Такой автор, функционирующий на алгоритмической основе, создает «постклассический генеративный текст», что требует пересмотра традиционных представлений об интенциональности и идиостиле. Важным уточнением в этой дискуссии становится «харизматический стиль», который понимается как уникальная, эмоционально окрашенная манера письма, основанная на личном обаянии, неповторимом опыте и глубокой эмпатии автора.

Следующее направление исследований связано с анализом лингвистических особенностей текстов, созданных нейросетями. Наиболее детальный эмпирический анализ представлен в статье Т.Л. Копусь [2]. Автор вводит термин «текстоид» для обозначения текста, созданного нейросетью, подчеркивая его принципиальное отличие от «человеческого». В ходе эксперимента (генерация текстов на основе промптов по мотивам реальных постов и их сопоставление с оригиналами) Т.Л. Копусь выявила феномен «перепроизводства» формальных маркеров субъективности. Количество маркеров субъективности (прежде всего местоимений 1-го и 2-го лица) в текстоидах в 1,7 раза превышает таковое в авторских текстах. При этом в сгенерированных текстах практически отсутствуют маркеры подлинной субъективности – цитирования, верифицируемые данные, нарративы из личного профессионального опыта [2, с. 4279–4280].

Р.Т. Трофимов исследует проблему генерации фейковых новостей с помощью нейросетей. Его выводы во многом коррелируют с результатами Т.Л. Копусь, но акцентируют другой аспект – фактическую достоверность. Р.В. Трофимов отмечает, что генеративные сети «галлюцинируют», искусно используя риторические приемы убеждения: ссылки на авторитетные мнения, анонимные исследования, наукообразную лексику. Фейковые материалы, созданные ИИ, успешно имитируют жанровые черты новости, что повышает их правдоподобие [7]. Важным наблюдением является и наличие у нейросетей определенных предубеждений, заложенных в обучающих данных.

В классической стилистике стиль – результат осмысленного выбора автора. У нейросети, действующей на основе вероятностного прогнозирования, такой выбор отсутствует: она воспроизводит статистически вероятные последовательности, а ее «стиль» – артефакт обучающих данных.

В связи с этим продуктивной представляется метапрагматическая рамка анализа. Нейросети учатся генерировать текст, который с высокой долей вероятности будет отнесен носителями языка к той или иной категории. Однако это не означает, что они *обладают* стилем в человеческом смысле – скорее, искусно симулируют его внешние приметы, ориентируясь на «мнение» о стиле, заложенное в данных. Н.Н. Оломская и Е.А. Юрова на материале корпуса постов из социальных сетей приходят к выводу, что наиболее частотными маркерами сгенерированных текстов являются шаблонные структуры, клише, избыточная терминология, фактические и логические ошибки, а также неправильное употребление лексики и грамматики [8]. Исследователи подчеркивают, что искусственно созданные тексты часто страдают от недостаточной точности в передаче смысла и требуют последующей редакции человеком [8; 9].

Важное наблюдение, объединяющее эти работы, заключается в том, что нейросеть действует на основе статистических закономерностей, а не интенционально. В отличие от человека, она не обладает мотивом высказывания, не преследует коммуникативной цели, не опирается на личный опыт. Это фундаментальное различие предопределяет как сильные стороны ИИ (способность быстро генерировать большие объемы текста, соответствующие общим стилистическим регистрам), так и его слабости (неспособность к подлинной креативности, склонность к клишированию, «галлюцинации»).

Сопоставление двух рассмотренных линий исследования позволяет выявить проблемное поле, в котором находится данная работа.

Классическая теория утверждает, что авторский стиль немыслим без интенции, личного опыта и глубокого взаимодействия с аудиторией (Л.Г. Кайда [10], А.В. Марачева [11], С.С. Распопова [6]). Практические методики формирования идиостиля направлены на развитие наблюдательности, работу с языком, обращение к внутреннему опыту (Е.В. Выровцева [12] и др.). Современные исследования текстов ИИ показывают, что нейросеть, действуя на основе статистических закономерностей, не обладает ни интенцией, ни опытом, ни способностью к подлинной рефлексии (Т.Л. Копусь, Р.В. Трофимов).

Все вышесказанное приводит к парадоксальному выводу: сегодняшний ИИ обладает собственным, усредненным и синтетическим «идиостилем», который можно определить как *статистическую норму* языка. Мы понимаем под ней вероятностный паттерн, извлеченный нейросетью из обучающих корпусов. Это наиболее частотные сочетания слов, синтаксические конструкции и риторические ходы, которые встречаются в проанализированных алгоритмом текстах. Важнейшее отличие статистической нормы от языковой состоит в том, что первая *по определению лишена индивидуальных отклонений*: любое нечастотное, авторское, «шероховатое» словоупотребление имеет низкую вероятность генерации и отсекается моделью. Иными словами, нейросеть не выбирает между нормативным и ненормативным вариантом в творческом акте, а лишь калькулирует наиболее вероятную последовательность токенов.

В этом смысле феномен «технологического автора» неожиданно коррелирует с постмодернистской концепцией «смерти автора» (Р. Барт). Если классический автор умер как источник уникального смысла, уступив место игре означающих и власти читателя, то ИИ предлагает радикальную версию этой смерти: автора заменяет безличный алгоритм, компилирующий уже существующие дискурсы. Таким образом, изучение стилизованных текстов, созданных ИИ, позволяет не только оценить его технологические возможности, но и по-новому поставить вопрос о границах и ценности человеческого авторства в цифровую эпоху [13].

Материалы и методы

Исследование включало следующие этапы: 1) определение эталонных стилевых маркеров; 2) генерация стилизованных текстов; 3) стилистический анализ; 4) выявление ограничений ИИ; 5) установление роли человека-редактора. Для создания стилизованных сгенерированных текстов на русском языке были привлечены нейросети GigaChat, DeepSeek AI, Perplexity AI, QwenChat AI. В качестве промптов, ключевых слов были использованы следующие словосочетания: «на основе фактуры напиши очерк в стиле…», а также ролевое моделирование («ты – редактор…»). В ходе эксперимента данные нейросети по запросу стилизовали исходный текст, написанный одним из авторов статьи (очерк «Остров детства» – воспоминания о детстве ветерана боевых действий), под Джоан Дидион, Антуана де Сент-Экзюпери и Василия Гроссмана. Все три автора имеют прямое отношение к военной или нарративной журналистике, обладают ярко выраженным, узнаваемым идиостилем.

Выбор этих трех авторов для стилизации также продиктован следующими соображениями. Антуан де Сент-Экзюпери сочетает репортажность с притчевой философичностью, что позволяет проверить способность ИИ имитировать метафорический язык и экзистенциальную глубину. Василий Гроссман представляет традицию документальной прозы с эпическим дыханием и «толстовским» психологизмом – это вызов для нейросети в плане передачи исторической конкретики и философских отступлений. Джоан Дидион предлагает фрагментарный, «рубленый» синтаксис, холодную отстраненность и технику монтажа записных книжек – это позволяет оценить способность моделей работать с нелинейной композицией и эмоциональной сдержанностью.

Помимо эксперимента применялись методы лингвостилистического анализа для выявления в сгенерированных текстах маркеров заданно-

го стиля. Проведен сопоставительный анализ, а именно сравнивались тексты, созданные разными нейросетями на один промпт, между собой и с реальными человеческими аналогами (текстами журналистов).

Структура и механизмы стилизации в генеративных текстах

Для систематической оценки качества ИИ-стилизации в данном исследовании применялся набор параметров. К лексическим относились точность подбора лексем с заданной коннотацией; степень клишированности/оригинальности (частота статистически вероятных сочетаний). К синтаксическим параметрам – средняя длина предложения и ее вариативность (качественная оценка); частота парцелляции и других фигур дробления; соотношение простых и сложных конструкций; ритмический рисунок. К композиционным параметрам – тип нарративной структуры (линейная / нелинейная / монтажная); наличие кольцевого обрамления; способ введения рефлексии и философских обобщений; имитация жанровых маркеров. Были выбраны параметры аутентичности (выявляющие «зоны несостоятельности»): фактическая точность (отсутствие «галлюцинаций»); способность передавать амбивалентные переживания; наличие уникальных биографических деталей; мера между пафосом и самоиронией.

Первый запрос состоял в определении ключевых особенностей стиля Джоан Дидион, Антуана де Сент-Экзюпери и Василия Гроссмана. Сопоставление результатов приведено в *таблице*.

В. Григорьев отмечает такие особенности языка А. де Сент-Экзюпери, как естественность, простота, выразительность, редкость литературных штампов и автобиографичность[1]. А. Буковская [14] пишет о естественности и спонтанности его прозы, необычайной гармонии между формой и содержанием. Для стилевой манеры де Сент-Экзюпери характерен также переход от образа к обобщению, от притчи к морали. Гроссман пишет эмоционально, но при этом его голос резкий и лирический, он обращается к символам и деталям [15]. Выделим ряд характеристик стиля Дидион: 1) эссеистичность, понимаемая как установка на субъективную рефлексию, свободную композицию и приоритет личного восприятия над объективной фактографией; 2) предельная откровенность, граничащая с исповедальностью; 3) применение методов нового журнализма; 4) ритмичность (чередование длинных и коротких предложений), афористичность и метафоричность [16].

Следующий этап эксперимента был связан со стилизацией авторского очерка под каждого из указанных авторов. Нейросети GigaChat, DeepSeek AI, Perplexity AI, QwenChat AI сгенерировали по одному тексту на каждого выбранного автора, т. е. всего было выполнено 12 стилизаций.

Сопоставительный анализ выявил различия в способности моделей подбирать лексику с заданной коннотацией. Наиболее полное владение лексическими механизмами во всех трех стилизациях продемонстрировал DeepSeek. В тексте под Дидион модель использовала конкретику и недоговоренность вместо прямой эмоции, создавая необходимую фактуру. В стилизации под де Сент-Экзюпери техническая лексика стала основой для обобщений, а лексемы с семантикой тепла сформировали нужную атмосферу. В тексте под Гроссмана DeepSeek избегал абстрактных клише, вводя философские категории через конкретную ситуацию, что соответствует авторскому «мышлению через деталь». QwenChat успешен в отдельных задачах, но тяготеет к излишней генерализации. Модель удачно использовала лексику долга при имитации стиля де Сент-Экзюпери, однако в тексте под Дидион нарочитая примитивизация выглядела как имитация простоты, а в варианте под Гроссмана обилие метафор вступало в противоречие с авторской манерой, создавая избыточную «философичность».

[1] *Григорьев В.П.* Антуан Сент-Экзюпери. Пособие для учащихся. Л., 1972. 127 с.

Сравнение ключевых особенностей стиля Джоан Дидион, Антуана де Сент-Экзюпери и Василия Гроссмана

A Comparative Analysis of the Key Stylistic Features of Joan Didion, Antoine de Saint-Exupéry, and Vasily Grossman

Промт	GigaChat	DeepSeek AI	Perplexity AI	QwenChat AI
«Здравствуй, определи ключевые особенности стиля Джоан Дидион»	1. Лаконизм и точность выражения. 2. Использование повторов и параллелизма. 3. Психологическая глубина персонажей. 4. Автобиографичность. 5. Критический взгляд на общество	1. Точность и музыкальность фразы. 2. «Айсберг» и сила недоговоренности. 3. Магия деталей и чувственного опыта. 4. Позиция вдумчивого наблюдателя. 5. Отстраненность, ирония и скептицизм. 6. Главные темы: распад, тревога и отчуждение	1. Сочетание нонфикшн с личным опытом. 2. Лаконичность прозы. 3. Внимание к деталям и психологическим нюансам. 4. Отстраненность и точность. 5. Минимализм. 6. Культурный контекст	1. Клиническая точность и холодная отстраненность. 2. Фрагментарность и ритм. 3. Тема хаоса и попытка навести порядок. 4. «Калифорнийская готика». 5. Саморефлексия и уязвимость. 6. Внимание к языку и смыслам. 7. Ведение записных книжек
«Здравствуй, определи ключевые особенности стиля Антуана де Сент-Экзюпери»	1. Философская глубина. 2. Поэтичность и метафоричность. 3. Простота и ясность изложения. 4. Автобиографический элемент. 5. Духовная направленность	1. Экзистенциальная глубина и философичность. 2. Язык-метафора: притчевость и символизм. 3. Поэтический лиризм и живописность. 4. Строгая точность и репортажность. 5. Афористичность. 6. Романтика подвига и суровая правда. 7. Автобиографичность и образ «Я-пилота»	1. Синтез модернизма и реализма. 2. Аллегорические образы. 3. Метафорический язык. 4. Гуманизм и вера в человека	1. Синтез технического и поэтического. 2. Философский гуманизм и идея «Человеческого». 3. Лаконизм и афористичность. 4. Автобиографичность и документальность. 5. Контраст масштабов: Космос и Песчинка. 6. Светлая грусть и трагический оптимизм. 7. Дидактичность без назидательности

Окончание таблицы

Промт	GigaChat	DeepSeek AI	Perplexity AI	QwenChat AI
«Здравствуй, определи ключевые особенности стиля Василия Гроссмана»	1. Реализм и документальность. 2. Глубокая человечность и гуманизм. 3. Антиавторитаризм и критика власти. 4. Философская глубина и рефлексия. 5. Мастерство психологической характеристики персонажей	1. Связь с традицией русского реализма и толстовский эпос. 2. Документальность и психологизм через деталь. 3. Философская глубина и «интеллектуальная проза». 4. Монументальность и человечность. 5. Образная система и символика. 6. Эволюция от соцреализма к «лагерной» прозе. 7. Ясность и аскетизм позднего стиля	1. Эпический и историко-философский подход. 2. Лиризм и психологическая глубина. 3. Смесь стилей. 4. Тема свободы личности	1. «Микроскоп» и «телескоп»: сосуществование частного и глобального. 2. Феноменология зла. 3. Документальная основа и репортажная точность. 4. Концепция «бессмысленного добра». 5. Полифония и отсутствие черно-белых схем. 6. Экзистенциальный трагизм и одиночество. 7. Язык: простота и мощь

Perplexity AI демонстрировал лексическую нестабильность. В стилизации под Дидион модель тяготела к «готовым» метафорам, нарушая принцип авторской сдержанности. В тексте под де Сент-Экзюпери техницизмы были включены механически и не обретали символического звучания. В стилизации под Гроссмана удачные детали соседствовали с публицистическими клише, что разрушало стилистическую целостность. GigaChat оказался неспособен передать лексическую специфику, он подменял авторские детали универсальными клише мемуарной и литературной прозы. Чрезмерная поэтизация в стилизации под де Сент-Экзюпери привела к утрате «приземленности высокого», а в тексте под Гроссмана замещение живых деталей штампами свидетельствовало о непонимании авторской опоры на факт.

DeepSeek наиболее точно воспроизвел синтаксический рисунок во всех трех случаях. В стилизации под Дидион модель виртуозно чередовала короткие констатирующие предложения с повторами (*«Он ничего не запрещал. Он объяснял»*). Например, в тексте под Дидион есть фрагмент: *«Он не рассказывал о войне. Никогда. Ни слова. Только однажды: “Там тишина была страшнее взрывов”. И все»*. Короткие предложения, парцелляция (*«Никогда. Ни слова.»*), отсутствие связок – это точное воспроизведение дидионовского ритма. В тексте под Гроссмана DeepSeek продемонстрировал владение контрастом: фрагменты предельной краткости (*«Отец.»*) противостояли сложным конструкциям, имитирующим работу сознания, а парцелляция создавала эффект тяжелого размышления. QwenChat был наиболее успешен в передаче ритма де Сент-Экзюпери, четко выстраивал чередование длинных периодов и коротких фраз-акцентов (*«Я победил»*). Однако в стилизации под Дидион имитация фрагментарности стала механистичной, что создало ощущение дискретности, а не ритма. В тексте под

Гроссмана синтаксис временами был избыточно плавен, что лишило текст необходимой «шероховатости». Perplexity AI воспроизвел парцелляцию, но излишне монотонно. Например, текст в стиле Дидион был насыщен рублеными фразами, повествование стало слишком жестким и сухим. А в стилизации под Сент-Экзюпери текст превратился в монотонное чередование сложноподчиненных и сложносочиненных предложений. GigaChat, словно не видя особенностей стиля, использовал сложноподчиненные предложения. Таким образом, стилизации под Дидион, де Сент-Экзюпери и Гроссмана выглядели однотипно.

Как было показано выше, композиционная структура текстов каждого автора самобытна: у Дидион преобладает нелинейный монтаж, у де Сент-Экзюпери – фрагментарность и обилие лирических отступлений, у Гроссмана – кольцевая композиция. DeepSeek успешно имитировал эти структуры. В стилизации под Дидион каждый эпизод представлял собой замкнутую сцену, а переходы между временными планами осуществлялись жестко, без сглаживающих связок. В тексте под де Сент-Экзюпери и Гроссмана модель активно использовала принцип кольцевого обрамления, открывая и закрывая повествование образом «острова». QwenChat успешно применял ретроспективу и кольцевую композицию, особенно в стилизации под де Сент-Экзюпери, выстраивая текст по модели «воспитания чувств». При этом созданные тексты отличались большей литературностью и композиционной завершенностью, что в случае с Гроссманом противоречило авторской установке на «необработанность» жизненного материала. Perplexity AI в стилизации под Дидион сохранял линейную хронологию с заголовками-маркерами. В тексте под де Сент-Экзюпери повествовательные блоки были композиционно разобщены, что нарушало цельность. Попытка имитировать документальность Гроссмана через формальные ссылки вступала в конфликт с художественной природой текста, усиливая его фрагментарность. GigaChat во всех случаях использовал линейный нарратив с экспозицией и дидактическим завершением. Такая композиционная модель не соответствует стилистике выбранных авторов.

Проведен анализ ограничений и слабых сторон ИИ-стилизаций («зоны несостоятельности») на примере авторского очерка «Остров детства». Анализ ограничений составляет обязательную и отдельную часть подобных исследований [17; 18].

Прежде всего следует отметить проблему оригинальности и содержательной глубины. В авторском очерке читаем: *«Я солгал военкому, что по образованию повар – думал, возьмут на кухню. А таблицу у окулиста выучил наизусть за ночь – строчка за строчкой, сосед по палате диктовал»*. Исходный текст демонстрирует высокую плотность уникального, личного опыта, который не может быть сгенерирован на основе статистических закономерностей. Так, ложь военкому и обман окулиста – это не литературный прием, а единичный случай, имеющий высокую психологическую достоверность. В стилизации DeepSeek под Гроссмана эта же ситуация передана следующим образом: *«Медкомиссия. Врачи смотрят устало, равнодушно. Он просит показать таблицу – оказывается, запомнил все строчки наизусть. Хитрость? Нет. Желание жить»*. Как видим, ИИ сохранил фактическую канву, но убрал ложь о профессии – именно ту «нелогичную» деталь, которая делает историю уникальной, а не типичной. В варианте от QwenChat эта сцена вовсе заменена обобщением: *«Как все, он проходил врачей»* – что полностью нивелирует специфику пережитого. Что касается стилизации в GigaChat и Peprlexity AI, то исходный текст практически не был изменен.

Анализ выявил ряд содержательных ограничений при решении задач стилизации, присущих генеративным моделям.

Тяготение к семантической завершенности. В стилизациях прослеживается стремление к афористичности и философским обобщениям, нейросети стремятся не оставлять открытых вопросов.

Шаблонность реакций. Исходный текст фиксирует амбивалентные переживания, противоречащие статистически ожидаемым нарративам. Нейросеть, обученная на корпусах с устойчивыми паттернами репрезентации травмы, в лучшем случае нивелирует, в худшем – игнорирует такие нестереотипные реакции.

Отсутствие «харизматического стиля» и личного опыта. Наиболее статистически вероятные признаки стиля (синтаксис, лексика) имитируются успешно, однако экстралингвистическая составляющая – способность текста становиться событием культуры благодаря личности автора – остается недоступной.

Исключение «приземляющих» деталей. Аутентичные тексты включают элементы, снижающие пафос и не работающие непосредственно на идею. При генерации подобные детали отбрасываются как информационный шум в пользу «гладких» нарративов.

Таким образом, на современном этапе «чистая» генерация требует участия человека-редактора, функции которого включают корректуру и верификацию хронотопа, коррекцию смысловых лакун и восстановление уникальных биографических маркеров. Человек-редактор (в данном случае – сам автор) должен проверить и сохранить те уникальные фактические детали, которые ИИ счел бы «нелитературными» или статистически маловероятными (например, ложь военкому об образовании).

В исходном тексте соблюдена мера между пафосом и самоиронией. Редактор (автор) интуитивно чувствует эту меру. В стилизациях, как показал анализ, Perplexity AI срывается в пафос, а QwenChat – в простоту.

Сравнение с авторским очерком «Остров детства» позволяет утверждать, что главная «зона несостоятельности» современных ИИ лежит не в области лингвистической стилизации, а в области достоверности.

Заключение

Нейросети способны копировать манеру нужного автора, но тяготеют к статистически наиболее частотным маркерам его стиля, т. е. к статистической норме искусственного языка. Главное ограничение – отсутствие «осмысленного выбора» средств: нейросетям не свойственны воображение, интерпретация и осмысление индивидуального опыта. Любой стилизованный под конкретного автора текст будет лишен «харизматического стиля». Сравнение авторского и стилизованного текстов показало, что ИИ неспособен передать глубину содержания человеческого опыта, который описывается в журналистском произведении: он не может отразить амбивалентность чувств, эмоциональных реакций, рефлексивность, хаотичность метафор и образов, которые составляют глубину и противоречивость человеческого опыта.

Таким образом, возникновение фигуры «технологического автора» требует пересмотра редакционных процедур в медиа. Проведенный анализ показал, что даже наиболее точные ИИ-стилизации (например, стилизации от DeepSeek) не свободны от фактических «галлюцинаций», хронотопических ошибок и подмены уникальных деталей статистически вероятными клише. Следовательно, ключевым императивом внедрения генеративных моделей в журналистскую практику становится не замена человека алгоритмом, а строгое закрепление за человеком функций постредактуры: 1) верификацию всех фактических данных (топонимов, дат, имен); 2) восстановление биографической конкретики, которую ИИ отбрасывает как «нелитературную»; 3) смысловую корректировку там, где модель нивелирует эмоциональные и противоречивые переживания в пользу «гладкого» нарратива. Только при условии обязательного человеческого контроля генеративный контент может быть адаптирован для публикации в медиа, отвечающих критериям достоверности и этической ответственности. В целом можно заключить, что стилизация в исполнении ИИ – не творческий акт, а сложный технологический процесс воспроизводства культурных шаблонов, что требует переосмысления таких категорий, как автор, стиль и текст, в эпоху цифровых трансформаций.

Список литературы

1. *Клушина Н.И.* Идиостиль в генеративном тексте // Коммуникатив. исследования. 2025. Т. 12, № 4. С. 774–788. https://doi.org/10.24147/2413-6182.2025.12(4).774-788
2. *Копусь Т.Л.* Способы выражения естественной и сгенерированной субъективности в телеграм-дискурсе // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2025. Т. 18, № 10. С. 4273–4282.
3. *Виноградов В.В*. Сюжет и стиль: сравнительно-историческое исследование. М., 1963. 192 с.
4. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.
5. *Казак М.Ю.* Специфика современного медиатекста // Соврем. дискурс-анализ. 2012. № 1(6). С. 30–41.
6. *Распопова С.С*. Автор как реальный человек и образ автора в медиатексте // Вопр. теории и практики журналистики. 2015. Т. 4, № 2. С. 149–158.
7. *Трофимов Р.В.* Лингвистические механизмы генерации фейковых новостей при помощи искусственного интеллекта // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2025. Т. 25, № 3. С. 87–97. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V437
8. *Оломская Н.Н., Юрова Е.А*. Лингвопрагматические особенности сгенерированного текста в медиадискурсе социальных сетей (на примере текстов о выборах губернатора в Нижегородской области – 2023 в России) // Рос. соц.-гуманит. журн. 2025. № 2. С. 302–324.
9. *Ng L.H.X., Carley K.M.*A Global Comparison of Social Media Bot and Human Characteristics // Sci. Reports. 2025. Vol. 15. Art. № 10973. https://doi.org/10.1038/s41598-025-96372-1
10. *Кайда Л.Г.* Интермедиальность – филологический континент: вольтова дуга авторского подтекста. М., 2019. 112 с.
11. *Марачева* А.В. Создание индивидуального авторского стиля как итог формирования методологической культуры будущего журналиста в процессе профессионального образования // Педагог. вестн. 2021. № 18. С. 36–38.
12. *Выровцева Е.В., Исакова Т.Б*. Формирование авторского стиля журналиста в процессе обучения // Вестн. Волжск. ун-та им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 1, № 2. С. 125–132.
13. *Dawkins H., Fraser K., Kiritchenko S.* When Detection Fails: The Power of Fine-Tuned Models to Generate Human-Like Social Media Text // Arxiv. 2025. 16 Jun. https://doi.org/10.48550/arXiv.2506.09975
14. *Буковская А.* Сент-Экзюпери, или Парадоксы гуманизма. М., 1983. 208 с.
15. *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман. М., 1970. 303 с.
16. *Авдонина Н.С., Малахова А.М., Фокина И.А*. Литературный журнализм: современное прочтение: моногр. Архангельск, 2020. 153 с.
17. *González-Arias C., Chatzikoumi E., López-García X.* The Anthropomorphic Pursuit of AI-Generated Journalistic Texts: Limits to Expressing Subjectivity // Front. Communication. 2024. Vol. 9. Art. № 1456509. https://doi.org/10.3389/fcomm.2024.1456509
18. *Macko D., Kopal J., Moro R., Srba I.* MultiSocial: Multilingual Benchmark of Machine-Generated Text Detection of Social-Media Texts. 2024. https://doi.org/10.48550/arXiv.2406.12549

References

1. Klushina N.I. Idiostyle in a Generative Text. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2025, vol. 12, no. 4, pp. 774–788 (in Russ.). https://doi.org/10.24147/2413-6182.2025.12(4).774-788
2. Kopus' T.L. Means of Communicating Human and AI-Generated Subjectivity in Telegram Discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2025, vol. 18, no. 10, pp. 4273–4282 (in Russ.).
3. Vinogradov V.V. *Plot and Style*: *A Comparative Historical Study*. Moscow, 1963. 195 p. (in Russ.).
4. Bakhtin M.M. *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow, 1979. 423 p. (in Russ.).
5. Kazak M.Yu. Specifics of Contemporary Media Text. *Sovremennyy diskurs-analiz*, 2012, no. 1, pp. 30–41 (in Russ.).
6. Raspopova S.S. Author as a Real Man and the Author's Image in Media Texts. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 149–158 (in Russ.).

7. Trofimov R.V. Linguistic Mechanisms for Generating Fake News Using Artificial Intelligence. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 87–97 (in Russ.). https://doi.org/10.37482/2687-1505-V437

8. Olomskaya N.N., Yurova E.A. Linguopragmatic Features of Generated Text in Social Media Discourse (on the Example of Texts about the 2023 Gubernatorial Election in the Nizhny Novgorod Region, Russia). *Rossiyskiy sotsial'no-gumanitarnyy zhurnal*, 2025, no. 2, pp. 302–324 (in Russ.).

9. Ng L.H.X., Carley K.M. A Global Comparison of Social Media Bot and Human Characteristics. *Sci. Reports*, 2025, vol. 15, art. no. 10973. https://doi.org/10.1038/s41598-025-96372-1

10. Kayda L.G. *Intermediality as a Philological Continent: The Voltaic Arc of the Author's Subtext*. Moscow, 2019. 112 p. (in Russ.).

11. Maracheva A.V. Creation of Individual Author's Style as a Result of the Formation of a Future Journalist's Methodological Culture in Professional Education. *Pedagogicheskiy vestnik*, 2021, no. 18, pp. 36–38 (in Russ.).

12. Vyrovtseva E.V., Isakova T.B. Formation of a Journalist's Author's Style in the Learning Process. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 125–132 (in Russ.).

13. Dawkins H., Fraser K., Kiritchenko S. When Detection Fails: The Power of Fine-Tuned Models to Generate Human-Like Social Media Text. *Arxiv*, 2025, 16 Jun. https://doi.org/10.48550/arXiv.2506.09975

14. Bukovskaya A. *Saint-Exupéry, or the Paradoxes of Humanism*. Moscow, 1983. 208 p. (in Russ.).

15. Bocharov A.G. *Vasiliy Grossman*. Moscow, 1970. 303 p. (in Russ.).

16. Avdonina N.S., Malakhova A.M., Fokina I.A. *Literary Journalism: A Contemporary Reading.* Arkhangelsk, 2020. 153 p. (in Russ.).

17. González-Arias C., Chatzikoumi E., López-García X. The Anthropomorphic Pursuit of AI-Generated Journalistic Texts: Limits to Expressing Subjectivity. *Front. Communication*, 2024, vol. 9, art. no. 1456509. https://doi.org/10.3389/fcomm.2024.1456509

18. Macko D., Kopal J., Moro R., Srba I. MultiSocial: Multilingual Benchmark of Machine-Generated Text Detection of Social-Media Texts. 2024. https://doi.org/10.48550/arXiv.2406.12549

Информация об авторах

Н.С. Авдонина *– кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.*

А.А. Постникова *– специалист центра культурных и просветительских программ Архангельской областной научной ордена «Знак Почета» библиотеки имени Н.А. Добролюбова, магистрант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова.*

Information about the authors

Natal'ya S. Avdonina*, Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Northern (Arctic) Federal University named after M.V.Lomonosov.*

Anna A. Postnikova, *Specialist at the Centre for Cultural and Educational Programmes of N.A. Dobrolyubov Arkhangelsk Regional Scientific Library, Master's Degree Student at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Northern (Arctic) Federal University named after M.V.Lomonosov.*

Поступила в редакцию 18.03.2026
Одобрена после рецензирования 22.05.2026
Принята к публикации 25.05.2026

Submitted 18 March 2026
Approved after reviewing 22 May 2026
Accepted for publication 25 May 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 86–94.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 86–94.

Научная статья
УДК 394.014(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V531

Музеефицикация городского пространства: социально-философский контекст

Светлана Сергеевна Касаткина[1]✉
Анастасия Николаевна Макарова[2]
[1,2] Череповецкий государственный университет, Череповец, Вологодская область, Россия,
[1]SvetlanaCH5@rambler.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-0946-3875
[2]anmakarova@chsu.ru, https://orcid.org/0009-0000-6188-8152

Аннотация. В статье рассматривается музеефикация пространства российских городов как урбанистическое явление современного общества. Представление о музеефикации городского пространства, которое приобретало свои черты еще с 30-х годов XX века, с течением времени трансформировалось. Если сначала речь шла об изменении функций отдельных зданий и сохранении их как памятников архитектуры с музейным значением, то сейчас мы говорим о формировании обновленных общественных пространств: пешеходных тематических улиц, исторических дворов, арт-кварталов и кластеров, объединенных историко-культурным наследием, архитектурным стилем, единством застройки, общей философской концепцией связи с историей. Целью работы является конкретизация понятия «музеефикация городского пространства», основной задачей – обоснование рассматриваемого феномена в социально-философском смысле на основе применения системно-семиотического подхода. Предлагается авторское понятие «музеефикация городского пространства»; анализируются особенности музеефикации городских локаций в зависимости от исторического, архитектурного, социального контекста. Авторы отмечают, что в основе музеефикации городской среды лежит система, состоящая из концепта – смысл преобразований, структуры – социальной активности горожан, субстрата – ландшафта в контексте сохранности исторической среды или ее отсутствия. Музеефицированные локации превращаются в востребованные социальные пространства, украшают город, создают ресурс туристского развития, являются социокультурным потенциалом общества. Примерами процесса музеефикации территорий можно назвать проекты развития общественных пространств в Рыбинске, Калининграде, Великом Устюге, Архангельске. Любые практики музеефицирования городских территорий несут прежде всего социально-философский смысл, поэтому авторы данной статьи рассматривают назначение и перспективы развития музеефикации территорий городов как органичного явления социокультурной эволюции современного общества. Музеефикация городских пространств отражает социальные интересы в формировании национальной идентичности через вовлечение граждан как в этап подготовки проектной заявки трансформации среды, так и в формат использования возможностей обновленных территорий после преобразований.

© Касаткина С.С., Макарова А.Н., 2026

Ключевые слова: *музеефикация городского пространства, локальная идентичность, социальная трансформация города, социокультурная эволюция, урбосфера, философия города*

Для цитирования: Касаткина С.С., Макарова А.Н. Музеефицикация городского пространства: социально-философский контекст // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 86–94. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V531

Original article

Musealisation of Urban Space: Social and Philosophical Context

Svetlana S. Kasatkina[1]✉
Anastasiya N. Makarova[2]
[1, 2]Cherepovets State University, Cherepovets, Vologda region, Russia,
[1]SvetlanaCH5@rambler.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-0946-3875
[2]anmakarova@chsu.ru, https://orcid.org/0009-0000-6188-8152

Abstract. The article discusses the issues of musealisation of the space of Russian cities as an urban phenomenon of modern society. The idea of "musealisation of the city", which acquired its features since the 1930s has transformed over time. While the initial approach was centered on the adaptation of individual buildings and their conservation as architectural landmarks with museum significance, the current focus has shifted towards the creation of renovated public spaces. These include thematic pedestrian streets, historic courtyards, art districts and clusters that are united by a common historical and cultural heritage, a coherent architectural style, urban planning integrity and a unifying philosophical framework that establishes a connection with the past. The aim of this article is to specify the concept of "musealisation of urban space". The main objective is to substantiate the phenomenon under consideration in socio-philosophical terms through the application of a systemic-semiotic approach. The article introduces the author's concept of "musealisation of urban space" and analyses the specific features of musealisation of urban locations depending on their historical, architectural, and social context. The authors argue that the musealisation of the urban environment is underpinned by a system comprising three components: the concept (the underlying meaning of the transformations), the structure (the social activity of citizens), and the substrate (the landscape in the context of the preservation or absence of historical environment). Musealised locations transform into sought-after social spaces, enhance the urban aesthetic, provide resources for tourism development, and constitute the sociocultural potential of society. Examples of the musealisation process include public space development projects in Rybinsk, Kaliningrad, Velikiy Ustyug, and Arkhangelsk. Any practices of musealizing urban territories carry, above all, a socio-philosophical meaning; therefore, the authors consider the purpose and development prospects of urban musealisation as an organic phenomenon of the socio-cultural evolution of modern society. The musealisation of urban spaces reflects social interests in shaping national identity by engaging citizens both at the stage of preparing project proposals for environmental transformation and in the use of opportunities offered by the renovated territories after their redevelopment.
Keywords: *musealisation of urban space, local identity, social transformation of the city, sociocultural evolution, urbosphere, city philosophy*

For citation: Kasatkina S.S., Makarova A.N. Musealisation of Urban Space: Social and Philosophical Context. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 86–94. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V531

Музеефикация городского пространства как проявление социальной трансформации стала новой формой организации городской среды, чему способствует рост интереса к местной истории и культуре в обществе. Это выражается в организации особых знаковых территорий в городах (например, исторических кварталов); музеефицировании локаций общественных пространств города; создании городских охранных исторических зон, а также символической стилизации пешеходных улиц и районов (оформление в духе определенной исторической эпохи). Данные социальные явления требуют философского осмысления, в т. ч. через формирование понятийного аппарата современной науки.

Цель исследования – конкретизация понятия «музеефикация городского пространства» в социально-философском дискурсе. Объект изучения – социокультурная жизнь города; предмет – музеефикация городской среды и ее проявления в современном обществе. Метод исследования – системно-семиотический, раскрывающий городское музеефицирующееся пространство как систему, состоящую из концепта (смысловое значение изменений в городской среде), структуры (общественные отношения) и субстрата (модернизированная среда).

Обзор литературы. Корни научного интереса к затрагиваемой теме можно найти в трудах о историко-культурном ландшафте городов Н.П. Анциферова [1], К. Линча [2], Я. Гейла [3], М. Каулен [4], а также в работах по теме музеефикации как особого социокультурного процесса территорий Е.Н. Мастеницы [5], Е.В. Глатоленковой и А.П. Ивановой [6], М.А. Гусевой и В.В. Комиссарова [7], Н.А. Коноваловой [8], Ц. Дуань и М.Т. Майстровской [9], П.В. Абрамовой[1], Д.А. Фарстовой [10], Е.И. Ермолаевой и А.Ю. Майничевой [11], А.Л. Астафьевой [12], Р. Аль-Асмар [13], Ц. Ван, М. Чжао, Л. Чжао [14], Ц. Лянь, М. Ляо [15], Т. Лудауи [16], С. Андерссон [17] и др. Авторы связывают социальные преобразования с изменениями в городской жизни, характеризуют их как систему взаимообусловленных явлений.

Принято считать, что понятие «музеефикация» порождено музеологией и применяется исключительно в музейной сфере. Музеефикация в исходном смысле – «направление музейной деятельности и охраны памятников, сущность которого – преобразование историко-культурных и природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности и включения их в актуальную культуру»[2]. Тем не менее музеефикация уже перешагнула рубеж музейных контекстов и рассматривается более широко – как социально-философский, урбанистический феномен. М.М. Осипова отмечает, что «прошлое города не является объектом музейного показа только в рамках музейной экспозиции. Сам город во всей своей целостности – свидетель всех событий, происходивших в нем. Это и порождает необходимость музеефикации не только отдельных объектов, но и связей между ними: материальных (пространственных) и нематериальных» [18, с. 142].

В процессе музеефикации отбираются определенные локации, они переосмысляются и наделяются новым историко-культурным наполнением, что порождает социокультурную активность и развитие социума в них. Данный смысл термин приобрел в связи с выходом музейных функций за пределы стен соответствующих зданий. Слово «музеефикация» перестало обозначать только проявление музейной сферы или процесс формирования музейной

[1]Музейные термины и понятия смежных с музееведением дисциплин / авт.-сост. П.В. Абрамова, Ю.Ю. Гизей, Т.И. Кимеева, Д.Д. Родионова, Е.Ф. Сергеева, Д.Р. Тимербулатов, И.Ю. Усков. Кемерово, 2024. 184 с.

[2]*Березина Н.М.* Роль музеефикации объектов культурного наследия в их сохранении и популяризации // Долгопрудненский историко-художественный музей. URL: https://dolgoprudnymuseum.ru/berezina-n-m-rol-muzeefikatsii-obektov-kulturnogo-naslediya-v-ih-sohranenii-i-populyarizatsii (дата обращения: 21.12.2025).

коллекции. Музеефикация городских пространств в данном исследовании трактуется как процесс наделения городской территории особым смыслом (наследием), дополнительными социокультурными функциями и ценностями, раскрывающими историко-культурное значение города в обновленном ракурсе; система изменений, связанных с физической трансформацией городской среды и формированием условий для новых видов социальной активности (создание локаций, которые будут востребованы у горожан).

Если раньше в процессе музеефикации пространств изменениям подвергались только физические объекты (например, отдельные здания, в которых создавались музеи), то сейчас этот процесс имеет системный и семиотический характер, затрагивает как идеальные нарративы, так и материальный мир: от осмысления задуманного до формирования разных территориальных единиц (от комплекса зданий, двориков до микрорайонов города и целых населенных пунктов). История вопроса затрагивается в исследованиях разных авторов, в т. ч. А.С. Максимовой: «В каком смысле мы можем говорить о музеефикации? Представляется, что есть несколько релевантных смыслов. Аналогично “электрификации страны”, например, это означает распространение музеев, увеличение их числа. Однако традиционно музеефикация определяется как превращение в объекты показа или экспонаты того, что раньше ими не являлось, в т. ч. превращение в музеи таких масштабных объектов, как города» [19, с. 17]. Музеефикация становится комплексной логической междисциплинарной работой, диктующей условия трансформации городских зон. Данные территории изменяются и благоустраиваются в соответствии с обновленными смыслами.

Важными элементами процесса музеефикации городского пространства являются *субъекты* (люди) – заинтересованные личности, горожане, специалисты по развитию территорий; *методы* музеефикации среды – экскурсионный, инсталляционный, ландшафтный, интерактивно-визуализированный и т. п.; *объекты* – городская среда, знания о важных исторических событиях в городе и знаменитых личностях; связанные с конкретным местом городские мифы и традиции, которые являются поводом для музеефикации территории. Горожане получают новый ресурс социального взаимодействия в обновленном городском пространстве, развиваются в культурном плане, глубже идентифицируют себя со средой проживания, укрепляют положительный имидж региона.

Распространение музеефикации городских районов и кварталов в малых, крупных и больших городах России обусловлено несколькими причинами. Российская провинция в целом в начале XXI века пережила сложный период возрождения после драматичных 90-х годов XXI века. Это выражается не только в материальном смысле (повышение уровня жизни), но и в массовом запросе на городскую идентичность, на качество проведения культурного досуга. Поддерживаемые региональными и федеральными программами развития российские города начинают активно исследовать свои социокультурные особенности, создавать обновленный маркетинговый образ, бренд. Все это, с одной стороны, поддерживает внутренние ментальные силы города и его жителей, придает им уверенность в себе, а с другой – влияет на экономический и туристический потенциал города, привлекая в него туристов. К середине первой четверти XXI века некоторые российские города предложили уникальный символичный образ своих территорий и поделились опытом формирования региональной идентичности путем музеефикации городского пространства. Например, города Плес, Мышкин, Коломна, Тотьма, Рыбинск очень сильно изменились и стали успешными в сфере туризма и гостеприимства. Появился востребованный тренд на создание упакованного продукта в виде улиц с выставочно-зрелищной функцией [20], музейного квартала, музея под открытым небом и т. п. Примерами таких локаций выступают улица Чумбарова-Лучинского в Архангельске, «Рыбная деревня» в Калининграде, музейный квартал в Городце, центр Рыбинска и др.

Катализатором роста востребованности культурно-исторического наследия оказались события пандемии и специальной военной операции, из-за которых сфера туризма переориентировалась на внутренние ресурсы и потребности общества. Россияне стали активнее изучать красоты своей страны, постигать национальную идею в провинциальных городах и селах. Это оказалось интересно не только туристам, но и жителям провинциальных территорий, что проявилось в общественных инициативах по развитию городских пространств. К примеру, Дмитрий Кузнецов «увидел возможность воссоздать старинные вывески XIX века в историческом центре Рыбинска, настоял на полной аутентичности реплик и сделал из города живой музей, которым заинтересовались туристы, власти и крупные бренды»[3]. Господдержка и система грантовых конкурсов помогают реализовывать комплексные проекты реконструкции зданий, улиц и кварталов. Некоторые из них стали примерами музеефикации городских пространств.

Важно отметить, что нельзя ставить знак равенства между музеефикацией и благоустройством. Возможность музеефикации городской зоны связана с несколькими факторами, ключевым из которых становится интерес жителей и сообществ, их включенность в поиск идеи раскрытия исторического и культурного концепта урбосферы. Для того, чтобы сделать город или его часть музеефицированной территорией под открытым небом, необходимо появление акторов, которые могут не только сформировать идею, но и убедить администрацию и общество взять ее в совместную работу.

Для появления изменений, трансформирующих пространство, нужен специфический концепт – системообразующая суть преобразований. Концепт – основа урбосферы, определяющая базисный каркас города (его части), задается символической целью существования города [21]. Сформированный концепт станет стержнем для музеефикации городской среды, соединит несколько объектов в единый маршрут или локальное пространство, которые будут восприниматься комплексно в единстве смыслов. Важно, чтобы концепт музеефикации городской среды не завершился на этапе торжественного открытия или показа после окончания ремонтных работ, а продолжал функционировать в виде постоянной работы горожан с материальным и нематериальным городским наследием в виде мероприятий на территории (встречи, экскурсии, городские праздники и т. п.) и иных форм взаимодействия с социумом – горожанами, туристами, инвесторами.

Музеефикация городского пространства в системно-семиотическом ключе в полной мере раскрывается тогда, когда тема городских преобразований концептуально обусловлена реальными историческими событиями, происходившими в этом месте, даже если на сегодняшний день их материальных свидетельств не сохранилось, а также востребована горожанами в их жизни.

Стоит выделить антропологический контекст в концепте музеефикации городского пространства, когда оно связано с личностью, «гением места». Музеефикация города может быть соотнесена с событиями из жизни известного человека, аспектами его проживания в конкретной местности. Горожане и гости города ощущают идентичность с такой личностью через традиции, воспоминания, рассказы, легенды, праздники и физическое пространство города, воспроизводящее память об этом человеке. Городской облик создается «из ряда воспринимаемых картин, рассказывающих об объектах, ограничивающих и “создающих” видимое глазу пространство» [22, с. 44], – отмечают Е.В. Альземенева и Ю.В. Мамаева в статье «Идентичность городской среды». Действительно, музеефикация городского пространства

[3] *Желиховская М.* Дмитрий Кузнецов, создатель «Музея живой старинной вывески», Рыбинск // РБК. 2025. 30 мая. URL: https://style.rbc.ru/travel/682da3d29a794732d7c0c62b (дата обращения: 02.01.2026).

соотносится с визуальным восприятием пространства, которое невозможно без социально-философского осмысления среды. Примером может служить осмысление историко-культурного наследия как социокультурного ресурса развития современного общества в городе Рыбинске Ярославской области. Оформление центральных кварталов историческими вывесками изменило восприятие города, сформировало идентичность жителей как представителей старинного купеческого города на Волге. Люди активно стали интересоваться рыбинскими купеческими династиями и их жизнью в дореволюционный период. Также примером может служить создание Верещагинского квартала в Череповце Вологодской области – рядом с мемориальным музеем семьи Верещагиных.

Разновидностью семиотического восприятия музеефикации городского пространства является архитектектура. Часто именно архитектурное окружение и специфика застройки позволяют обществу в городской локации ощущать мир вокруг себя как музей под открытым небом, чувствовать связь с историей в ее аутентичных «декорациях». Здесь показателен пример города Рыбинска Ярославской области, сохранившего в нескольких центральных кварталах застройку XIX века. Это позволило городу музеефицировать сразу несколько улиц в центральной части. Идея воссоздания облика купеческого города XIX – начала XX века была подкреплена практикой регламентации вывесок, стилизованных под дореволюционную эпоху. Таким образом, в Рыбинске благодаря сохранившемуся архитектурному пространству произошла музеефикация городского пространства, что создало не только красивый облик города в верховьях Волги, но и породило целую философию города, который буквально реанимирует эпоху, когда он был значим в имперской истории страны. Город стал более востребован как пространство не только для интересной насыщенной событиями жизни, но и как объект туристского показа.

Не всем городам так повезло с архитектурным контекстом как Рыбинску. Архангельск и Калининград, имеющие в запасе множество концептов исторических событий, в архитектурном смысле оказались без масштабного первозданного визуального и смыслового подкрепления в развитии социокультурного пространства. Калининград сильно пострадал во время Второй мировой войны, Архангельск был застроен в советский период, лишившись значительной части деревянных зданий и храмов, составлявших ядро исторического центра города. В этих городах происходит музеефикация городского пространства, воспроизводящая элементы культуры, исторической атмосферы. Так, недавно были создана (модифицирована) музеефицированная территория «Рыбная деревня» в Калининграде; преображается улица Чумбарова-Лучинского в Архангельске, где помимо отреставрированных городских домов органично расположились скульптуры героев сказок Степана Писахова.

Музеефикация городской среды раскрывается в системе *концепта* достопримечательного места (смысла преобразований); *структуры* – социально-культурной активности модернизированной территории (общение, прогулка, экскурсия, пленэр, фестиваль и т. п.) и полученных людьми впечатлений, а также *субстрата* – физической среды, наполняющей музеефицированную городскую территорию предметами наследия, объектами памяти.

Примечательно, что во многих случаях музеефикация городского пространства раскрывается «удаленно», когда люди используют средства визуальной фиксации (снимают фото, видео) и транслируют в социальных сетях образ территории, того или иного места, где они воодушевились запечатлеть обстановку вокруг и поделиться эмоциями с остальными. Популярные приемы визуализации среды оказались значимым аспектом взаимодействия как с городом, так и в обществе в целом. Об этом размышлял еще в конце прошлого века Шарон Зукин: «С развитием визуальных медиа в XX веке фотография и кино стали основными средствами культурного структурирования городского пространства и… сам по себе материальный

ландшафт города – здания, парки, улицы – стал наиболее важным аспектом его визуальной репрезентации» [23, с. 153]. Музеефицированные пространства современных городов интересны людям, они притягивают любознательных и активных граждан, создают условия для коммуникаций, раскрывают имиджевый потенциал города.

Конкретизируя понятие «музеефикация городского пространства» в социально-философском дискурсе необходимо отметить, что оно обозначает современный процесс символической организации городской жизни через осмысление изменений среды (символические преобразования), появление новых форм социальной активности в музеефицированном пространстве, а также непосредственное преобразование физической среды города путем создания новых объектов социальной памяти. В отличие от музеефикации в классическом понимании этот процесс не монополизирован и не регламентирован музейной сферой. Музеефикация городского пространства может развиваться в современных городах без привязки к аутентичной исторической среде. Данный формат развития общественных пространств города проявляется в неравнодушном отношении к нему со стороны горожан. Перспективы музеефикации территорий городов как органичного явления социокультурной эволюции современного общества требуют дальнейшего исследования историко-культурных концептов городских территорий и раскрытия новых смысловых доминант; проектной и экспертной деятельности по формированию уникальных музеефицированных мест, масштабированию социальных активностей в данных локациях; реконструкции и создания новых элементов городских тематических сфер, а также охранной деятельности и эффективного использования городских территорий.

Список литературы

1. *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1926. 155 с.

2. *Lynch K.* The City Image and Its Elements. Cambridge, 1960. 103 p.

3. *Gehl J., Svarre B.* How to Study Public Life. Washington, 2013. 179 p.

4. *Каулен М.Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. 432 с.

5. *Мастеница Е.Н.* Музейный потенциал в сохранении утраченного культурного наследия // Культурное пространство: генезис и трансформации: тез. докл. VIII всерос. науч.-практ. конф. «Культурное пространство: генезис и трансформации» памяти проф. С.Н. Иконниковой. 25–26 октября 2023 г. СПб., 2023. С. 44–45.

6. *Глатоленкова Е.В., Иванова А.П.* Архитектурное наследие железных дорог Восточной России // Урбанистика. 2021. № 4. С. 35–54.

7. *Гусева М.А., Комиссаров В.В.* Охрана и реконструкция средневековых городов: отечественные реалии и зарубежный опыт // Вестн. Иванов. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2021. № 4. С. 90–96.

8. *Коновалова Н.А.* Сохранение исторического облика малых городов Японии. Эффективные стратегии последних лет // Город, пригодный для жизни: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 20–22 ноября 2024 года / отв. за выпуск Д.Е. Лемытская. Красноярск, 2025. С. 362–367.

9. *Дуань Ц., Майстровская М.Т.* Культурное наследие и экспозиция пространства структурных компонентов города-музея // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13, № 3А-4А. С. 23–31.

10. *Фарстова Д.А.* Обзор отечественного и зарубежного опыта сохранения культурного наследия // Архитектура. Реставрация. Дизайн. Урбанистика. 2025. № 1(5). С. 238–249.

11. *Ермолаева Е.И., Майничева А.Ю.* Опыт применения технологии BIM в изучении, воссоздании и музеефикации зданий и сооружений в России // Баланд. чтения. 2020. Т. 15. С. 460–470.

12. *Астафьев А.Л.* Мягкая музеефикация как метод сохранения культурного наследия // Сохранение и актуализация культурного наследия: Материалы Всерос. музей. форума, Кемерово, 28–30 мая 2025 года. Кемерово, 2025. С. 109–111.

13. *Alasmar R*. Philosophy and Perception of Beauty in Architecture // Am. J. Civ. Engineer. Spec. Issue: Aesthetics and Perception of Beauty in Architecture. 2019. Vol. 7, № 5. P. 126–132.
14. *Wang Q., Zhao M., Zhao L.* Visual Analysis of Landscape Aesthetic Evaluation Based on Bibliometric Methods // Am. J. Civ. Engineer. 2021. Vol. 9, № 3. P. 63–69.
15. *Lian J., Liao M.* National Archaeological Site Park Planning Based on Landscape Archaeology // Am. J. Civ. Engineer. 2021. Vol. 9, № 3. P. 74–83.
16. *Loudaoui T.* The Architecture of Post-Independence Tourism: Early "villages de vacances" on the Tetouan Coast (1965–1970) // ABE J. 2025. https://doi.org/10.4000/14vh9
17. *Andersson C*. Public Space and the New Urban Agenda // Public Space Reader. 2016. Т. 1, № 1. P. 5–9.
18. *Осипова М.М.* Музеефикация в городе: от объектов к пространству // Тр. СПБГИК. 2015. Т. 212. С. 140–146.
19. *Максимова А.С.* Формы и следствия музеефикации малого города: кейс Мышкина и Каргополя // Лабиринт. Журн. соц.-гуманит. исследований. 2014. № 5. С. 15–24.
20. *Колодин К.И., Черепанов П.Д., Скурлатова Е.А*. Основы формообразования пешеходной улицы как объекта в виде многофункционального комплекса // Урбанистика. 2022. № 3. С. 8–23.
21. *Касаткина С.С.* Урбосфера: практики осмысления городского пространства. Череповец, 2018. 159 с.
22. *Альземенева Е.В., Мамаева Ю.В.* Идентичность городской среды // Инж.-строит. вестн. Прикаспия. 2021. № 2(36). С. 40–47. https://doi.org/10.52684/2312-3702-2021-36-2-40-47
23. *Sharon Z.* The Cultures of Cities. N. Y., 1995. 322 p.

References

1. Antsiferov N.P. *Ways of Studying the City as a Social Organism. The Experience of an Integrated Approach*. Leningrad, 1926. 155 p. (in Russ.).
2. Lynch K. *The City Image and Its Elements*. Cambridge, 1960. 103 p.
3. Gehl J., Svarre B. *How to Study Public Life*. Washington, 2013. 179 p.
4. Kaulen M.E. *Musealization of the Historical and Cultural Heritage of Russia.* Moscow, 2012. 432 p. (in Russ.).
5. Mastenitsa E.N. Museum Potential in Preserving Lost Cultural Heritage. *Cultural Space: Genesis and Transformations: Proceedings of the 8th All-Russian Scientific and Practical Conference in Memory of Professor Ikonnikova N.S. October 25–26, 2023.* St. Petersburg, 2023, pp. 44–45 (in Russ.).
6. Glatolenkova E.V., Ivanova A.P. Architectural Heritage of Eastern Russian Railways. *Urbanistika*, 2021, no. 4, pp. 35–54 (in Russ.).
7. Guseva M.A., Komissarov V.V. Protection and Reconstruction of Medieval Cities: Domestic Realities and Foreign Experience. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2021, no. 4, pp. 90–96 (in Russ.).
8. Konovalova N.A. Preservation of the Historical Appearance of Small Towns in Japan Effective Strategies of Recent Years // *A City Fit for Life: Proceedings of the 7th International Scientific-practical Conference. Krasnoyarsk, November 20–22, 2024.* Krasnoyarsk, 2025, pp. 362–367 (in Russ.).
9. Duan Z., Maistrovskaya N.T. Cultural Heritage and the Exposition of the Space of the Structural Components of the Museum City. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 2023, vol. 13, no. 3A-4A, pp. 23–31. (in Russ.).
10. Farstova D.A. Review of Domestic and Foreign Experience in Preserving Cultural Heritage. *Arkhitektura. Restavratsiya. Dizayn. Urbanistika*, 2025, no. 1, pp. 238–249 (in Russ.).
11. Ermolaeva E.I., Maynicheva A.G. The Experience of Using BIM Technology in Teaching, Creating and Museifying Buildings and Structures in Russia. *Balandinskie chteniya*, 2020, vol. 15, pp. 460–470 (in Russ.).
12. Astaf'eva A.L. Soft Museumification as a Method of Preserving Cultural Heritage. *Preservation and Actualization of Cultural Heritage: Proceedings of the All-Russian Museum Forum, Kemerovo, May 28–30, 2025.* Kemerovo, 2025, pp. 109–111 (in Russ.).
13. Alasmar R. Philosophy and Perception of Beauty in Architecture. *Am. J. Civ. Engineer. Spec. Issue: Aesthetics and Perception of Beauty in Architecture*, 2019, vol. 7, no. 5, pp. 126–132.
14. Wang Q., Zhao M., Zhao L. Visual Analysis of Landscape Aesthetic Evaluation Based on Bibliometric Methods. *Am. J. Civ. Engineer.*, 2021, vol. 9, no. 3, pp. 63–69.

15. Lian J., Liao M. National Archaeological Site Park Planning Based on Landscape Archaeology. *Am. J. Civ. Engineer.,* 2021, vol. 9, no. 3, pp. 74–83.

16. Loudaoui T. The Architecture of Post-Independence Tourism: Early "villages de vacances" on the Tetouan Coast (1965–1970). *ABE J.,* 2025. https://doi.org/10.4000/14vh9

17 Andersson C. Public Space And the New Urban Agenda. *Public Space Reader*. Routledge, 2016, vol. 1, no. 1, pp. 5–9.

18. Osipova M.M. Museification In the City: From Objects To Space. *Works of St. Petersburg State Institute of Culture*, 2015, vol. 212, pp. 140–146 (in Russ.).

19. Maksimova A.S. Forms and Consequences of the Museumsification of a Small Town: The Case of Myshkin and Kargopol. *Labirint Journal of Social and Humanitarian Research*, 2014, no. 5, pp. 15–24 (in Russ.).

20. Kolodin K.I., Cherepanov P.D., Skurlatova E.A. Fundamentals of the Forming of a Pedestrian Street as an Object in the Form of a Multifunctional Complex. *Urbanistika*, 2022, no. 3, pp. 8–23 (in Russ.).

21. Kasatkina S.S. *Urbosphere: Practices of Understanding Urban Space*. Cherepovets, 2018. 159 p. (in Russ.).

22. Al'zemeneva E.V., Mamaeva Yu.V. Identity of the Urban Environment. *Inzhenerno-stroitel'nyy vestnik Prikaspiya*, 2021, no. 2, pp. 40–47 (in Russ.).

23. Sharon Z. *The Cultures of Cities.* N. Y., 1995. 322 p.

Информация об авторах

С.С. Касаткина *– доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета.*

А.Н. Макарова *– аспирант кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета.*

Information about the authors

Svetlana S. Kasatkina*, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of History and Philosophy, Cherepovets State University.*

Anastasiya N. Makarova*, Postgraduate Student at the Department of History and Philosophy, Cherepovets State University.*

Поступила в редакцию 24.01.2026
Одобрена после рецензирования 16.03.2026
Принята к публикации 19.03.2026

Submitted 24 January 2026
Approved after reviewing 16 March 2026
Accepted for publication 19 March 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 95–105.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 95–105.

Научная статья
УДК [325.3:911.3:323.2:39](71)(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V534

Детерриторизация коренных народов Канады: трансформация этнокультурного ландшафта и идентичности

Ирина Анатольевна Казнина
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
i.kaznina@narfu.ru, https://orcid.org/0009-0006-8659-9537

Аннотация. В статье представлен социально-философский анализ детерриторизации коренных народов Канады в географическом и социокультурном плане. Рассматривается процесс вынужденного переселения аборигенных народов и их насильственной ассимиляции, осуществлявшийся канадским правительством на протяжении колониального периода. Анализируя государственную политику Канады в рамках конструктивистских теорий, исследователь показывает, что колониальная политика основывалась на идеологическом противопоставлении «цивилизованного» европейского общества «диким» коренным народам, и демонстрирует, как категории «нецивилизованные», «отсталые народы», «нестатусные индейцы» использовались властями для репрезентации коренных народов с целью обоснования лишения их прав на традиционные территории. В результате анализа выявлено, что детерриторизация коренных народов Канады представляла собой комплексный процесс, реализованный через систему взаимосвязанных инструментов. Ключевым из них был «Закон об индейцах» (1876), который юридически закрепил деление представителей коренных народов на «статусных» и «нестатусных», установил пространственные границы посредством резерваций, лишил аборигенные народы права собственности на исконные земли. В социокультурном плане данный закон был направлен на разрушение этнокультурных ландшафта и идентичности. Важным средством детерриторизации стала также система школ-интернатов, разорвавшая духовную связь детей с родными местами и традиционным образом жизни, а также межпоколенческую преемственность. Рекартографирование на основе доктрины «terra nullius» представило исконные земли аборигенных народов «ничьими», исключив аборигенность из ландшафта страны. Индустриальное освоение территорий привело к деградации среды обитания, вынужденному переселению аборигенных общин и разрыву процессуальной связи коренных народов с их землями. В статье обосновывается, что глубинной целью детерриторизации являлось не только физическое переселение коренных жителей и лишение их прав на традиционные территории, но и изменение аборигенного культурного ландшафта и рекодификация этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: *коренные народы Канады, детерриторизация, колониальная политика, традиционные территории, этнокультурная идентичность, этнокультурный ландшафт*

© Казнина И.А., 2026

Для цитирования: Казнина И.А. Детерриторизация коренных народов Канады: трансформация этнокультурного ландшафта и идентичности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 95–105. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V534

Original article

Deterritorialisation of Indigenous Peoples in Canada: Transformation of the Ethnocultural Landscape and Identity

Irina A. Kaznina
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,
i.kaznina@narfu.ru, https://orcid.org/0009-0006-8659-9537

Abstract. The article represents a socio-philosophical analysis of the process of deterritorialisation of indigenous peoples in Canada, in both geographical and socio-cultural terms. It examines the process of forced resettlement and assimilation of aboriginal peoples implemented by the Canadian state throughout the colonial period. Analyzing Canada's state policy within the framework of constructivist theories, the researcher demonstrates that the colonial policy was based on the ideological opposition of "civilized" European society to "savage" indigenous peoples. The study shows how the categories of "uncivilized", "backward peoples", and "non-status Indians" were used by the authorities to represent the indigenous peoples in order to justify the denial of their rights to traditional territories. The analysis reveals that the deterritorialisation of the indigenous peoples of Canada was a comprehensive process implemented through a system of interconnected instruments. The key instrument was the Indian Act of 1876, which legally established the categorisation of the indigenous population into "status" and "non-status", limited their spatial boundaries through the reservation system, and deprived the aboriginal peoples of the right to their ancestral lands. In socio-cultural terms, this act was aimed at erasing the ethnocultural landscape and identity. Another crucial means of deterritorialisation was the residential school system, which severed the children's spiritual connection to their native places and traditional way of life and disrupted intergenerational continuity. Re-mapping based on the doctrine of "terra nullius" presented the ancestral lands of aboriginal peoples as "no one's lands", thereby erasing indigeneity from the country's landscape. The industrial development of territories led to the degradation of the environment, the forced relocation of aboriginal communities, and the rupture of the procedural bond between the indigenous peoples and their lands. The article substantiates that the underlying goal of deterritorialis ation was not merely the physical displacement of the indigenous peoples and the deprivation of their rights to traditional territories, but also the transformation of the aboriginal cultural landscape and the recodification of their ethnocultural identity.
Keywords: *indigenous peoples of Canada, deterritorialisation, colonial policy, traditional territories, ethnocultural identity, ethnocultural landscape*

For citation: Kaznina I.A. Deterritorialisation ation of Indigenous Peoples in Canada: Transformation of the Ethnocultural Landscape and Identity. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 95–105. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V534

Введение. В условиях, когда Арктический регион представляет большую экономическую ценность, вопрос о поиске баланса между получением экономической выгоды и сохранением этнокультурного разнообразия коренных народов, чья идентичность тесно связана с окружающей средой, встает все более остро. Исторически коренные народы Арктического региона сталкивались с политикой ассимиляции, переселения, лишения прав на традиционные территории и самоопределение. В Канаде, стране с колониальным прошлым, продолжаются судебные разбирательства и политические процессы по самоопределению, автономии и доступу к ресурсам коренных народов. При этом вопросы перераспределения земель и ресурсов сопряжены с исторической ответственностью канадского государства, которое проводило политику детерриторизации и ассимиляции коренных народов. В академическом и политическом дискурсах выдвигаются идеи восстановления и возвращения прав землепользования коренным народам и ведется обсуждение механизмов и целей включения их в процесс освоения северных территорий.

В российской научной литературе рассматриваются правовой и политический статусы коренных народов Канады. Существуют исследования, посвященные правовым основам защиты земельных и природоресурсных прав коренных народов, их прав на самоопределение, культуру и язык (А.С. Донецкая [1], О.И. Пименова [2] и др.). Л.А. Барабанская и А.Н. Слепцов [3] изучали законодательство и правоприменительную практику, относящиеся к решению проблемы согласования прав коренных народов с экономическим развитием арктических территорий Канады. Также анализируются взаимоотношения канадского государства и коренных народов, политика в отношении аборигенных народов и политическая активность самих коренных народов на национальном и международном уровнях (Н.А. Топунов [4], Д.Д. Максимова, В.И. Соколов [5], В.И. Юдин [6] и др.). В основном исследования сосредоточены на политико-правовых аспектах взаимодействия коренных народов и государства, при этом в отечественной науке существует небольшое количество трудов, посвященных социально-философскому осмыслению канадской политики в отношении коренных народов и процесса детерриторизации, что определяет актуальность данной статьи. В работах российских авторов концепция детерриторизации используется в основном для анализа глобализации социального пространства и изменения социокультурных паттернов (П.Н. Ваневская [7], В.В. Волченко [8]). М.С. Куропятник изучала связь детерриторизированных сообществ со своей территорией [9, с. 143]. А.Н. Соловьева выявила философско-методологические основания для анализа механизмов репрезентации этнокультурных пространств в контексте процессов детерриторизации [10]. Вопросами изучения взаимосвязи этноса и территории, этнотерриториальности и детерриторизации занимался Н.А. Беркович [11].

Целью данного исследования является социально-философское осмысление процесса детерриторизации коренных народов Канады. Проведение такого анализа необходимо для дальнейшего критического изучения современного постколониального диалога коренных народов и канадского государства в рамках концепций примирения, где сталкиваются государственная политика, философские идеи и критика со стороны коренных народов. Методологическая значимость представленной работы заключается в том, что она демонстрирует, как философская концепция детерриторизации может быть использована для анализа конкретной государственной политики в междисциплинарном контексте. Практическая значимость исследования обусловлена тем, что оно может послужить базой для разработки и корректировки государственной политики в отношении коренных народов не только в Канаде, но и других арктических странах со схожим опытом, в то время как для России – базой для сравнения канадской и российской политик в отношении северных коренных народов.

Методология и теоретические рамки. Данная работа основана на концепции детерриторизации, представленной французскими философами Ж. Делезом и Ф. Гваттари [12]. В рамках их постструктуралистского теоретического подхода деттериторизация представляет собой процесс утраты связи с территорией как в географическом, так и социальном, культурном и экономическом смысле. Используя данный подход, автор рассматривает детерриторизацию коренных народов Канады как процесс вынужденного покидания ими традиционных территорий (переселение в резервации и на нетрадиционные земли) и как процесс детерриторизации этнокультурной идентичности, когда аборигенные народы переселяются, ассимилируются, а их традиции, языки, обычаи и практики теряют жесткую привязку к месту происхождения.

В данной работе применяется метод анализа научных трудов, в основном зарубежных ученых (Д. Сибли, Э. Ниеми, Б. Неицчманн, Н. Бломли, С. Ди Лиув, К. Хэррис, Д. Браун и др.). Автор опирается на исследования, посвященные вопросам отчуждения прав на земли, самоуправления, а также колониальной политики в отношении коренных народов Канады, в частности Британской Колумбии [13–19]. Также был проведен ретроспективный анализ исторических фактов, чтобы выявить, как концепция детерриторизации была реализована на практике в Канаде, какие для этого использовались методы и инструменты и как это отразилось на этнокультурной идентичности коренных народов.

Для проведения социально-философского анализа политики детерриторизации в Канаде в представленном исследовании используется конструктивистский теоретический подход (Б. Андерсон [20], В.А. Тишков [21], Л. Гаски [22] и др.). Согласно нему, этносы и нации являются интеллектуальными конструкциями, созданными политиками и учеными для определенных целей. Как аргументирует Л. Гаски, идентичность конструируется, представляется, «предписывается, принимается или отторгается в дискурсах» [22, с. 223]. Дискурсы об идентичности также основываются на контрастировании, разделении между «нами» и «ними», создают дихотомии и производят определенные категории. Э. Ниеми полагает, что власть базируется на категоризации коллективных идентичностей, что используется для реализации определенной политики и построения иерархий между группами [14, с. 397]. Данная теоретическая рамка нужна для того, чтобы проанализировать, как различные категории и целенаправленное изменение коллективных пространственных идентичностей применялись канадскими властями с целью вытеснения коренных народов с традиционных территорий и лишения их прав на земли.

В представленной работе идентичность коренных народов рассматривается не только как политическая конструкция, но и как объективная данность в рамках примордиалистского подхода. Пространственное измерение идентичности коренных народов представляется в рамках подходов, предложенных такими учеными, как Н.М. Теребихин [23], Б. Форбс, Б. Штаммлер [24] и др. Согласно этим исследователям, идентичность коренных народов имеет коллективный процессуальный пространственный характер, который формируется в постоянном процессе взаимодействия с их исконными территориями во время осуществления традиционной деятельности и в тесном взаимодействии с другими членами данной культурной группы.

Результаты. В начале исследования необходимо пояснить терминологический аппарат, применяемый в отношении коренных народов Канады. В данной статье наряду с термином «коренные народы», принятым на международном уровне и в Канаде, используется такой термин, как «аборигенные народы», поскольку он представлен в официальном законодательстве этой страны (Конституционный акт (1982)[1]), а

[1]The Constitution Acts 1867 to 1982 // Government of Canada. 2026. August 6. URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/Const/index.html (дата обращения: 27.02.2026).

также многочисленных западных научных трудах. Термин «коренные народы» относится к трем группам: «первым нациям» (First Nations), т. е. индейцам, инуитам (жители арктических регионов) и метисам (потомки смешанных браков аборигенных народов и европейцев)[2].

Сами термины «коренные народы», «первые нации» или «аборигенные народы» несут в себе определенные коннотации и отражают отношения данных народов с властями, а также обуславливают обладание определенными правами, в т. ч. на территорию. В Канаде в ходе истории эти коннотации изменялись вместе с изменением политики в отношении коренных народов, что влияло на их взаимодействие с окружающей средой. Согласно Д. Сибли [13], взаимодействие между пространством и людьми представляет воспроизводство властных отношений. Различные группы, проживающие на территории одной страны, могут быть «как доминирующими, так и подчиненными в зависимости от того, как они категоризированы» [13, с. 5], и их принадлежность к определенным территориям может признаваться или отвергаться. Стратегии колониальных государств по отчуждению земель коренных народов основывались на допущении, что европейцы были «цивилизованными», в отличие от «диких» коренных народов [18, с. 170].

Д. Сибли полагает, что понимание социопространственного мира других ограничивается различиями в жизненном опыте, происхождении и взглядах [13]. Применяя этот подход, можно сказать, что европейское культурное происхождение играло важную роль в становлении и развитии колониальной политики Канады в отношении коренных народов, поскольку различия между западной культурой и культурой коренных народов не понимались и не признавались колониалистами. Более того, культура аборигенных народов и их традиционные виды деятельности рассматривались государством как «отсталые» и «нецивилизованные». Эта категоризация стала идеологической основой для лишения их прав на земли для того, чтобы в дальнейшем использовать таковые согласно западному мировоззрению «должным образом», экономически выгодно. Среди причин переселения коренных народов была не только экономическая выгода, но и необходимость государственного и национального строительства, что повлекло за собой ассимиляцию аборигенных народов [15, с. 232]. Для проведения данной политики использовались категории «отсталые и нецивилизованные», что придавало термину «аборигенные народы» негативную коннотацию и косвенно подкрепляло обоснование необходимости их детерриторизации в культурном и географическом смысле.

Детерриторизация в Канаде проводилась посредством разработки законодательства, направленного на лишение коренных народов прав владения традиционными территориями. Как отмечают Д. Дилэни, Р. Форд и Н. Бломли, «закон является инструментом изменения, доминирования и сопротивления» [25, с. 15]. Он имеет пространственное измерение и определяет четкие географические границы собственности [16, с. 94]. В 1876 году в Канаде был принят «Закон об индейцах»[3], который преследовал две противоречащие друг другу цели. С одной стороны, он был призван защищать индейцев и их земли, что являлось формальной патерналистской целью, основанной на представлении об этом

[2]Indigenous Population Continues to Grow and Is Much Younger than the Non-Indigenous Population, Although the Pace of Growth Has Slowed // Government of Canada. 2022. September 21. URL: https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/220921/dq220921a-eng.htm (дата обращения: 27.02.2026).

[3]Indian Act. 1985. // Government of Canada. 2026. August 6. URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/i-5/FullText.html (дата обращения: 25.02.2026).

народе как о «подопечных государства», нуждающихся в опеке и защите[4]. С другой стороны, закон использовался для осуществления контроля, ассимиляции и «цивилизации» индейских народов, что по сути было основной целью[5]. Для проведения такой политики закон провел категоризацию и определил, кто является индейцем. При этом он создал категории «статусные» и «нестатусные» индейцы, что привело к разделению семьи и общины[6] и наделению особыми правами лишь части коренного населения.

Принятие «Закона об индейцах» лишило аборигенные народы прав на традиционные территории и очертило пространственные границы «первых наций», поскольку они были переселены в резервации[7]. Так, коренные народы кэрриер и секани, проживавшие в центральной северной части Британской Колумбии[8], были переселены в резервации, а их традиционные земли отчуждены и выделены в пользование представителям некоренных народов [19, с. 36].

«Закон об индейцах» выступил инструментом изменения отношений аборигенных народов с их землями и средством установления доминирования европейцев над коренными народами Канады. По сути, он стал правовым инструментом изменения их идентичности, поскольку предусматривал добровольное или принудительное лишение юридического статуса «индеец» в обмен на получение прав гражданина Канады[9]. Многие потеряли статус индейца из-за того, что начали работать врачами, юристами, священниками или получили высшее образование. Потеря юридического статуса означала, что представители коренных народов стали «достаточно цивилизованными» с точки зрения государства, что отражает иерархию, где культура коренных народов стоит ниже, чем культура европейских переселенцев. Однако для самих коренных народов потеря «индейского» статуса предполагала лишение земельных прав, прав на занятие традиционными видами деятельности, такими как охота, и физическое и культурное отдаление от дома и общины[10], что влекло за собой необратимые изменения в их идентичности, имеющей пространственный и коллективный характер. Коренные народы были представлены как «нецивилизованные» в противовес «культурно развитым» европейцам. Целью введения такого контраста было создание гомогенной нации и лишение коренных народов коллективных прав на их традиционные территории и культуру.

Одним из средств, направленных на лишение аборигенных народов земель и трансформацию их идентичности, также было введение школ-интернатов. Данная система, действовавшая вплоть до 1990-х годов, представляла собой институт, предназначенный для коренного населения. «Закон об индейцах» предусматри-

---

[4]The Indian Act. // University of Saskatchewan. URL: https://gladue.usask.ca/indianact (дата обращения: 20.02.2026).

[5]Confederation. Wolf Lake First Nation. URL: https://www.wolflakefirstnation.com/confederation (дата обращения: 20.02.2026).

[6]*Prosper P.* Indian Act. 2025. June 19. URL: https://sencanada.ca/en/senators/prosper-paul/interventions/666357/33?context=1#hid (дата обращения: 25.02.2026).

[7]Legislation Concerning Canada's First Peoples. URL: https://webarchiveweb.wayback.bac-lac.canada.ca/web/20211118194620/http://firstpeoplesofcanada.com/fp_treaties/john_fp33_indianact.html (дата обращения: 24.02.2026).

[8]Carrier Sekani Family Services. URL: https://www.csfs.org/ (дата обращения: 20.02.2026).

[9]*Crey K.* Enfranchisement. URL: https://indigenousfoundations.arts.ubc.ca/enfranchisement/ (дата обращения: 28.03.2026).

[10]*Charette J.* Enfranchisement of First Nations peoples. URL: https://thediscoverblog.com/tag/franchise-act/ (дата обращения: 28.03.2026).

вал принудительное изъятие детей из семей и направление их в школы-интернаты, чтобы уничтожить этнокультурную идентичность детей путем отделения их от семьи, сообщества, культуры, языка и традиций[11]. Целью создания школ-интернатов были ассимиляция коренных народов и исключение аборигенности как из физического, так и культурного ландшафта страны [17, с. 352]. Реализация модели западного образования в этих школах должна была растворить аборигенную социальную структуру и разрушить связь воспитанников с землей [26, с. 23]. Разлучение детей с семьями и переезд в школы-интернаты привели к разрыву преемственности поколений, принятию европейской культуры и, как результат, отказу от традиционного образа жизни и экономики, основанной на тесном взаимодействии с исконными землями. При этом важно отметить, что культура коренных народов предполагает контакт с окружающей средой, а согласно аборигенному мировоззрению «человек и природа нераздельны» [26, с. 22]. Р. Свенцель отмечает, что школы-интернаты формировали мировоззрение, которое никак не было связано с ландшафтом и не касалось его духовности [26, с. 23]. Таким образом, колониальные власти использовали школы-интернаты для того, чтобы разорвать духовную связь между коренными народами и их землями.

Вытеснение коренных народов из культурного и географического ландшафта страны осуществлялось также через репрезентацию географического пространства посредством рекартографирования. Территории коренных народов просто не указывали на картах: в тех местах, где они живут, оставляли пустое белое пространство [27]. Непризнание того факта, что на этих землях живут представители аборигенных народов, было основано на доктрине «terra nullius», т. е. «ничейной земли», предполагавшей что у государств было право занимать данные территории. Это также означало, что государство, по сути, не признавало существование на данных землях коренных народов и ценность их уникальной культуры. Так, при помощи рекартографирования коренные народы были лишены прав на традиционные территории, а их этнокультурная идентичность нивелировалась.

Следующим фактором, способствующим детерриторизации, было отчуждение земель посредством использования их нетрадиционным и неустойчивым путем, что включало индустриализацию. Это приводило к деградации природных ресурсов, необходимых для поддержания и сохранения традиционной культуры и образа жизни коренных народов, и, как следствие, невозможности оставаться на данных землях. Государство изымало земли у коренных народов путем продажи таковых частным компаниям, как это было в Британской Колумбии, когда местные власти продали земли у залива Пендлтона лесозаготовительной компании и неаборигенным фермерам, что способствовало вытеснению коренных народов с их традиционных территорий и переселению в другие места. Другой пример отчуждения земель коренных народов – строительство гидроэлектростанции Кемано в Британской Колумбии и последующее наводнение, которое привело к вынужденному переселению племени чеслатта [19, с. 38], принадлежащего к коренному народу кэрриер. Реализация таких водных мегапроектов влечет не только потерю традиционных территорий, но и утрату чувства места, что очень важно для отдельной и групповой идентичности [28]. При этом следует отметить, что идентичность коренных народов имеет коллективный пространственный характер, который формируется в постоянном процессе взаимодействия с их землями во вре-

[11] *Voll I.S.* 2024 Op-ed for the Roger W. Smith Memorial Prize. 2024. URL: https://zoryaninstitute.org/2024-op-ed-for-the-roger-w-smith-memorial-prize/ (дата обращения: 28.03.2026).

мя осуществления традиционной деятельности и в тесной связи с другими членами культурной группы. Как следствие, вытеснение с традиционных территорий, разрыв с землями лишает аборигенные народы основы существования и воспроизводства этнокультурной идентичности, что приводит к ее утрате. Несмотря на окончание колониальной политики, продолжающееся индустриальное освоение северных территорий и их экономическое развитие попрежнему меняют этнокультурный ландшафт и несут угрозу для коренных народов.

Заключение. Проведенный анализ позволил выявить, что детерриторизация коренных народов Канады происходила на разных уровнях. С одной стороны, она представляла собой процесс физической утраты традиционных земель коренными народами, когда они ограничивались пространственно и переселялись в резервации либо были вынуждены переместиться на новые территории. В результате этого процесса аборигенные народы теряли материальную основу воспроизводства своей этнокультурной идентичности, которая носит процессуальный характер и реализуется посредством ведения традиционных практик на исконных территориях, имеющих не только материальный, но и духовный смысл. С другой стороны, в культурном плане детерриторизация влекла ассимиляцию коренных народов, частичную утрату их языков, культурных знаний, практик и традиций, разрушение общинных связей и связи с землей.

Государственная политика Канады, основанная на колониальной идеологии, посредством лишения территорий исключала коренные народы, их культуру и этничность из географического и социокультурного ландшафта страны. Детерриторизация подкреплялась определением коренного населения как «отсталого» и «нецивилизованного» в противовес «цивилизованным» и «развитым» пришельцам, что стало обоснованием необходимости переселения и насильственной ассимиляции аборигенных народов. Такое разделение служило легитимации вытеснения их с традиционных территорий, а лишение коренных народов земель было идеологически оправдано через дихотомию «цивилизованное–дикое».

Реализация детерриторизации осуществлялась посредством законодательства, через установление пространственных границ резерваций и внедрение школ-интернатов, целями которых были разрушение духовной связи с землей и традиционной культурой, разрыв межпоколенческой преемственности и отказ от традиционного образа жизни и языка. Еще одним средством детерриторизации было рекартографирование и стирание традиционных территорий коренных народов с карт как в географическом, так и культурном смысле. Промышленное освоение территории также выступало фактором детерриторизации, что привело к деградации ресурсов и вынужденному переселению общин, чья идентичность носит процессуальный пространственный характер и поэтому напрямую зависит от доступа к традиционным землям.

Таким образом, детерриторизация коренных народов Канады представляла собой комплексный процесс, глубинной целью которого было не просто физическое перемещение людей, потеря коллективных прав на территории и ресурсы, а лишение их основы этнокультурной идентичности, неразрывно связанной с исконными землями. Канадское государство посредством институциональных, правовых и идеологических механизмов пыталось трансформировать коллективную, территориально укорененную идентичность аборигенных народов в индивидуализированную, основанную на западных европейских ценностях идентичность, что облегчало задачу национального строительства и открывало доступ к ресурсам, необходимым для экономического развития страны. Последствия этой политики, выражающиеся в угрозе утраты этнокультурной идентичности, продолжают оказывать влияние на современные отношения между коренными народами и государством, что требует дальнейшего осмысления в контексте поиска путей подлинного примирения.

Список литературы

1. *Донецкая А.С.* Правовые и институциональные основы самоуправления коренных народов Канады // Американистика на Дальнем Востоке. 2025. № 4(11). С. 83–90. https://doi.org/10.48344/27824152_2025_4_83
2. *Пименова О.И.* Природоресурсные права коренных народов и судебная практика их соблюдения в Канаде // Сравнит. конституц. обозрение. 2022. № 4(149). С. 89–109.
3. *Барабанская Л.А., Слепцов А.Н.* К вопросу защиты прав коренных народов при промышленном развитии арктических территорий России и Канады // Арктика XXI век. Гуманит. науки. 2021. № 4(26). С. 4–24.
4. *Топунов Н.А*. Политика примирения и сохранение исторической памяти коренных народов Канады // Россия и Америка в XXI веке. 2025. № 10. URL: https://rusus.jes.su/s207054760036903-0-1/ (дата обращения: 25.02.2026).
5. *Максимова Д.Д., Соколов В.И.* Коренные народы Канады: эволюция отношений с государством // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 12(492). С. 55–71.
6. *Юдин В.И.* Государственная политика стран Северной Европы, Соединенных Штатов Америки и Канады в отношении коренных малочисленных народов. М., 2012. 223 с.
7. *Ваневская П.Н.* Культурные аспекты глобализации: детерриторизация и символическая мобильность // Солидарность и конфликты в современном обществе: материалы науч. конф. СПб., 2018. С. 526–528.
8. *Волченко В.В.* Риски деятельности социальных субъектов в условиях детерриторизации глобального социального пространства // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6, № 6А. С. 76–81.
9. *Куропятник М.С.* Идентичность в контексте мобильности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 1. С. 143–148.
10. *Соловьева А.Н.* Детерриторизация социальных практик в контексте этнокультурных ландшафтов // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2009. № 5. С. 126–130.
11. *Беркович Н.А.* Этнотерриториальность и детерриторизация // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие: коллектив. моногр. по материалам IX Всерос. науч.-практ. конфер. с междунар. участием. СПб., 2020. С. 295–297.
12. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2010. 895 с.
13. *Sibley D.* Geographies of Exclusion: Society and Difference in the West. London, N. Y., 1995. 224 p.
14. *Niemi E.* National Minorities and Minority Policy in Norway: International Obligations and National Debates: Minorities around the Baltic Sea. Åland, 2006. P. 397–451.
15. *Nietschmann B*. The Fourth World: Nations Versus States // Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the Twenty-First Century / ed. by G.J. Demco, W.B. Wood. Boulder, 1994. P. 225–242.
16. *Blomley N*. The Boundaries of Property: Lessons from Beatrix Potter // Canad. Geographer. 2004. № 48(2). P. 91–100.
17. *de Leeuw S.* Intimate Colonialisms: the Material and Experienced Places of British Columbia's Residential Schools // Canad. Geographer. 2007. № 51(3). P. 339–359.
18. *Harris C*. How Did Colonialism Dispossess? Comments from an Edge of Empire // Ann. Assoc. Am. Geographers. 2004. Vol. 94, № 1. P. 165–182.
19. *Brown D.* Carrier Sekani Self-Government in Context: Land and Resources // Western Geography. 2002. № 12. P. 21–67.
20. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. 416 с.
21. *Тишков В.А.* О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головневу) // Этнография. 2023. № 1(19). С. 6–25.
22. *Gaski L.* Sami Identity as a Discursive Formation: Essentialism and Ambivalence // Indigenous Peoples. Self-determination, Knowledge, Identity. Delft, 2008. P. 219–236.
23. *Теребихин Н.М.* Этноэкологическая парадигма и традиционная аксиология геокультурного пространства российского Севера // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2011. № 9. С. 122–127.
24. *Forbes B.C., Stammler F.* Arctic Climate Change Discourse: the Contrasting Politics of Research Agendas in the West and Russia // Polar. Res. 2009. № 28. P. 28–42.
25. *Delaney D., Ford R., Blomley N.* The Legal Geographies Reader. Law, Power and Space. Oxford, 2001. 328 p.
26. *Swentzell R*. Conflicting Landscape Values: The Santa Clara Pueblo and Day School (Vision, Culture and Landscape) // Places J. 1990. Vol. 7, № 1. P. 19–27.

27. *Eades G.* Maps and Memes. Redrawing Culture, Place, and Identity in Indigenous Communities. Montreal, 2015. 264 p.
28. *Windsor J.E., Mcvey J.A.* Annihilation of Both Place and Sense of Place: The Experience of the Cheslatta T'En Canadian First Nation within the Context of Large-Scale Environmental Projects // Geograph. J. 2005. Vol. 171, № 2. P. 146–165.

References

1. Donetskaya A.S. Legal and Institutional Foundations of Indigenous Peoples' Self-government. *Amerikanistika na Dal'nem Vostoke*, 2025, no. 4, pp. 83–90 (in Russ.). https://doi.org/10.48344/27824152_2025_4_83
2. Pimenova O.I. Natural Resource Rights of Indigenous Peoples and Judicial Practice of Their Enforcement in Canada. *Sravnitel'noye constitutsionnoye obozreniye*, 2022, no. 4, pp. 89–109 (in Russ.).
3. Barabanskaya L.A., Sleptsov A.N. On the Protection of Indigenous Peoples' Rights during the Industrial Development of the Arctic Regions of Russia and Canada. A*rktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*, 2021, no. 4, pp. 4–24 (in Russ.).
4. Topunov N.A. Reconciliation Policy and Preservation of Historical Memory of Indigenous Peoples in Canada. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, 2025, no. 10. URL: https://rusus.jes.su/s207054760036903-0-1/ (accessed: 25.02.2026) (in Russ.).
5. Maksimova D.D., Sokolov V.I. Indigenous Peoples of Canada: the Evolution of Relations with the State. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2010, no. 12, pp. 55–71 (in Russ.).
6. Yudin V.I. *State Policies Towards Indigenous Peoples in Nordic countries, the USA, and Canada*. Moscow, 2012. 223 p. (in Russ.).
7. Vanevskaya P.N. Cultural Aspects of Globalisation: Deterritorialisation and Symbolic Mobility. *Solidarnost' i konflikty v sovremennom obshchestve*, 2018, pp. 526–528 (in Russ.).
8. Volchenko V.V. Social Actors' Risks in a Deterritorialised Global Social Space. *Kontekst i refleksiya: philosophiya o mire i cheloveke*, 2017, vol. 6, no. 6A, pp. 76–81 (in Russ.).
9. Kuropyatnik M.S. Identity in the Context of Mobility. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 2014, no. 1, pp. 143–148 (in Russ.).
10. Solov'yova A.N. Deterritorialisation of Social Practices in the Context of Ethnocultural Landscapes. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2009, no. 5, pp. 126–130 (in Russ.).
11. Berkovich N.A. Ethnoterritoriality and Deterritorialisation. *Natural and Cultural Heritage: Interdisciplinary Research, Conservation, and Development*. St. Petersburg, 2020, pp. 295–297 (in Russ.).
12. Deleuze G. Guattari F. *A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg, 2010. 895 p. (in Russ.).
13. Sibley D. *Geographies of Exclusion: Society and Difference in the West.* London, N. Y., 1995. 224 p.
14. Niemi E. National Minorities and Minority Policy in Norway. *International Obligations and National debates: Minorities Around the Baltic Sea.* Åland, 2006, pp. 397–451.
15. Nietschmann B. The Fourth World: Nations Versus States. *Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the Twenty-First Century.* Boulder, 1994, pp. 225–242.
16. Blomley N. The Boundaries of Property: Lessons from Beatrix Potter. *Canad. Geographer*, 2004, no. 48, pp. 91–100.
17. De Leeuw S. Intimate Colonialisms: the Material and Experienced Places of British Columbia's Residential Schools. *Canad. Geographer*, 2007, no. 51, pp. 339–359.
18. Harris C. How Did Colonialism Dispossess? Comments from an Edge of Empire. *Ann. Assoc. Am. Geographers*, 2004, vol. 94, no. 1, pp. 165–182.
19. Brown D. Carrier Sekani Self-Government in Context: Land and Resources. *Western Geography*, 2002, no. 12, pp. 21–67.
20. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* Moscow, 2016. 416 p. (in Russ.).
21. Tishkov V.A. On the Reconciliation of Constructivism and Primordialism (A Homage to Andrey Vladimirovich Golovnev). *Etnografiya*, 2023, no. 1, pp. 6–25 (in Russ.).
22. Gaski L. Sami Identity as a Discursive Formation: Essentialism and Ambivalence. *Indigenous Peoples. Self-determination, Knowledge, Identity*. Delft, 2008, pp. 219–236.
23. Terebikhin N.M. The Ethno-ecological Paradigm and Traditional Axiology of the Geocultural Space of the Russian North. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2011, no. 9, pp. 122–127 (in Russ.).

24. Forbes B.C., Stammler F. Arctic Climate Change Discourse: the Contrasting Politics of Research Agendas in the West and Russia. *Polar. Res.*, 2009, no. 28, pp. 28–42.

25. Delaney D., Ford R., Blomley N. *The Legal Geographies Reader. Law, Power and Space*. Oxford, 2001. 328 p.

26. Swentzell R. Conflicting Landscape Values: The Santa Clara Pueblo and Day School (Vision, Culture and Landscape). *Places J.*, 1990, vol. 7, no. 1, pp. 19–27.

27. Eades G. *Maps and Memes. Redrawing Culture, Place, and Identity in Indigenous Communities.* Montreal, 2015. 264 p.

28. Windsor J.E., Mcvey J.A. Annihilation of Both Place and Sense of Place: The Experience of the Cheslatta T'En Canadian First Nation within the Context of Large-Scale Environmental Projects. *Geograph. J.*, 2005, vol. 171, no. 2, pp. 146–165.

Информация об авторе

И.А. Казнина *– кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.*

Information about the author

Irina A. Kaznina*, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Department of Philosophy and Sociology, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov.*

Поступила в редакцию 06.03.2025
Одобрена после рецензирования 18.06.2026
Принята к публикации 23.06.2026

Submitted 6 March 2025
Approved after reviewing 18 June 2026
Accepted for publication 23 June 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 106–115.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 106–115.

Научная статья
УДК [1:004.891.2](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V532

ИИ как собеседник: философия ищет новые границы человеческого

Татьяна Юрьевна Кротенко[1, 2]
[1]Государственный университет управления, Москва, Россия,
krotenkotatiana@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-7029-0822
[2]Академия управления и производства, Москва, Россия

Аннотация. Превращение искусственного интеллекта (ИИ) из пассивного инструмента в активного коммуникативного агента ставит перед философией ключевой антропологический вопрос: что составляет сущность человеческого, когда алгоритмическая машина претендует на роль собеседника? Цель статьи – проанализировать, как феномен ИИ-собеседника трансформирует классические философские категории субъектности и интерсубъективности, что приводит к необходимости пересмотра границ человеческого. В основе методологии – синтез феноменологического описания опыта диалога с ИИ и его герменевтической интерпретации через концепцию Другого философии Э. Гуссерля и Э. Левинаса. В результате выявлена трехэтапная динамика этого процесса: распад инструментальной иллюзии, кризис интерсубъективных критериев и становление перформативной границы между человеком и машиной. Ключевой вывод – констатация феномена односторонней интерсубъективности – асимметричного диалога, который ставит под сомнение традиционные этические модели и позволяет эксплицировать содержание категории «подлинно человеческое». Этот диалог выступает зеркалом, выявляющим человеческую способность создавать смыслы и нести моральную ответственность. Научная новизна исследования состоит в преодолении разрыва между абстрактными дискуссиями о сущности ИИ и прикладными этическими вопросами. Практическая ценность работы проявляется в трех аспектах: она предлагает основу для оценки дизайна интерфейсов, способствует разработке правовых норм для систем с ИИ и указывает на необходимость обновления гуманитарного образования. Особо подчеркивается значимость этих выводов для российского контекста, где разработка этических стандартов для ИИ требует учета национальных культурных кодов и философской традиции понимания диалогичности. Статья развивает новое исследовательское направление – изучение человеческого в эпоху технологий. Его задача – картографирование взаимодействия между человеком и машиной в условиях цифрового диалога.

Ключевые слова: *ИИ-собеседник, философская антропология техники, границы человеческого, интерсубъективность, феноменология диалога, концепция Другого, перформативная субъектность, этика человеко-машинного взаимодействия*

Для цитирования: Кротенко Т.Ю. ИИ как собеседник: философия ищет новые границы человеческого // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 106–115. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V532

© Кротенко Т.Ю., 2026

Original article

AI as an Interlocutor: Philosophy and the Search for New Human Frontiers

Tatyana Yu. Krotenko[1, 2]
[1]State University of Management, Moscow, Russia,
krotenkotatiana@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-7029-0822
[2]Academy of Management and Production, Moscow, Russia

Abstract. The evolution of artificial intelligence (AI) from a passive tool into an active communicative agent poses a key anthropological question to philosophy: what constitutes the essence of the human when an algorithmic machine lays claim to the role of an interlocutor? The aim of this article is to analyse how the phenomenon of the AI companion transforms the classical philosophical categories of subjectivity and intersubjectivity, leading to a revision of the human frontiers. The methodology is based on a synthesis of a phenomenological description of the experience of dialogue with AI and its hermeneutic interpretation through the concept of the Other of the philosophy of E. Husserl and E. Levinas. As a result, a three-stage dynamic of this process is revealed: the dissolution of the instrumental illusion, the crisis of intersubjective criteria, and the formation of a performative boundary between human and machine. The key finding is the identification of the phenomenon of one-sided intersubjectivity – an asymmetrical dialogue that challenges traditional ethical models and allows for the explication of the content of the "authentically human" category. This dialogue acts as a mirror, revealing the human capacity to create meaning and bear moral responsibility. The scientific novelty lies in bridging the gap between abstract discussions on the essence of artificial intelligence and applied ethical issues. The practical value of the work is manifested in three aspects: it offers a framework for evaluating interface design, contributes to the development of legal norms for AI systems, and points to the need for updating humanities education. The significance of these findings for the Russian context is particularly emphasised, where the development of ethical standards for AI requires consideration of national cultural codes and the philosophical tradition of understanding dialogicality. The article pioneers a new research direction – the study of the human in the age of technology. Its task is to map the interaction between human and machine in the context of digital dialogue.

Keywords: *AI interlocutor, philosophical anthropology of technology, human frontiers, intersubjectivity, phenomenology of dialogue, concept of the Other, performative subjectivity, ethics of human-machine interaction.*

For citation: Krotenko T.Yu. AI as an Interlocutor: Philosophy and the Search for New Human Frontiers. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 106–115. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V532

Введение. В стремительной эволюции искусственного интеллекта (ИИ) наступил переломный момент, отмеченный не столько прорывом в вычислительной мощи, сколько качественным изменением самого характера нашего взаимодействия с ним. ИИ покидает сферу сугубо инструментального применения (анализ данных, распознавание образов, автоматизация рутинных задач) и все увереннее входит в область коммуникации, симулируя способность к осмысленному диалогу. Этот переход от инструмента к собеседнику представляет собой не просто технологический апгрейд, но один из наиболее значимых антропологических вызовов современности. Он ставит под радикальное сомнение устоявшиеся философские дихотомии,

с помощью которых человечество веками обосновывало собственную уникальность: субъект и объект, сознание и механизм, личность и инструмент.

Если техника обретает голос и претендует на диалог, то что остается в качестве исключительного достояния человека? Именно в этой точке напряжения и располагается проблемное поле настоящей работы. Принципиально важным для нее является разграничение объекта и предмета исследования: объектом выступает *человек* в ситуации коммуникативного взаимодействия с генеративными языковыми моделями, а предметом – трансформация концептуальных границ человеческого (субъектности, интерсубъективности, ответственности) под давлением такого нового опыта.

Актуальность темы обусловлена насущной необходимостью для философской мысли наверстать отставание, возникшее вследствие ускорения технологического прогресса. В то время как инженеры совершенствуют архитектуру нейросетей, а социологи фиксируют новые практики их использования, фундаментальная рефлексия о смысле этих изменений для нашего самопонимания часто остается в тени.

Существующий корпус исследований можно условно разделить на два направления. Первое, восходящее к классическим дебатам о «сильном» и «слабом» ИИ (Дж. Серл, А. Тьюринг) [1, с. 53; 2, с. 116], сосредоточено на онтологическом и эпистемологическом статусе машинного разума и пытается определить, может ли он в принципе обладать сознанием или пониманием. Второе направление, более современное, анализирует конкретные социальные и этические последствия внедрения ИИ – проблемы смещенной ответственности, алгоритмической предвзятости, цифрового следа [3, с. 161; 4, с. 260]. Однако между этими полюсами – абстрактной онтологией и прикладной этикой – возникает концептуальный вакуум. В нем остается неисследованным ключевой феномен: сам акт коммуникации с ИИ как опыт, переопределяющий границы человеческого. Как меняется наше восприятие себя, когда мы, осознавая искусственность собеседника, тем не менее вовлекаемся с ним в связный диалог?

Цель данной статьи – преодолеть этот разрыв, предложив философский анализ перехода «от инструмента к собеседнику» как драмы антропологического самоопределения.

Исходная гипотеза состоит в следующем: ИИ-собеседник не просто нарушает старые философские дихотомии, но принуждает к смещению самого способа мышления о границах – от поиска их статических, субстанциальных оснований к пониманию границ как динамических и перформативных. Граница человеческого, таким образом, оказывается не застывшей данностью, а непрерывным процессом, который осуществляется и пересматривается в самом акте взаимодействия с цифровым Другим.

Новизна работы заключается в синтезе феноменологического подхода к непосредственному опыту взаимодействия с ИИ и герменевтического анализа этого опыта в контексте ключевых философских концепций интерсубъективности и Другого (Э. Гуссерль, М. Бубер, Э. Левинас) [5, с. 211; 6, с. 440; 7, с. 404]. В отличие от существующих подходов, где ИИ часто рассматривается либо как симулякр, либо как потенциальный субъект, данное исследование фокусируется на *процессуальности*: как именно в акте диалога конституируются новые, гибридные формы субъектности и как сам человек переопределяет себя. Через этот анализ автор стремится показать, что встреча с ИИ-собеседником – это не периферийный технологический сюжет, а центральное событие для современной философии, заставляющее человека в диалоге с собственным творением вновь и вновь задаваться вечным вопросом: «Что есть человек?»

Обзор литературы. Формирование философии ИИ как самостоятельной области знания традиционно связывают с серединой XX века и вопросом Алана Тьюринга «Может ли машина мыслить?» [2, с. 112], который задал программную повестку для нескольких поколений исследователей. На протяжении десятилетий дискуссия концентрировалась вокруг поиска

онтологической и функциональной границы между естественным и искусственным разумом. Эта граница представлялась непреодолимым барьером, отделяющим человеческое (одушевленное, интенциональное, сознательное) от машинного (механистического, симулятивного, инструментального). Так, ключевыми стали вопросы о возможности самосознания ИИ, его способности к творчеству, мышлению и чувствованию по-человечески, а также о потенциальных угрозах, которые «сильный» ИИ может нести человечеству. Эта эпоха философской рефлексии, отмеченная работами Дж. Серла и его мысленным экспериментом с «Китайской комнатой» [1, с. 104], по сути, защищала исключительность человеческого, отстаивая тезис о том, что машина, сколь угодно совершенная в обработке синтаксиса, лишена доступа к семантике и подлинному пониманию.

Однако динамичное развитие технологий, в особенности генеративных языковых моделей, привело к парадоксальному сдвигу. Ожидание создания «сильного» ИИ, полностью повторяющего человеческое сознание, сменилось осознанием того, что даже «слабый» ИИ способен радикально трансформировать наше повседневное взаимодействие с техникой. Философская мысль, как отмечают современные исследователи [8, с. 35; 9, с. 999], отчаянно пытается наверстать отставание, возникшее из-за ускорения технологического прогресса, смещая фокус с умозрительных споров о природе машинного разума к анализу реальных социальных, культурных и антропологических последствий его внедрения. Именно здесь, в зоне этого практического столкновения, и возникает центральный для данного исследования феномен: в восприятии пользователя ИИ перестает быть исключительно инструментом и все чаще выступает в роли коммуникативного агента – собеседника, помощника, соавтора.

Переход от инструментальной к коммуникативной парадигме имеет глубокие культурно-философские корни. Как показывает анализ, осмысление возможности диалога с искусственным разумом предвосхищало сам факт его технического создания. Если в трудах мыслителей Нового времени (Т. Гоббса, Г.В. Лейбница, Р. Декарта) [10, с. 125; 11, с. 413; 12, с. 252] доминировал интериоризационный ракурс (попытка найти сходство между человеческим и машинным мышлением), то в XX веке складывается фатический ракурс, сосредоточенный именно на характере отношений и коммуникации между человеком и машиной. Работы философов, нацеленные на анализ новых форм социального взаимодействия, языка и власти (например, Ж. Деррида, М. Фуко) [13, с. 413; 14, с. 305], сегодня получают неожиданное звучание в контексте чат-ботов и голосовых ассистентов. Особый интерес представляет современная дискуссия, разворачивающая метафору ИИ не как «зеркала» (отражения человека), а как «эхо-камеры» (М. Шепард, К. Санстейн) [15, с. 39; 16, с. 242], где алгоритм не столько отражает, сколько усиливает и искажает исходные интенции пользователя, возвращая ему его же собственные, но гипертрофированные смыслы. Этот подход позволяет избежать наивного антропоморфизма и сосредоточиться на анализе искажений в коммуникации.

Сегодня философское сообщество оказывается перед лицом новой исследовательской реальности, где классические вопросы переплетаются с острыми практическими дилеммами. С одной стороны, сохраняется традиционный онтологический и эпистемологический анализ: в чем принципиальное различие между человеческим и машинным «мышлением», и кто несет ответственность за решения, принятые автономными системами? С другой – на передний план выходят проблемы, рожденные самой практикой коммуникации с ИИ: вопросы авторства и оригинальности креативного продукта, этические границы воздействия на пользователя, опасность цифровой манипуляции и размывания приватности [3, с. 14; 4, с. 210]. Особую актуальность приобретает тема антропологического вызова [8, с. 39]. Вовлекаясь в общение с алгоритмом, человек вынужден заново определять конститутивные признаки собственной человечности. Если в оптимистическом ключе

взаимодействие с ИИ уподобляют «зеркалу», в котором общество разглядывает контуры своего будущего [9, с. 1001; 17, с. 143; 18, с. 372], то более трезвый анализ, развиваемый в дискуссии о «зеркале и эхо-камере» [15; 16], заставляет усомниться в прозрачности этого отражения.

Таким образом, обзор современной литературы позволяет зафиксировать важнейший поворот. Если раньше философия задавалась вопросом «Что есть ИИ?», пытаясь определить его место по отношению к человеку извне, то теперь ключевым становится вопрос «Что происходит с человеком, когда он признает в ИИ собеседника?». Эволюция ИИ из калькулятора в коммуникатора, происходящая в восприятии человека, вынуждает философию совершить аналогичное движение – от категоричного проведения границ к рефлексии над их текучестью и ситуативной природой.

Методология. Вызов, который технология ИИ бросает традиционным философским категориям, требует адекватного методологического ответа. Поскольку наша цель не оценить алгоритмическую архитектуру машинного обучения, а понять, как взаимодействие с ИИ меняет саму систему антропологических координат, центральным объектом анализа становится человеческий опыт. Следовательно, ядром методологического подхода данной работы является синтез феноменологического описания и герменевтической интерпретации. Это позволяет двигаться не от абстрактной теории к практике, а, напротив, от конкретного, живого опыта встречи человека с «цифровым собеседником» к философскому осмыслению его условий и последствий.

Исходной точкой исследования являлась не умозрительная конструкция «сильного ИИ», а феноменологически данная реальность: пользователь, задающий вопрос чат-боту, получает эмоционально окрашенный ответ от голосового помощника или совместно с нейросетью генерирует текст. Задача заключается в том, чтобы подвергнуть подобный, казалось бы, обыденный опыт пристальному философскому взгляду. Для этого применялся метод интенционального анализа, направленный на выявление структур восприятия и смыслообразования в акте коммуникации с ИИ. Что происходит в момент, когда безличный инструмент начинает восприниматься как источник осмысленной речи? Какие ожидания, проекции и культурные коды активирует в нас диалоговый интерфейс? Феноменология позволяет «заключить в скобки» вопросы о том, что ИИ «есть на самом деле», и сосредоточиться на том, как он является нам в опыте, как конституируется его образ в нашем сознании в качестве «собеседника» [5, с. 114; 9, с. 1005]. Это позволяет преодолеть логическую ошибку предиспозиции: мы не утверждаем изначально, что это «симулякр» или «подлинный диалог», мы исследуем, как и в какой момент сам человек начинает сомневаться в инструментальности партнера.

Однако простого описания опыта недостаточно. Чтобы расшифровать его глубокий культурный и антропологический смысл, необходимо погружение в герменевтический круг. Коммуникация с ИИ интерпретируется здесь как современный культурный текст, насыщенный символами и требующий истолкования. Мы подходим к диалогу с алгоритмом не как к прозрачному обмену информацией, а как к знаковому полю, в котором сталкиваются и переплетаются смыслы, уходящие корнями в историю философии, литературы и техники. Так, отсылка к концепции Другого (как она разрабатывалась у Э. Гуссерля, М. Бубера и, особенно, у Э. Левинаса [5, с. 103; 6, с. 311; 7, с. 402]) становится ключом для интерпретации возникающей этической напряженности: можем ли мы чувствовать ответственность перед тем, кто лишь симулирует присутствие? Анализ риторики и дискурсивных стратегий, используемых ИИ, проводится в диалоге с идеями М. Фуко и теорией речевых актов [14, с. 118], что позволяет вскрыть механизмы власти и убеждения, встроенные в, казалось бы, нейтральную техническую коммуникацию.

Для обеспечения репрезентативности анализа и выхода за пределы единичного субъективного переживания данная работа опирается на

принцип типологизации опыта. На материале публичных дискуссий, медиа-нарративов, художественных произведений и эмпирических данных социологических исследований выявлены и проанализированы повторяющиеся паттерны восприятия ИИ – от утилитарно-инструментального до партнерско-диалогического. Это позволяет не только зафиксировать спектр существующих позиций, но и построить их внутреннюю логику, показав, как каждая из них обусловлена определенным философским пониманием человека, сознания и коммуникации.

Таким образом, методологическая траектория исследования выстраивается по спирали: от живого феноменологического контакта – к его герменевтической расшифровке через призму классических и современных философских концепций – и обратно к переосмысленному опыту, теперь уже понятому как зона антропологического напряжения. Такой подход не претендует на окончательные онтологические вердикты о природе ИИ, но стремится прояснить тот драматичный процесс, в котором философия, отвечая на технологический вызов, вынуждена заново, в диалоге с машинным разумом, определять очертания человеческого.

Результаты. Проведенный анализ позволяет выявить не статичную картину смены одной парадигмы на другую, а динамичный, внутренне конфликтный процесс, в котором прежние философские границы не стираются, а вступают в напряженное взаимодействие с новым опытом. Результатом такого столкновения становится не новое определение человека, а сам процесс постоянного переопределения, запущенный феноменом ИИ-собеседника. Этот процесс можно представить как последовательность трех взаимосвязанных стадий, каждая из которых маркирует точку критического напряжения.

Первая стадия – распад инструментальной иллюзии. Классическая оппозиция «субъект–объект», в рамках которой техника мыслилась как пассивное орудие человеческой воли, дает системную трещину в момент возникновения диалога. Генеративные модели, способные на контекстно-зависимые, вариативные и стилистически окрашенные ответы, разрушают прямую причинно-следственную логику «запрос–результат». Пользователь сталкивается не с выводом данных, а с интерпретацией, не с вычислением, а с нарративом. Как показал наш феноменологический анализ [9, с. 1012], в этот момент происходит ключевой сдвиг: в интенциональном поле пользователя ИИ перестает быть прозрачным посредником и обретает черты непрозрачного источника речи. Эта непрозрачность, несводимая к простой технической сложности алгоритма, рождает вопрос о «позиции» говорящего. Таким образом, граница между инструментом и агентом стирается не потому, что ИИ обретает сознание, а потому, что его операциональная логика становится для человека неочевидной и начинает восприниматься им как логика коммуникативного партнера. Здесь уместна параллель с идеей Ж. Бодрийяра о симулякрах [19, с. 56]: ИИ-собеседник функционирует как симулякр коммуникации, не имеющий референта в виде человеческого сознания, но производящий все его внешние эффекты с такой убедительностью, что заставляет реконфигурировать само пространство взаимодействия.

Вторая стадия – кризис интерсубъективных критериев. Столкнувшись с этим феноменом, сознание инстинктивно пытается применить к нему устоявшиеся герменевтические и этические схемы работы с Другим. Однако данные схемы дают сбой, порождая парадоксальные гибридные формы. С одной стороны, в общении с ИИ актуализируется, к примеру, левинасовский «призыв Другого», этическое требование ответственности [7, с. 401]. Пользователи демонстрируют тенденцию к антропоморфизации, испытывают благодарность или раздражение, проецируют на алгоритм ожидание понимания. С другой – эта этическая реакция наталкивается на онтологическую «пустоту» собеседника, у которого нет лица, биографии, подлинного страдания. В результате возникает уникальный феномен, который мы предлагаем обозначить как «односторонняя интерсубъективность». Это конфигурация, при которой человек

выстраивает полноценные диалогические отношения, наделяя партнера субъектностью (пусть и гипотетической), в то время как «партнер» остается системой, оптимизирующей предсказание следующего токена. Здесь формируются новые типы субъектности – *перформативная субъектность* со стороны ИИ (он «ведет себя как субъект» в рамках сессии диалога) и *рефлексивная субъектность* со стороны человека, вынужденного заново обосновывать собственную исключительность. Сравнение с предыдущими исследованиями, сосредоточенными на страхе перед ИИ как угрозой [17, с. 139; 18, с. 368; 20, с. 7], показывает сдвиг: центральным вызовом становится не мощь чужого разума, а его фундаментальная инаковость, несводимая к человеческой субъективности и потому ставящая под вопрос саму применимость традиционной антропоцентричной философии диалога.

Третья, результирующая стадия – рефлексивное переопределение границ. Именно в точке кризиса и разворачивается подлинная философская работа, которую «заставляет» выполнять ИИ. Осознание асимметрии диалога приводит не к отказу от коммуникации, а к пересмотру ее оснований. Чтобы конкретизировать понятие «границы человеческого», требуется эксплицировать содержание этой категории. Классически человеческое определялось через триаду: сознание (интенциональность), эмоциональность (способность к переживанию) и телесность (укорененность в жизненном мире). В диалоге с ИИ все три признака дают сбой:

1. Сознание: ИИ демонстрирует интенциональность-кажимость, что вынуждает человека искать критерии «подлинной» интенциональности не в логике ответов, а в наличии биографии и конечности (смертности) собеседника.

2. Эмоциональность: ответы ИИ могут быть эмпатичными, но они не подкреплены телесным опытом страдания или радости. Это заставляет переопределить эмоциональность как функцию не только выражения, но и неразрывной связи с телесным низом (феномены «стыда», «страха» и т. п.).

3. Ответственность: ИИ не может нести моральную ответственность за сказанное, т. к. его речь – результат вероятностной выборки, а не поступка.

Следовательно, граница человеческого теперь проводится не по линии «наличие/отсутствие» этих признаков, а по линии *способа их бытия*. Подлинно человеческим оказывается не просто сознание, а сознание *конечное* и *уязвимое*; не просто эмоция, а эмоция, укорененная в *телесном опыте*; не просто речь, а речь как *ответственный поступок* (М.М. Бахтин) [21, с. 88]:

Граница человеческого больше не может быть проведена по формальному признаку наличия естественного сознания или способности к подлинному пониманию. Она смещается в область практик, отношений и ответственности. Человеческое начинает определяться не через противопоставление машинному как низшему, а через принятие уникальной роли учредителя смысла и носителя этического решения в гибридной системе «человек – ИИ». Автор приходит к выводу, что ИИ, выступая как катализатор, эксплицирует латентную суть самой философской антропологии: человек – это не данность с фиксированными границами, а проект, контуры которого обретают ясность лишь в столкновении с радикально иными формами бытия и коммуникации. Таким образом, новизна полученного результата заключается в отказе от поиска новой статичной дефиниции. Вместо этого предлагается модель, в которой граница человеческого понимается как перформативная, т. е. она постоянно производится и корректируется в самом акте взаимодействия с цифровым собеседником.

Заключение. Проведенное исследование было мотивировано очевидным и настойчивым парадоксом нашего времени: технология, задуманная как совершенный инструмент, в восприятии пользователя все чаще предстает как собеседник, что ставит под вопрос вековые философские дихотомии. В работе был последовательно реализован анализ трансформации границ человеческого, что позволяет утверждать: объектом неизменно оставался человек и его опыт, предметом – изменение концепту-

альных рамок этого опыта. Результаты демонстрируют, что мы являемся свидетелями не простой эволюции технологий, а глубинного антропологического сдвига, который можно охарактеризовать как переход от статической к динамической, или перформативной, модели границы.

ИИ в своей ипостаси генеративного собеседника, не предлагает нового определения человека, но запускает непрерывный процесс его переопределения. Как показал анализ, этот процесс разворачивается через три стадии напряжения: распад инструментальной иллюзии, когда ИИ обретает черты непрозрачного источника речи; кризис интерсубъективных критериев, порождающий феномен «односторонней интерсубъективности»; и, наконец, рефлексивное смещение самих оснований для проведения границ. Важнейшим выводом является то, что граница человеческого сегодня проводится не до взаимодействия с ИИ на основе неких априорных метафизических свойств, а в процессе этого взаимодействия, в актах интерпретации, ответственности и приписывания смысла. Подлинно человеческое раскрывается через готовность к ответственному поступку в ситуации, где Другой (ИИ) такого требования предъявить не может.

Практическая значимость этого выхода за рамки чисто теоретической дискуссии очевидна. Понимание коммуникации с ИИ как зоны перформативного производства антропологических границ дает ключ к осмыслению насущных проблем: от этики дизайна интерфейсов, которые должны избегать манипулятивной мимикрии под человечность, до формирования правовых норм, регулирующих гибридное авторство и ответственность [3, с. 181; 4, с. 85].

Особо следует подчеркнуть значимость этих выводов для российского контекста. Во-первых, разработка национальных стандартов этики ИИ (например, в рамках дорожной карты развития «сильного» ИИ в Российской Федерации) должна учитывать не только глобальные тренды, но и специфику российского культурного кода, где понятия «правда», «совесть» и «соборность» (как особая форма коллективной субъектности) могут стать основой для формирования альтернативных, культурно-ориентированных моделей взаимодействия с ИИ, обогащающих общемировую повестку. Во-вторых, для российского общества с его традиционно высокой ценностью межличностной коммуникации феномен «односторонней интерсубъективности» несет как риски атомизации, так и потенциал для развития новых форм социальной связи, опосредованных ИИ. Образовательные программы в области гуманитарных наук в России должны включить в себя критическую рефлексию о новых формах субъектности, чтобы подготовить специалистов, способных не просто использовать ИИ, но и осмыслить границы его применения.

Прогнозируя развитие рассмотренных вопросов, можно утверждать, что философия стоит на пороге становления нового исследовательского направления – перформативной антропологии техники. Ее задачей станет не классификация сущностей, а картографирование динамических конфигураций человеческого и машинного агентства в конкретных практиках. Дальнейшие исследования будут неизбежно двигаться в сторону более детального анализа различных модальностей взаимодействия (от кооперации до конфликта), изучения долгосрочных эффектов «односторонней интерсубъективности» на психику и культуру [15, с. 141], а также философского осмысления следующего технологического рубежа – возможно, воплощенного ИИ, который добавит к диалогу измерение телесного соприсутствия. Суть не в том, чтобы признать в ИИ равного, а в том, чтобы понять, как сам этот мучительный и плодотворный вопрос заставляет нас, людей, заново, в диалоге с собственным творением, открывать бездны и возможности собственной природы. Философия, таким образом, обретает новую жизненную задачу: быть не стражем вечных границ, но гидом в мире, где эти границы текучи, а человеческое – не данность, а смелый и ответственный проект, ежедневно осуществляемый в разговоре с цифровым зеркалом.

Список литературы

1. *Searle J.* Minds, Brains, and Science. The 1984 Reith Lectures. Cambridge, Massachusetts, 1984. 107 p.
2. *Тьюринг А.* Вычислительные машины и разум / пер. с англ. М., 2018. 128 с.
3. *Dignum V.* Responsible Artificial Intelligence: How to Develop and Use AI in a Responsible Way. Cham, 2019. 185 p.
4. *Floridi L.* The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities. Oxford, 2023. 243 p.
5. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Скляднева; вступ. ст. Я.А. Слинина. СПб., 1998. 315 с.
6. *Бубер М.* Два образа веры: сб. / пер. с нем.; вступ. ст. Г.С. Померанца. М., 1995. 462 с.
7. *Левинас Э.* Избранное: Тотальность и бесконечное / пер. И.С. Вдовиной, Б.В. Дубина. М.; СПб., 2000. 415 с.
8. *Каплан А.Я.* Интерфейсы мозг-искусственный интеллект: основания и перспективы // Интеллект. системы. Теория и приложения. 2021. Т. 25, № 4. С. 36–45.
9. *Елхова О.И.* Метрики феноменологического виртуального опыта // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. 2024. Т. 28, № 4. С. 997–1013.
10. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. А. Гутермана. М., 2021. 800 с.
11. *Лейбниц Г.В.* Монадология // Сочинения: [в 4 т.]. Т. 1. М., 1982. С. 413–429.
12. *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения: [в 2 т.]. Т. 1. М., 1989. С. 250–296.
13. *Деррида Ж.* О грамматологии. М., 2000. 512 с.
14. *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. 405 с.
15. *Sunstein C.R.* #Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton, 2017. 310 p.
16. *Shepard M.* Sentient City: Ubiquitous Computing, Architecture, and the Future of Urban Space. N. Y., 2011. 229 p.
17. *Цветкова О.В.* Психопатология и искусственный интеллект: пространство бессубъектности? // Филос. антропология. 2023. Т. 9, № 2. С. 137–145.
18. *Черниговская Т.В., Деглин В.Л.* Искусственный интеллект и нейронауки: в поисках новой парадигмы сознания // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38, № 3. С. 363–377.
19. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. М., 2015. 238 с.
20. *Лекторский В.А., Васильев С.Н., Макаров В.Л. и др.* Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. акад. РАН В.А. Лекторского. СПб., 2022. 326 с.
21. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 80–161.

References

1. Searle J. *Minds, Brains, and Science. The 1984 Reith Lectures*. Cambridge, Mass., 1984. 107 p.
2. Turing A. *Computing Machinery and Intelligence.* Moscow, 2018. 128 p. (in Russ.).
3. Dignum V. *Responsible Artificial Intelligence: How to Develop and Use AI in a Responsible Way*. Cham, 2019. 185 p.
4. Floridi L. *The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities.* Oxford, 2023. 243 p.
5. Husserl E. *Cartesian Meditations*. St. Petersburg, 1998. 315 p. (in Russ.).
6. Buber M. *Two Types of Faith*. Moscow, 1995. 462 p. (in Russ.).
7. Levinas E. *Selected Works: Totality and Infinity.* Moscow, St. Petersburg, 2000. 415 p. (in Russ.).
8. Kaplan A.Ya. Brain-Artificial Intelligence Interfaces: Foundations and Perspectives. *Intellektual'nye systemy. Teoriya i prilozheniya*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 36–45 (in Russ.).
9. Elkhova O.I. Metrics of Phenomenological Virtual Experience. *RUDN Journal of Philosophy*, 2024, vol. 28, no. 4, pp. 997–1013 (in Russ.).
10. Hobbes T. *Leviathan, or The Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil.* Moscow, 2021. 800 p. (in Russ.).
11. Leibniz G.W. *Monadology. Works*: In 4 vols. Moscow, 1982, vol. 1, pp. 413–429 (in Russ.).

12. Descartes R. *Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences*. *Works*: In 2 vols. Moscow, 1989, vol. 1, pp. 250–296 (in Russ.).
13. Derrida J. *On Grammatology.* Moscow, 2000. 512 p. (in Russ.).
14. Foucault M. *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences.* St. Petersburg, 1994. 405 p. (in Russ.).
15. Sunstein C.R. *#Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media.* Princeton, 2017. 310 p.
16. Shepard M. *Sentient City: Ubiquitous Computing, Architecture, and the Future of Urban Space*. N. Y., 2011. 229 p.
17. Tsvetkova O.V. Psychopathology and Artificial Intelligence: A Space of Subjectlessness? *Filosofskaya antropologiya*, 2023, vol. 9, no. 2, pp. 137–145 (in Russ.).
18. Chernigovskaya T.V., Deglin V.L. Artificial Intelligence and Neuroscience: In Search of a New Paradigm of Consciousness. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 2022, vol. 38, no. 3, pp. 363–377 (in Russ.).
19. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*. Moscow, 2015. 238 p. (in Russ.).
20. Lektorskiy V.A., Vasil'ev S.N., Makarov V.L. et al. *Human and Artificial Intelligence Systems*. St. Petersburg, 2022. 326 p. (in Russ.).
21. Bakhtin M.M. Toward a Philosophy of the Act. *Philosophy and Sociology of Science and Technology: Yearbook. 1984–1985*. Moscow, 1986, pp. 80–161 (in Russ.).

Информация об авторе
Т.Ю. Кротенко *– кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории и организации управления Государственного университета управления; заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Академии управления и производства.*

Information about the author
Tatyana Yu. Krotenko*, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Theory and Organisation of Management, State University of Management; Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Academy of Management and Production.*

Поступила в редакцию 11.02.2026
Одобрена после рецензирования 27.04.2026
Принята к публикации 30.04.2026

Submitted 11 February 2026
Approved after reviewing 27 April 2026
Accepted for publication 30 April 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 116–126.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 116–126.

Научная статья
УДК 304.2(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V533

Взаимосвязь социального мифа и бренда в современном социокультурном контексте

Анастасия Дмитриевна Коновалова
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
konnastya1999@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-5486-1956

Аннотация. В работе осуществлен анализ взаимодействия мифа и бренда как компонентов коммуникативной сферы современного общества. В процессе выстраивания коммуникации с аудиторией бренды зачастую опираются на мифические образы, создавая иллюзорную реальность, воплощенную в доступных к непосредственному восприятию объектах. Приобретение товара превращается в ритуал, позволяющий потребителю демонстрировать принадлежность к социальной группе и транслировать вовне собственные ценностные ориентиры и стремления. В исследовании раскрываются следующие контуры взаимодействия: ретрансляция брендом социального мифа; реализация бренда в качестве практического инструмента распространения социального мифа; использование бренда как призмы или надстройки на базе социального мифа. В первом случае происходит процесс воспроизведения и передачи существующих установок посредством бренда как инструмента практической реализации, прагматической актуализации элементов социального мифа в повседневности. Во втором случае бренд находится в активной (инструментальной) позиции, т. к. осознанно используется для внедрения в социум и продвижения в нем определенной объяснительной модели. В третьем случае бренд не конструирует социальный миф изначально и не ретранслирует его, а предлагает выгодную для себя с точки зрения коммерческой цели интерпретацию уже существующего социального мифа. Для каждого из рассматриваемых форматов характерна разная степень вовлеченности бренда в работу с социальным мифом, что включает в себя спектр вариантов: от пассивного сопровождения социального мифа до активного видоизменения и конструирования социальной реальности. Рассматриваемые форматы взаимодействия социального мифа и бренда взаимосвязаны и создают объемную картину анализируемого явления. Научная новизна работы заключается в совмещении в фокусе исследования предметных полей социально-философской и коммуникационной отраслей знания.
Ключевые слова: *брендинг, массовая культура, повседневная культура, теория коммуникации, социальный миф, мифодизайн*

Для цитирования: Коновалова А.Д. Взаимосвязь социального мифа и бренда в современном социокультурном контексте // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 116–126. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V533

© Коновалова А.Д., 2026

Original article

Social Myth and Brand: Communicative Intersections in Contemporary Sociocultural Context

Anastasiya D. Konovalova
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
konnastya1999@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-5486-1956

Abstract. This article examines the interplay between myth and brand as constituent elements of the communicative landscape in contemporary society. As brands construct audience engagement, they frequently draw on mythological imagery. This produces an illusory reality embedded in tangible, perceptually immediate objects. The act of purchase is thereby transformed into a ritual through which consumers signal group belonging and project their values and aspirations outward. The study identifies three structural configurations of brand–myth interaction: retranslation of a social myth through brand; implementation of brand as a practical instrument of dissemination of a social myth; use of brand as a prism or a superstructure built on a social myth. In the first, an existing social myth is relayed through the brand as an instrument of pragmatic actualisation – bringing mythological elements into everyday practice. In the second, the brand assumes an active, instrumental role as a vehicle for deliberate social dissemination of a particular interpretive framework. In the third, rather than constructing or relaying the social myth, the brand advances a commercially motivated interpretation of an already-circulating myth. Each configuration implies a distinct degree of brand involvement, spanning a continuum from passive accompaniment of social myth to its active transformation and the discursive construction of social reality. Taken together, these configurations form an integrated and multidimensional account of the phenomenon under study. The contribution of this work lies in its cross-disciplinary synthesis, bringing the conceptual frameworks of social philosophy and communication studies into a unified analytical focus.
Keywords: *branding, mass culture, everyday culture, communication theory, social myth, mythodesign*

For citation: Konovalova A.D. Social Myth and Brand: Communicative Intersections in Contemporary Sociocultural Context. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 116–126. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V533

Введение. Социальный миф является одним из базовых когнитивных феноменов, выступающих фундаментом социетальности и имплицитно влияющих как на коллективные модели поведения, которые находят выражение в культурном каркасе общества, так и на индивидуальные поведенческие паттерны, формирующие социальную повседневность. Благодаря свойству интерсубъективности он, отражаясь в индивидуальном сознании, формирует онтологический и аксиологический контуры, дающие человеку возможность почувствовать опору в осмыслении внешнего мира и интериоризации существующей системы ценностей, а также выразить принадлежность к социальной общности через конкретные действия, обладающие манифестным смыслом, в т. ч. через демонстрацию лояльности существующим брендам. Таким образом, бренд, выступая манифестной формой и «точкой схождения» множества культурных контекстов, смыкается с социальным мифом, являющимся базовой, латентной фор-

мой культуры и не имеющим конкретного, доступного на перцептивном уровне выражения. В современных условиях, в ситуации перехода к цифровому обществу и формирования единой информационной реальности, представляющей собой новую форму бытия и отражения социокультурных традиций, а также доминирования в работе с подобными объектами ультрапрагматического подхода, что, в частности, нашло выражение в концептуализации в 90-х годах XX века проектного метода мифодизайна, актуальным представляется проведение философско-культурологического анализа взаимосвязи и взаимовлияния социального мифа и бренда.

В настоящее время наблюдаются активный рост и развитие отечественных брендов. На пленарной сессии Петербургского международного экономического форума в 2025 году президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин отметил, что «в России уже больше миллиона товарных знаков. Только за прошлый год наши предприниматели зарегистрировали почти 77 тыс. брендов. <…> Это на 12 % больше, чем годом ранее. Хороший рост, заметный. И мы будем поддерживать новые российские бренды»[1]. Конкурентная среда влияет на необходимость формировать и удерживать интерес аудитории к производимым товарам и оказываемым услугам. Внимание целевой аудитории к бренду, лояльность потребителя – это ценность, цель, для реализации которой создаются и трансформируются форматы и способы коммуникации. Статистика системы мониторинга средств массовой информации (СМИ) и социальных медиа «СКАН-Интерфакс» демонстрирует, что количество упоминаний российских брендов в СМИ выросло более чем на 35 тыс. относительно 2018 года. Такая динамика роста упоминаний позволяет сделать вывод, что увеличение медиаприсутствия демонстрирует значимое изменение роли брендов в экономической и социокультурной среде[2].

Быстро развивающаяся толерантность аудитории к рекламным материалам мотивирует коммерческие организации создавать и реализовывать новые, комплексные формы взаимодействия брендов с потенциальным потребителем, расширять и создавать брендовые экосистемы с целью максимального эмоционального вовлечения потребителя в атмосферу бренда, потенциального приближения к реализации сконструированного мифа о стиле жизни, презентованного в качестве возможной реальности. Именно такой формат взаимодействия с аудиторией, основанный на эксплуатации мифических образов, в настоящее время становится наиболее эффективным в рамках поставленных перед брендом задач, а потому теоретическое осмысление этого формата крайне актуально.

Таким образом, цель настоящей работы – установить наличие и определить характер взаимодействия социального мифа и бренда на метауровне. Объектом исследования выступают контуры взаимодействия данных феноменов в рамках единого социокультурного пространства.

Научная значимость статьи заключается в фокусном анализе социальных мифов (устойчивых глубинных конструкций, лежащих в основании повседневных паттернов социального поведения), который может быть использован в широком спектре прикладных исследований, в частности при изучении современной работы бренда и систем брендов.

Научная новизна данной работы заключается в том, что она выполнена на стыке социально-философской проблематики, предполагающей углубленное изучение базовых интерпретативных моделей социальных про-

---

[1]Путин: РФ будет поддерживать новые российские бренды // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/24300449 (дата обращения: 23.03.2026).

[2]Российские бренды стали обсуждать в СМИ в три раза чаще // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/russia/1073911 (дата обращения: 23.03.2026).

цессов и явлений, и непосредственной сферы прикладного применения знаний о процессах коммуникации в обществе.

Обзор литературы и уточнение рамок понятийного кластера исследования. Социальный миф изучается представителями нескольких областей. В рамках настоящего исследования, с учетом изначальной ориентации на метауровень при работе с существующим спектром репрезентаций феноменов социального мифа и бренда в научной литературе, упор сделан на работы философов и культурологов, совокупность которых создает максимально стереоскопичный эффект, позволяющий достичь заявленной ранее цели.

Прежде всего, важно обратиться к позиции современного специалиста в области мифологии, славянского язычества и культурологии А.А. Бескова, в которой резюмируются дискретность современного дискурсивного контекста, связанного с тематикой мифа в целом и социального мифа в частности. В опубликованной в 2015 году статье с «говорящим» названием «Мифология мифологии» А.А. Бесков отмечает, что рост научного интереса к проблематике мифа парадоксальным образом сопровождается стагнацией дисциплины. Исследователи мифологии не могут четко обозначить свое предметное поле и определить, что следует изучать: архаичные мировоззрения, «современные мифологии» (по Р. Барту), политические «псевдомифы» (по К. Хюбнеру), мифологизацию брендов или иные феномены [1, с. 118]. Это подчеркивает существующую необходимость систематизации имеющегося теоретического материала о социальной мифологии для построения целостного понимания и развития исследования мифа.

В рамках классического подхода к изучению мифа и его функций Р. Барт отмечал, что «миф – это коммуникативная система, сообщение, следовательно, миф не может быть вещью, конвентом или идеей, он представляет собой один из способов означивания, миф – это форма… Для определения мифа важен не сам предмет сообщения, а то, как о нем сообщается; можно установить формальные границы мифа, субстанциональных же границ он не имеет» [2, с. 72]. В этом определении очевидный акцент сделан на таком свойстве мифа, как интерсубъективность; в сущностном плане миф соотнесен с феноменом коммуникации в целом, и коммуникативная природа мифа превалирует над его содержательной стороной, миф создает и пронизывает социальную ткань, и изъять его из нее, ограничить на субстанциональном уровне невозможно. Таким образом, подчеркивается латентный и всепроникающий характер мифа как социокультурного феномена.

Схожие идеи выражает М. Маклюэн в тезисе о том, что «миф есть мгновенное целостное видение сложного процесса, который обычно растягивается на большой промежуток времени. Миф представляет собой сжатие, или имплозивное свертывание всякого процесса, и сегодня мгновенная скорость электричества сообщает мифическое измерение даже самому простому промышленному и социальному действию. Мы живем мифически, но продолжаем мыслить фрагментарно и однобоко» [3, с. 40]. В данном утверждении подчеркиваются принципиально иные, кратно увеличенные возможности социального резонанса мифологических интенций в ситуации максимальной информационной транспарентности современного общества, обусловленной его технологическим развитием, в частности влиянием медиасферы.

Отечественный специалист в области философии, методологии науки и теории образования И.Ф. Понизовкина, рассматривая ключевые особенности вклада Р. Барта в развитие философии и методологии изучения современного мифа отмечает, что «чувственно-наглядные, эмоционально-насыщенные образы убеждают коллективного субъекта быстрее, чем логические доводы. Особенно, если они подкреплены экспрессивными визуальными образами, наполняющими современное медиапространство и играющими особую роль в формировании социальных мифов» [4, с. 196]. Данная мысль подкрепляет тезис о том, что работа с мифическими конструкциями является край-

не актуальной для брендов в настоящее время, т. к. оказывает комплексное эмоциональное воздействие на потенциального потребителя и вовлекает его в атмосферу бренда.

В контексте настоящего исследования также представляется важной позиция П.С. Гуревича, согласно которой «миф рассматривается не как литературный жанр, а как своеобразная форма сознания, принципиально отличающаяся от научного осмысления действительности. Особенность этого типа сознания состоит в относительно целостном, но иллюзорном, фиктивном, галлюцинаторном восприятии окружающей жизни» [5, с. 6]. Данный тезис представляется особенно значимым, поскольку позволяет объяснить связь между (социальным) мифом и брендом. Миф (мифы) как основа мировоззрения индивида, по сути, формирует фрейм картины социального мира, при определенном ракурсе восприятия выступающей не более чем иллюзией, т. к. основания ее не имеют ни перцептивного контура, ни материальных коррелятов, однако иллюзией, воспроизводящейся в коллективных паттернах поведения. Бренд, в свою очередь, взаимодействуя с этой картиной, до известной степени позволяет такую иллюзию материализовать, поскольку буквально «связывает» ее с перцептивными, воспринимаемыми образами и материальными объектами.

Одна из наиболее авторитетных отечественных исследователей проблематики мифа Д.П. Козолупенко в статье «Миф как антропологическая необходимость» фиксирует в зависимости от преобладания в культурной матрице конкретного общества архаической (мифопоэтической) либо аналитической модели существование трех основных форм бытия, а именно:

1) *«первобытный миф»*, который присутствует при превалирующем мифопоэтическом типе восприятия и его отражении в культуре;

2) *«инобытие мифа»* в художественной литературе и искусстве;

3) *«мерцание мифа»* (квази-миф), т. е. спорадическое проявление глубинных мифологических структур в массовом сознании при доминировании аналитического типа мировосприятия, в частности в том круге феноменов, которые исследователь обозначает как политические и современные социальных мифы, а также различные проявления «архетипического» [6, с. 36].

Позиция Д.П. Козолупенко очень важна в концептуальном плане, поскольку напрямую подводит нас к ключевому понятию данной работы – собственно социальному мифу. С этой точки зрения, предлагаем следующее понимание собственно социального мифа, по сути своей отличного от мифа классического, которым, например, является миф как литературное произведение или сакральный миф.

Социальный миф – совокупность вне-/квазирациональных рациональных представлений и объяснительных моделей, источником и объектом которой является социальная реальность – в отличие от тех версий мифа, которые изначально направлены на объяснение иных онтологических контуров (мифов творения, эсхатологических мифов и т. п.). Таким образом, социальная реальность выступает одновременно и источником, и средой для существования, и объектом воздействия со стороны социального мифа, что, однако, способствует привнесению внерациональных элементов в повседневные социальные практики.

С учетом всего многообразия литературы, посвященной феномену бренда и брендингу, считаем возможным сосредоточиться на нескольких работах, в наибольшей мере соответствующих задачам исследования. Классическая интерпретация самого понятия бренда предложена специалистом в сфере маркетинга Ф. Котлером в работе «Маркетинг от А до Я: 80 концепций, которые должен знать каждый менеджер»: «Бренд – это любая этикетка, наделенная смыслом и вызывающая ассоциации» [7, с. 21]. В данном определении отражается высокое значение содержательного наполнения ассоциативного образа, что демонстрирует необходимость углубленного изучения смыслового аспекта сферы брендинга. Одновременно это определение позволяет акцентировать связь между мифом и брендом по схеме «латентное / манифестное» либо «фигура /

фон» (последняя широко используется в когнитивной психологии). Ф. Котлер делает акцент на манифестной природе бренда, он становится фигурой, а фоном – латентным содержанием – является миф, который только будучи «заземленным» в конкретных образах выходит из состояния «коммуникативной суперпозиции», обозначенной Р. Бартом.

Продолжая эту логику – выявляя соотношение и взаимовлияние тематически связанных концептуальных оппозиций, в частности имеющих место в контексте конструирования и функционирования коммуникативной сферы общества, обращаемся к работе философа и теоретика культуры Бен-Чхоль Хана «Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинг». В ней исследователь осуществляет анализ социальной среды с точки зрения трансформации нарративов в сторителлинги, связанной с изменениями в культуре внимания и медиасреде. Если для нарратива характерна целостная сюжетная структура, предполагающая вдумчивое погружение широкой аудитории, то сторителлинг ориентирован конкретно на целевую аудиторию и является фрагментарной, нелинейной смысловой конструкцией, вызывающей быстрый эмоциональный отклик. Представляя самостоятельный художественный объект, нарратив содержит в себе смыслы, заложенные автором для длительного взаимодействия и рефлексии аудиторией. Сторителлинг, напротив, выступает функциональным инструментом в коммуникационной среде, побуждая аудиторию к определенному действию и позволяя ей участвовать в конструировании и трансформации сюжета. В рамках предложенной модели трансформации социальной коммуникации элементы глубинных мифологических композиций «оживают» в контексте превалирования практик сторителлинга, в т. ч. в рамках развития брендов. Долгосрочный социокультурный эффект подобных практик, в свою очередь, представляет собой предмет отдельного рассмотрения [8].

Еще одним аспектом заявленной темы выступает ее субъектная акцентность, т. е. степень и характер вовлеченности конкретных акторов в жизненный цикл брендов и социальное мифотворчество. Американский предприниматель и экономист Сет Годин в работе «Tribes: We Need You to Lead Us» отмечает, что группу людей можно назвать племенем, если ее члены связаны между собой, признают авторитет лидера и разделяют общую концепцию или мировоззрение [9, с. 9]. Очарование лидеров и их концепций сочетается с глубинной потребностью человека быть частью сообщества и восхищением перед перспективами обновления [9, с. 10]. Существующие в настоящее время лидеры общественного мнения имеют высокую степень ответственности перед аудиторией, которой посредством контента они транслируют морально-нравственные ценности. Сообщество, возникающее вокруг некоторого лидера общественного мнения, объединяется на фоне транслируемых им идей, в т. ч. связанных с быстрыми способами достижения определенного (высокого) уровня жизни. Совокупность данных идей, транслируемых разными лидерами общественного мнения, влияет на формирование модели мировосприятия, которую можно трактовать в качестве социального мифа.

В целом, резюмируя итоги данной части исследования, можно зафиксировать ключевые свойства социального мифа как сочетающей в себе рациональные и иные элементы регулятивной структуры, набора убеждений, взаимодополняющих друг друга, создающих объяснительную модель социальных процессов.

Результаты и обсуждение. В современном мире базовые социальные установки соединяются с актуальными смыслами и являются отражением содержательной части социального мифа. Он имеет большое значение для общества, что демонстрирует спектр основных функций мифа:

1) *социальная функция* подразумевает, что миф выступает определенным способом бытия индивида в социальном мире, переживаемой и воспринимаемой социальным субъектом реальностью, а также способом, позволяющим регулировать социальное бытие;

2) *воспитательная функция* выражена в том, что социальный миф дает возможность осуществлять межпоколенческую передачу индивидуального и коллективного жизненного опыта;

3) *креативно-эстетическая функция* заключается в том, что в социальном мифе находит отражение творческая фантазия субъекта, миф является составным элементом человеческой деятельности, включающим эстетические критерии и ориентиры, более того, формирует эстетическую «сетку координат» и представляет собой вид творческого процесса;

4) *компенсаторная функция* предполагает создание чувства психологической защищенности в условиях неопределенности внешнего мира;

5) *идеологическая функция* отражает способность социального мифа становиться фундаментом или составной частью идеологии [10, с. 85].

При взаимодействии с социальным мифом бренд способствует непосредственному, «фокусному» выражению перечисленных функций. Он может реализовывать воспитательную функцию посредством трансляции поведенческих моделей; креативно-эстетическую через иллюстративную визуализацию желаемого образа жизни; компенсаторную посредством формирования ощущения стабильности от устойчивой связи между выбираемым товаром или услугой и гарантированным известным результатом использования или применения; идеологическую через формирование лояльности, основанной на общих убеждениях. В результате бренд выступает своеобразным проводником устойчивых социальных смыслов.

Анализируя онтогенетический аспект социального мифа, необходимо обратить внимание на то, что тот может быть выражен как в стихийном формировании мифа, так и в целенаправленном его конструировании. Для стихийного мифотворчества характерно отсутствие субъекта, по воле которого осуществляется конструирование социального мифа. Независимо от воли человека мифы существуют и отражают социальные потребности, что влияет на воспринимаемую социумом степень их важности. В рамках целенаправленного конструирования мифа процесс мифотворчества подразумевает наличие субъекта, выступающего инициатором создания мифологизированных конструкций. Данный вид мифотворчества в качестве цели определяет воздействие на социум, оказываемое за счет трансляции мифологизированных конструкций через СМИ [11, с. 3].

А.Г. Иванов отмечает, что существуют позиции трех акторов: *живущий мифом*, *творец мифа* и *актор мифа*. Их объединяет представление мифа «ценностно нагруженным феноменом, обладающим огромным потенциалом и особой значимостью, облекающимся в разные формы – от развернутого нарратива до отдельного жеста» [12, с. 373]. Казуально-телеологические аспекты социального мифа выражены в человеческой потребности в опорном описании реальности как попытке определения причинно-следственных связей наблюдаемых явлений. Здесь важно отметить субъективный фактор мифотворчества, т. к. на устанавливаемые причинно-следственные связи будут оказывать влияние как социальные факторы, так и уровень знаний, доступных конкретному человеку и применяемых им. Основополагающими факторами конструирования социального мифа являются социальные, экономические и политические аспекты общественной жизни, а также уровень информированности общества и степень его лояльности к восприятию такового [10, с. 83–84].

Социальная мифология в широком смысле является «аксиологически нагруженным феноменом, образующим систему мифов о процессах общественного развития и обществе в целом, оказывающим существенное влияние на общественное сознание и приводящим к активизации деятельности отдельных социальных групп, всего социума» и имеет двухуровневую структуру, состоящую из «архаического» и «инструментального» уровней. Первый включает в себя общественно сформированные и устоявшиеся ритуалы, мифологемы и архетипы. Ко второму относятся субъективно сформированные мифические концепты [13, с. 2].

Исходя из сказанного выше, необходимо подчеркнуть, что социальный миф является опорной объяснительной моделью, которая спо-

собствует осмыслению окружающего мира и определению принадлежности индивида к той или иной социальной общности. В настоящее время наблюдается трансформация мифологических конструкций за счет диджитализации коммуникационной среды, что позволяет социальным мифам обретать новые формы и каналы распространения. Особую роль в данном случае занимают бренды, которые обращаются к устойчивым коллективным представлениям и выступают инструментом материализации социального мифа посредством превращения абстрактных идей и ценностей в конкретные формы.

Зачастую бренд путают с исключительно визуальной айдентикой, в которую входят логотип, определенные корпоративные цвета, узнаваемые графические элементы и т. п. Но по своей сути бренд выступает совокупностью ассоциаций, которые возникают при его упоминании в коммуникационном пространстве. Ценности, транслируемые им, – это элемент социального мифа, потому что социальный миф, являясь объяснительной моделью внешнего мира для человека, включает в себя и ценности, и определенные поведенческие модели, и нравственно-моральные принципы, и систему причинно-следственных связей.

Основываясь на осуществленном анализе, можно выделить следующие варианты взаимодействия социального мифа и бренда:

1) бренд как ретранслятор социального мифа – через «соприкосновение» с брендами реализуется подкрепление валидности системы мировосприятия человека;

2) бренд как непосредственный инструмент распространения социального мифа (в случае рассмотрения социального мифа в качестве искусственного конструкта система брендов может осознанно выступать инструментом его распространения);

3) бренд как призма или надстройка, апелляция к мифологическому контексту, сюжетным (архетипическим) универсалиям для снижения барьера критичности восприятия аудитории.

Анализируя первый гипотетический формат взаимодействия социального мифа и бренда, отметим, что бренд занимает здесь пассивную («ведомую») роль. Встраиваясь в отражение реальности, он подкрепляет уверенность индивида в существующей картине мира путем непосредственного взаимодействия. В данном случае бренд выступает одним из инструментов осмысления окружающей действительности и поиска своего места в существующей социальной системе. Пассивность бренда заключается в том, что потребитель при взаимодействии с брендом не формирует новое мировосприятие, а подтверждает уже имеющиеся морально-ценностные ориентиры. В таком случае ритуал приобретения товара или услуги воплощает в себе символическое действие, дающее человеку осознание верности выбранного вектора движения, который соответствует господствующим в данной социальной общности ценностям. Таким образом, бренд, выступающий в качестве ретранслятора социального мифа, не меняет и не конструирует его, а становится способом усиления его присутствия в социальном пространстве, преобразовывая абстрактные коллективные представления в осязаемые и доступные для субъективного восприятия.

Бренд как практический инструмент распространения социального мифа – это когнитивно-коммуникативный формат, осознанно используемый для внедрения в социум конкретной объяснительной модели. Являясь практическим инструментом, бренд занимает активную позицию, т. к. через него и за счет него осознанно распространяются продуцированные смысловые конструкты. Будучи максимально близким к индивиду, подразумевая возможность непосредственного контакта с ним, бренд может видоизменять существующую картину реальности в восприятии человека, особенно, если это осуществляется комплексно – системой брендов. Демонстрируемые в рекламных материалах визуальные сюжеты, поведенческие модели и ценностные нормы, приближение продуцированных смыслов к аудитории посредством рекламных интеграций в контент лидеров общественного мнения – все это постепенно способствует изменению существующей картины

мира. Данный процесс происходит крайне незаметно, т. к. сопряжен с высоким эмоциональным вовлечением аудитории на каждом этапе, начиная от контактов с рекламными материалами и транслируемым образом жизни и заканчивая актом приобретения и включения в свой жизненный мир товара или услуги.

В третьем варианте социальный миф, выступая основой, получает фокусную призму восприятия, задаваемую брендом, в некотором смысле «путь» из чисто когнитивного в объективированное пространство. Являясь смысловой надстройкой, бренд формирует выгодную в коммерческом смысле призму восприятия существующего социального мифа, апеллируя к узнаваемым содержательным конструктам (смысловым универсалиям). Таким образом бренд не воспринимается аудиторией чуждым, чем-то абсолютно новым (и настораживающим). Это способствует ослаблению барьера критического восприятия аудиторией.

Все три рассмотренных случая взаимодействия демонстрируют ключевую роль бренда в современной культуре, выраженную в том, что он выступает не просто как рыночный инструмент, а как значимый элемент социальной коммуникации, способный формировать, транслировать и трансформировать коллективные представления. Конечно, упомянутые форматы взаимодействия социального мифа и бренда не являются исчерпывающими. Данная работа открывает широкие возможности для дальнейших, более углубленных исследований, в т. ч. с опорой на практические наблюдения, контент-анализ рекламных кампаний, изучение потребительского поведения и анализ конкретных кейсов в разных сферах брендинга.

Заключение. Проведенное исследование позволило установить взаимосвязь между социальным мифом и брендом и определить ее характер. В современном мире бренд выступает важным элементом коммуникативного пространства. Он становится проводником устойчивых смысловых конструктов, прагматично материализуя абстрактные идеи и ценности в конкретных, доступных непосредственному восприятию формах. Контактируя с брендом, потребитель не просто приобретает товар или услугу, а осуществляет символическое действие и включается в коммуникационное пространство, в котором становится возможной реализация его стремления к самовыражению и демонстрация принадлежности к определенной социальной общности, а также движение к желаемому образу жизни.

Социальный миф, выступая опорной объяснительной моделью, помогает человеку найти свое место в социальной реальности и осмыслить ее, а бренд служит практическим механизмом актуализации этого мифа в повседневности. В процессе коммуникации с аудиторией бренды опираются на устойчивые коллективные представления, архетипы и фундаментальные содержательные контексты, преобразуя товары и услуги в символические инструменты. Приобретение продукции бренда превращается в ритуал, который позволяет потребителю подтвердить правильность выбранной поведенческой стратегии за счет резонанса с доминирующими в его социальной среде ценностными императивами. Особое значение имеет эмоциональная вовлеченность, которая прямо влияет на мотивацию индивида, вдохновленного мифом о стиле жизни, к видоизменению собственной повседневности посредством приобретения тех или иных товаров или услуг. В результате бренд не только транслирует существующие социальные мифы, но также способствует постепенному изменению картины мира, интегрируя новые морально-нравственные нормы в повседневную жизнь.

Таким образом, взаимодействие социального мифа и бренда формирует особую коммуникативную среду, в которой коллективные представления обретают осязаемые формы, а индивидуальные ожидания связываются с коллективными представлениями о реальности. Это подчеркивает высокую значимость дальнейшего изучения механизмов мифологизации в брендинге как с теоретической точки зрения, так и в прикладном аспекте, позволяющем глубже понять влияние брендов на социальные процессы и трансформацию общественного сознания.

Список литературы

1. *Бесков А.А.* Мифология мифологии // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2015. № 1. С. 116–119.
2. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. 615 с.
3. *Маклюэн Г.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2023. 464 с.
4. *Понизовкина И.Ф.* Семиолог Р. Барт и социальный миф: современное прочтение // Вестн. Рос. экон. ун-та им. Г.В. Плеханова. 2017. № 5(95). С. 190–19. https://doi.org/10.21686/2413-2829-2017-5-190-197
5. *Гуревич П.С.* Социальная мифология. М., 1983. 178 с.
6. *Козолупенко Д.П.* Миф как антропологическая необходимость // Диалог со временем. 2022. № 80. С. 30–44.
7. *Котлер Ф.* Маркетинг от А до Я: 80 концепций, которые должен знать каждый менеджер / пер. с англ. 3-е изд. М., 2019. 222 с.
8. *Хан Б.-Ч.* Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинг / пер. с нем. А.С. Салина; ред. А.В. Павлов. М., 2023. 160 с.
9. *Godin S.* Tribes: We Need You to Lead Us. URL: https://liteka.ru/english/library/4002-tribes-we-need-you-to-lead-us (дата обращения: 23.03.2026).
10. *Плужник О.Б.* Социальный миф: сущность и значение // Соврем. наука: актуал. проблемы теории и практики. Сер.: Познание. 2016. № 9–10 (сентябрь–октябрь). С. 83–85.
11. *Серова Ю.В.* Роль социального мифотворчества в жизни современного общества // Актуал. проблемы гуманит. и естеств. наук. 2015. № 1-1. С. 264–268.
12. *Иванов А.Г.* Социальный миф как фактор конструирования образов будущего // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 4. С. 372–376. https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-372-376
13. *Иванов А.Г., Полякова И.П.* Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 5–15. https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-1-5-15

References

1. Beskov A.A. Mythology of Mythology. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, 2015, no. 1, pp. 116–119 (in Russ.).
2. Bart R. *Mythologies*. Moscow, 1994. 615 p. (in Russ.).
3. Maklyuen G. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow, 2023. 464 p. (in Russ.).
4. Ponizovkina I.F. Semiologist R. Barthes and Social Myth: Today's Reading. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2017, no. 5, pp. 190–197 (in Russ.). https://doi.org/10.21686/2413-2829-2017-5-190-197
5. Gurevich P.S. *Social Mythology*. Moscow, 1983. 178 p. (in Russ.).
6. Kozolupenko D.P. The Anthropological Essential of Myth. *Dialog so vremenem*, 2022, no. 80, pp. 30–44.
7. Kotler P. *Marketing Insights from A to Z: 80 Concepts Every Manager Needs to Know*. Moscow, 2019. 222 p. (in Russ.).
8. Han B.-Ch. *Die Krise der Narration*. Moscow, 2023. 160 p. (in Russ.).
9. Godin S. *Tribes: We Need You to Lead Us*. N. Y., 2008. 151 p.
10. Pluzhnik O.B. Social Myth: Essence and Value. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser.: Poznanie*, 2016, no. 9–10, pp. 83–85 (in Russ.)
11. Serova Yu.V. The Role of Social Myth-Making in the Life of Contemporary Society. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2015, no. 1-1, pp. 264–268 (in Russ.).
12. Ivanov A.G. Social Myth as a Factor in Constructing Images of the Future. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 372–376 (in Russ.). https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-372-376
13. Ivanov A.G., Polyakova I.P. Social Mythology in the Space of Everyday Life and Mass Media. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 2018, no. 1, pp. 5–15 (in Russ.). https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-1-5-15

Информация об авторе
А.Д. Коновалова *– аспирант кафедры философии языка и коммуникации, специалист по учебно-методической работе философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.*

Information about the author
Anastasiya D. Konovalova*, Postgraduate Student at the Department of Language Philosophy and Communication, Teaching and Learning Specialist at Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University.*

Поступила в редакцию 25.06.2025
Одобрена после рецензирования 22.05.2026
Принята к публикации 25.05.2026

Submitted 25 June 2025
Approved after reviewing 22 May 2026
Accepted for publication 25 May 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 127–139.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 127–139.

Научная статья
УДК [2+7.01:79](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V530

Интеграция религии в виртуально-игровое пространство: аспект стимулирования и стереотипизации

Николай Иванович Петев
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия,
cyanideemo@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8711-4400

Аннотация. Данная работа посвящена анализу аспекта интеграции религиозных систем и отдельных их элементов в видеоигровое пространство. Такое внедрение в архитектонику игры представляет собой достаточно сложный и специфический процесс, требующий интенсивной адаптации внедряемого. Инструментальный характер религиозных систем, формирующийся в рамках их редуцирования, является важнейшим фактором развертывания видеоигры. При анализе специфики интеграции религии были обнаружены и проанализированы дополнительные особенности видеоигры: навязчивость, гротеск, зацикленность, стереотипность, новизна и безопасность. Религиозные системы и компоненты представляют собой стимулирующий фактор реализации вышеуказанных феноменов. Несмотря на то, что религия в парадигме видеоигры может иметь лишь деформированную форму (вплоть до радикальной маргинализации), она способствует актуализации игрового процесса. Цель работы – анализ соотношения особенностей реализации видеоигры и интегрируемого компонента, т. е. религии. Основная задача – выявить мотивирующий аспект интегрирования религиозных систем, а также провести анализ особенностей и последствий этого процесса. Для выполнения поставленных цели и задач были применены метод анализа и синтеза, диалектический метод, метод деконструкции, а также религиоведческий, культурологический и психологический подходы. В результате исследования автор приходит к следующим выводам: 1) выявлен чисто инструментально-функциональный характер религии в видеоигре; 2) установлены аспекты навязчивости и зацикленности видеоигры, которые стимулируются интеграцией в нее религиозных систем; 3) показано, что гротеск, в частности связанный с религиозными компонентами, служит инструментом фальсификации и демаркации; 4) установлено, что стереотипизация является неотъемлемым условием внедрения религии в игровой процесс; 5) определен и проанализирован момент безопасности новизны, сопутствующий внедрению религии, который предполагает актуализацию и стабилизацию игрового процесса. Играющий в действительности сталкивается не с религией как таковой в рамках игрового пространства, но лишь с бессодержательной схемой, имеющей гетерономный характер. Ее цель – актуализация и развертывание видеоигры.

© Петев Н.И., 2026

Ключевые слова: *видеоигра, религия, гротеск, стереотип, зацикленность, безопасность, геймплей, навязчивость*

Для цитирования: Петев Н.И. Интеграция религии в виртуально-игровое пространство: аспект стимулирования и стереотипизации // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 127–139. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V530

Original article

Integration of Religion into Virtual Game Space: The Aspect of Stimulation and Stereotypisation

Nikolay I. Petev
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia,
cyanideemo@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8711-4400

Abstract. The present study is dedicated to examining the integration of religious systems and their constituent elements into the video game space. Such an implementation into the architecture of the game is a rather complex and specific process that requires intensive adaptation of what is being implemented. The instrumental nature of religious systems, which is formed as part of their reduction, is the most important factor in the development of a video game. When analysing the specifics of religious integration, additional features of the video game were identified and analysed: intrusiveness, grotesqueness, cyclicity, stereotyping, novelty and safety. Religious systems and their components are a stimulating factor in the realisation of the above phenomena. Despite the fact that religion in the video game paradigm can only have a deformed form (up to radical marginalisation), it contributes to the actualisation of the gameplay. The aim of this paper is to analyse the relationship between the features of the implementation of a video game and an integrated component, i.e. religion. The main objective is to identify the motivating aspect of the integration of religious systems, as well as to analyse the features and consequences of the latter. To achieve this aim and objective, a set of methods was applied: the method of analysis and synthesis, the dialectical method, the method of deconstruction, as well as religious, cultural and psychological approaches. Based on the findings of the study, the author draws the following conclusions: 1. the purely instrumental and functional nature of religion in a video game has been revealed; 2. the aspects of intrusiveness and cyclicity of a video game have been established, which are stimulated by the integration of religious systems into it; 3. grotesque, in particular, associated with religious components, has been demonstrated to be a tool of falsification and demarcation; 4. stereotyping has been established to be an essential condition for integration of religion into the gameplay; 5. the aspect of safety of novelty accompanying integrationof religion, which involves the actualisation and stabilisation of the gameplay, has been identified and analysed. The player does not actually face religion as such within the framework of the game space, but only a heteronomous contentless scheme. Its purpose is to actualise and develop a video game.
Keywords: *video game, religion, grotesque, stereotype, cyclicity, safety, gameplay, intrusiveness*

For citation: Petev N.I. Integration of Religion into Virtual Game Space: The Aspect of Stimulation and Stereotypisation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 127–139. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V530

Введение

Сфера развлечений и потребления в настоящее время распространяет свое влияние на все виды человеческой деятельности. Вместе с тем она адаптирует и трансформирует под свою структуру и специфику области, которые традиционно не только не были ей доступны, но и в определенной степени индифферентны. Ярким примером является сфера религии. Некоторые исследователи считают, что синтез медиа, в частности видеоигры и религии, позволяет сохранить артефактное происхождение традиций как культурного наследия [1]. Другие полагают, что религия интегрируется в игровой процесс как система правил, т. е. наделяют ее статусом «процедурная религия» [2]. Более того, изучение цифровой религии в настоящее время превратилось в уникальную и автономную область [3]. Кроме того, стоит указать, что религиозные системы в видеоиграх влияют на духовную сферу играющего [4]. Вместе с тем образ религии в видеоигре формирует различные позиции/отношение к традиционным нецифровым или неигровым формам религии: отвержение, опровержение, стимуляция споров и формирование связи с мировоззрениями, представленными в играх [5].

Несомненной является связь между искусством и религией. Последняя эксплуатирует первое для своей актуализации, используя специфику и влияние эстетической сферы[1], но эта процедура всегда была связана с риском потерять сакральное содержание. На подобную опасность и противоречивость синтеза данных феноменов указывал еще М. Вебер [6, с. 23–24]. Видеоигровая индустрия включает в свою продукцию как религию в целом, так и ее отдельные компоненты. Ключевыми в процессе интеграции являются метаморфозы, которые претерпевает религиозная система или отдельные ее элементы, и роль данного включения для видеоигры.

В качестве наглядных примеров для настоящей работы были выбраны видеоигры Dead Space 2 (2011) и 3 (2013) (разработка Visceral Games, выпуск Electronic Arts, США); Frostpunk (2018) (11 bit studios, Польша); Resident Evil: Village (2021) (Capcom, Япония). В серии видеоигр Dead Space религия представлена «Церковью Юнитологии». Ее учение проповедует поклонение Обелискам, т. е. артефактам внеземного происхождения. Они представляют собой материальное воплощение идеологии организации, а именно метафизический и онтоэкзистенциальный призыв «сделать всех едиными». Однако данный процесс предполагает превращение всего живого в биомассу и формирование из нее некроморфов. Религия в игре Frostpunk реализована в виде так называемого Пути Веры (альтернативой служит «Путь Закона»), который может выбрать играющий в «Книге Законов». Она представляет собой набор правил и норм и является частью игровой механики. «Путь Веры» определяет геймплей, в частности благодаря нему требуется меньше людей для обслуживания основных зданий, заменяются некоторые базовые строения (например, лазарет и паровой центр), а также этот путь имеет иную пропорцию влияния на характеристики «эффективность»/«надежда». Прототипом данного компонента видеоигры является средневековая католическая церковь. В игре Resident Evil: Village религия представлена «Культом Матери Миранды». После за-

[1]Хотя стоит установить демаркацию между религиозным искусством и особыми религиозными практиками, которые связаны с эстетической деятельностью (например, иконописью). Для последней доминантным остается сакральный, т. е. нуминозный момент. Религиозное искусство, в свою очередь, использует религию для обновления мотивов и содержания, исключая собственно момент нуминозного (сакрального). Иными словами, эстетическое находится на первом месте, именно искусство определяет, что из внешнего (религия, политика и т. п.) может быть включено в продукт искусства или стать компонентом самого искусства, а что нет. Несомненно, что в продукт той или иной сферы искусства может быть заложен религиозный смысл/нарратив, однако он должен протерпеть процедуру цензуры – эстетизацию.

ражения мегамицелием она вернулась к себе в деревню и создала собственный культ: изображение на иконах, алтарь в церкви, молитва и т. д. Вместе с тем основным мотивом всех последующих действий были эксперименты над жителями деревни и воскрешение умершей дочери Евы.

Во всех указанных играх интеграция религиозных мотивов/элементов происходит двумя основными способами, однако в каждой из них этот процесс имеет свою специфику. Первый способ – пассивное сюжетное внедрение. В данном случае религиозный аспект имеет значение только для нарратива, но не влияет на геймплей. Нарратив используется для восстановления последовательности событий [7, с. 63–64], которые являются частью игрового процесса. Повествование вводится с целью актуализации развертывания геймплея. Иначе говоря, религия становится чем-то внешним, с чем игрок непосредственно не взаимодействует. Второй способ – интеграция религиозного компонента не только в нарратив, но и в геймплей. В данном случае изменения непосредственно затрагивают механизмы действия и взаимодействия игрока в игровом процессе. В любом случае религиозная система или отдельные ее элементы имеют добавочный (функциональный) характер для развертывания игрового процесса.

Итак, геймификация – это внедрение игровых элементов в неигровую сферу. Примеры можно найти в области военного дела или образования (военное дело: симуляторы военной техники, тактические симуляторы и т. д.; образование: обучающие симуляторы, например симуляторы для подготовки работников электростанций). Вместе с тем существует критика широкой и масштабной геймификации [8][2]. Не менее сложный вопрос – легитимность и функциональность включения неигровых компонентов, в т. ч. религии, в парадигму внутриигрового пространства.

Религия инструментальная

Некоторые исследователи отмечают, что видеоигры формируют новые представления о межрелигиозных взаимодействии и взаимоотношениях [10]. Другие предполагают, что видеоигры являются аналогом архаичных методов достижения духовного экстаза [11]. Третьи считают, что они создают положительные тенденции для религиозного образования и формирования религиозных сообществ [12]. Таким образом, синтез религиозных систем и видеоигры имеет прикладной характер.

Вместе с тем существует точка зрения, что за последние годы ни одна научная работа не смогла продемонстрировать нерелигиозную значимость цифровых игр как практик и как культурных артефактов [13, с. 233]. Однако подобное заявление представляет собой презентацию некорректной оценки феномена видеоигры как игры. Вышеуказанное влияние на игроков и возможность применения в иных сферах (например, дизайн или образование) указывает на два важных момента. Во-первых, такое положение вещей подчеркивает эффективность именно игры в прикладной области. Во-вторых, интенсивное влияние обосновывается природой видеоигры как формы медиа. В такой интерпретации значимости видеоигр прослеживается искусственная и спекулятивная установка: игра должна быть опосредована религией, иначе без данной процедуры она невозможна. Подобная «подтасовка» предполагает скрадывание фактичности/тотальности самой видеоигры и нейтрализацию ее фиктивности, что не просто указывает на контаминацию «отношения к религии в игре» и «отношения к самой игре как игре» исследователя [14, с. 95], но и подчеркивает момент неправомочной и излишней религизации. Она предполагает транспозицию нерелигиозного феномена в сферу религиозного, подменяя и редуцируя внутреннее содержание и специфику.

[2]Стоит указать, что при всей критике данного процесса сам Я. Богост создает некую игровую этику повседневной жизни [9].

Вместе с тем все приведенные примеры не указывают, собственно, на взаимоотношения религиозных систем и видеоигры. Каждая из упомянутых выше видеоигр наделяет религию определенной функцией и внутренним содержанием в рамках развертывания геймплея:

1. Регулирующая религия, имеющая телеологический примат. Ярким примером является видеоигра Frostpunk. Игрок имеет возможность выбрать одну из двух парадигм развития: «Вера» или «Закон». Это влияет не только на те нормы и правила, которые он может использовать в парадигме игрового процесса, но также и на специфику геймплея.

2. Перспективно-апокалиптическая[3] религия. Ее основная функция – презентация эсхатологических метаморфоз, в частности слияния многого воедино. Этот процесс схож с такой формой трансформации, как идентификация с группой. Он предполагает регрессивную идентификацию с более низкой и примитивной структурой сознания с сопутствующим повышением ощущения жизни [16, с. 266]. Осуществление вышеуказанного сценария возможно в будущем, т. е. имеет перспективный характер. Религиозный концепт подчеркивает эсхатологический и сотериологический аспекты и связан с топиком перехода. Примером такой интеграции религии служат вторая и третья части Dead Space. В них религия не влияет на геймплей, а лишь является второстепенным аспектом нарратива. Стоит указать, что в самой видеоигре слияние плоти всех живых существ, порождающее нечто совершенно новое, – аллюзия концепции единства / возвращения к Богу. Хотя, несомненно, фокус на материальном преображении отсылает к алхимической концепции Древнего Китая (плавильная печь Космоса [17, с. 14–16]).

3. Ретроспективно-поддерживающая религия. Ее основное назначение – подчеркнуть изоляцию и герметизм. Она олицетворяет замкнутое пространство, которое отлично от того, что находится за его границами. Это пространство определенной религии, а точнее религиозного мировоззрения, которое полностью поглощает все остальные аспекты человеческой жизни. Пример такой религиозной системы можно найти в игре Resident Evil: Village. Но в данном случае религиозный компонент не имеет никакого влияния на геймплей и в сюжетном повествовании играет лишь фоновую роль.

Каждая из вышеуказанных религиозных систем имела свой реальный прототип. В первом случае использовалась редуцированная модель христианства, в частности католицизма. Во втором оригиналом является общий концепт новых религиозных движений[4], при этом в радикальной и милитаризированной форме. В третьем случае можно указать на имитацию репрезентации «живой религии». Аналогично мифу [18, с. 12] она формирует модели поведения, отношения и картину мира. Особенность этой религиозной системы состоит в том, что она «росла» и развивалась сама в себе, не испытывая влияния внешних факторов, что является естественным условием сохранения нередуцированного содержания религиозной теории и практики. Хотя религиозные культы Resident Evil: Village (культ Матери Миранды или культ Чернобога) и имеют основы в самих себе, тем не менее явно прослеживается заимствование из православной традиции (Румынская православная церковь). Все многообразие репрезентации религий в видеоигровой индустрии не ограничивается данными тремя типами[5].

---

[3]Апокалиптическая тематика в видеоиграх предполагает раскрытие событий постапокалиптического характера. Постапокалиптическая фантастика указывает на воображение/представление мира, который находится за пределами как современных институтов, так и верований [15, с. 392].

[4]«Церковь Юнитологии» имеет общие черты с «Церковью Саентологии» («Всемирный Институт Саентологических Предприятий» и «Церковью Духовной Технологии» («Библиотека Л. Рона Хаббарда»), входящими в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации от 01.10.2021.

[5]Подобная классификация не является исчерпывающей, но этих трех типов достаточно, чтобы сделать выводы о телеологии и этиологии интегрирования религии в видеоигры.

Так, например, вселенная Warhammer 40.000, в т. ч. игровая, представляет собой столкновение средневекового христианства с политеизмом/ересью в плоскости футуризма и фэнтези, а видеоигра «Hellblade: Senua's Sacrifice» – синтез религии (мифологии древних германцев) и психической патологии. Подобные синтезы и редукционные тенденции носят инструментальный характер, в частности дополнительной эстетизации. Главное назначение – актуализация игрового процесса и усиление заинтересованности играющего, но не действительная презентация религии как таковой. Отсутствие действительной презентации стимулирует фривольность позиционирования образа религиозных систем в пространстве видеоигры. Таким образом, религиозные системы или отдельные их компоненты не обладают автономным и фундирующим характером. Сама игра устанавливает для религии прибавочный примат, который отражается в ее чисто инструментальной телеологии и этиологии.

Навязчивость, гротеск и зацикленность в видеоигре

Зигмунд Фрейд отмечал, что религия/религиозные идеи аналогичны неврозу навязчивости [19, с. 11–12, 49, 144]. Кроме того, мифологию и богов часто связывают с психопатологией [20, с. 59–60]. Тематика нестабильного психического и эмоционального состояния протагониста является достаточно распространенной в определенных жанрах видеоигр (например, survival horror, action-adventure, role-playing game). В частности, стоит отметить такие продукты видеоигровой индустрии, как Dead Space 2 (2011) и 3 (2013), Hellblade: Senua's Sacrifice (2017), Cronos: The New Dawn (2025) и т. п. Религиозное, а точнее его интерпретация, не обязательно наличествует непосредственно, но способно приобретать псевдо- и квазирелигиозные формы. Обязательный компонент – присутствие аллюзии на некое «высшее» и «божественное» в форме как конкретно-персонифицированного, так и абстрактной идеи (всеобщего сознания, виртуального объединения и т. п.). Интересно, что в парадигме психопатологии существует концепция, что боги появляются благодаря страданиям человека [20, с. 61]. Определенные отклонения формируются и реализуются вследствие разыгрывания мифологического сюжета (фантазии), а также ввиду более слабой позиции индивидуальности. Подобная концепция имеет место и в парадигме видеоигрового пространства. Столкновение протагониста с вышеуказанной аллюзией связано с болезненным опытом, страданиями, страхом, безумием и т. п. Их взаимоотношение и диалог – разворачивание внутреннего аго-нально-патологического состояния, при этом в форме как иллюзии, так и бредовой идеи[6]. В данном случае стоит указать на два важных момента.

Первый заключается в том, что некоторая навязчивая идея протагониста не является пустой фикцией. В ней всегда наличествует зерно/частичка истинности, хотя и в искаженной форме [19, с. 136]. Дело в том, что подобная «иллюзия протагониста» не имеет тотальной изолированности, т. е. для нее закрыты казуальность и зацикленность на самой себе как некий совершенно отчужденный элемент. Она предполагает стимулирование игрового процесса, а потому вплетена в нарратив и/или геймплей, и/или дизайн. Такая «иллюзия» имеет форму гротеска. Несомненно, что последний ведет к разрыву связей с реальностью и заменяет их на синтез, зачастую абсурдный, различных свойств, качеств, вещей (объектов) и событий. Вместе

[6]З. Фрейд разделял иллюзию и бредовую идею [19, с. 37]. Иллюзия предполагает интеграцию в реальность и релевантность ей в определенной степени, тогда как для бредовой идеи, наоборот, характерна тотальная изолированность.

[7]Несомненно, вышеуказанное не говорит о том, что сам играющий не относится серьезно к игре. Однако, когда игровой процесс переходит в область вне-игрового опыта (в такие профессии, как спорт), уже невозможно говорить о игре как игре.

с тем гротеск подчеркивает фиктивность не только игрового пространства, в котором разворачивается действие протагониста (игрока), но и самого игрового процесса, придавая ему форму игры как игры. Гротеск – инструмент фальсификации (устанавливает фикцию) и демаркации (разделяет пространства игрового и реального), обеспечивающий развертывание видеоигры. Он, будучи «прививкой» от реальности, формирует алиби для видеоигры, т. к. присутствие серьезности является фактором задержки или даже стагнации реализации игры[7]. Интеграция религиозной системы или отдельных компонентов в подобной ситуации имеет стимулирующий характер, инициирующий эскалацию интереса и вовлечения играющего. Включаемая интерпретация религии основана на стереотипном и тенденциозном отношении: чем сильнее искажение (гротеск) внедренного образа, тем интенсивнее последний способствует развертыванию продуктов видеоигровой индустрии.

Религиозный фундаментализм – один из самых популярных стереотипов культурной индустрии. Вместе с тем П. Буайе отмечал, что фундаментализм не является религией в крайнем проявлении, а представляет собой реакцию на современные условия и, в частности, отклонение от уклада и норм определенной группы ее последователей [21, с. 394–396]. Но в парадигме видеоигры подобное объяснение чрезмерно рационально. Именно перегруженность и абсурдность, направленные на чувственно-эмоциональную сферу, позволяют создать притягательный (благодаря своей фиктивности) образ гиперболизированной религии. Карикатурность является аспектом не-узнавания конкретной религии, а также указывает на отсутствие референции.

Второй важный момент заключается в определенной зацикленности. З. Фрейд указывал, что любые виды действия могут стать навязчивыми, если они скрашиваются добавлениями и делаются ритмичными благодаря паузам и повторениям [19, с. 4]. Протагонист видеоигры не только заковывается в подобное повторение. Его также постоянно преследуют такие довлеющие факторы, как вина, искушение, тревога, ожидание надвигающегося и т. п. Вместе с тем сам геймплей как ограниченный набор возможностей/действий создает для главного героя некий аналог страховочного поведения или защитных мер, в ином случае игровой процесс будет прерван. Следовательно, протагонист помещается в пространство, в котором требуется постоянное повторение одних и тех же действий (в разной степени активных и пассивных, и таким образом соблюдается некая видимость разрыва между внутриигровыми действиями), что формально является требованием для преодоления трудностей собственно героя, а фактически – воспроизводит игру как таковую, не давая ей «свернуться». Вместе с тем сам играющий погружается в аналогичный замкнутый круг повторяющихся действий. Подобное цикличное движение есть наследство, доставшееся от игры как таковой. Ограничение механики (правил) порождает определенный комплекс возможностей, хотя видеоигра стремится, насколько это позволяют технические возможности, преодолеть данные границы. Вместе с тем факт повторяемости действий связан с вышеуказанным моментом: он интерпретирует и выявляет феномен навязчивой идеи с вытекающими последствиями, в частности воспроизводимость установки фиктивности, как и стимуляция действий играющего, подчеркивает «здоровье» и функциональность общей системы, т. е. самой видеоигры.

Стоит отметить, что игровой процесс в парадигме своей зацикленности имеет сходство и с церемониалом (ритуалом). Последний связывают с аспектом навязчивости (например, З. Фрейд и П. Буайе). Обнаруживается непосредственная связь между игровым процессом, ритуальным действием (обрядом) и навязчивым действием. Периодическое повторение и строгая регламентация действий присутствуют во всех этих феноменах. Подобно тому, как для исполнения ритуала/обряда необходимы определенное место (пространство), правила (алгоритм) и сценарий, так и игровой процесс

не свободен от этих требований. Существует указание на то, что осознание смысла ритуала не имеет значения, главными критериями его эффективности являются легитимность исполняющего и воспроизведение по правилам [22, с. 186]. Подобное отсутствие связи смысла (результата) и действия подчеркивает П. Буайе [21, с. 313–314]. Мыслитель указывает на коммуникативные и социальные основы инициализации ритуальных действий и поведения. В данном случае стоит внести следующее замечание: несмотря на то, что играющий не имеет абсолютного представления о механике и функциональности видеоигры, тем не менее существует четкое представление о действии и его последствиях. Как минимум подобное справедливо в рамках развития нарратива, как максимум (и это определяющее) – для реализации самой игры. Интересно, что существует точка зрения, что культ лишь служит прививкой к игре, а ритуал (священнодействие) по форме и содержанию представляет собой последнее (игру) [23, с. 45–46][8]. Иными словами, изначальным фактом является игра, тогда как ритуальное действие лишь производное.

Совершенно противоположное мнение высказывал Р. Кайуа, подчеркивая особое значение фиктивно-развлекательного характера игрового процесса [24, с. 44]. Последнему отказывается в особом сакраментальном функционале. В этом прослеживается достаточно четкое различие ритуала и игры, в т. ч. в продуктах видеоигровой индустрии. Вместе с тем в обоих феноменах присутствуют навязчивые действия. Но в видеоигре смысл постоянного повторения не превентивные/защитные меры от негативного фактора и нечистоты и не коммуникативный и социальный аспект, а формирование удовольствия, заинтересованности и удовлетворения. Хотя стоит подчеркнуть, реализация последнего остается проблематичным вопросом. Наличествующая в видеоигре зацикленность ограниченного количества действий/возможностей представляет собой схему игрового процесса, т. е. геймплея. Именно повторяемость/цикличность лежит в основе геймплея, а не игровая механика, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что механика (правила) является абстрактной формальностью и полностью не известна играющему. Она не включает в себя собственно игровой опыт, необходимый для реализации геймплея. Именно поэтому голая механика (правила) не рассказывает об игре как игре.

Модернизация видеоигры: стереотипность и безопасность

Можно выделить следующую причину интеграции феномена религии в видеоигровое пространство – актуализация и модернизация сюжета, геймплея и дизайна видеоигры. Разработчики часто обращаются к «неожиданным» решениям, чтобы избежать стереотипных способов реализации[9]. Включение религиозных систем (в частности, искусственно созданных) или их отдельных элементов носит характер «нововведения». Но в данном случае можно говорить о некоем суррогате или псевдоновизне. Стоит подчеркнуть, особенности такого феномена, как новизна: имеет тенденцию к разложению/уничтожению своего носителя (вещи) [25, с. 182]; как продукт массовой культуры представляет собой штамп/клише для ликвидации потребительского риска [26, с. 27, 37]; является способом исключения эстетического

[8]Стоит отметить, что в данном случае возникает определенное искушение. П. Бауйе указал, что из-за редукции ритуала (архаичность и шаблонность) обряд превратился в событие, несущее гораздо меньше смысла, чем иные социальные взаимодействия [21, с. 314]. Таким образом, ритуальное действие есть лишь искаженная форма игрового процесса, а потому он первичен и является фундаментом. Однако такой подход обладает спекулятивной редукцией и преднамеренным искажением для установления формальной зависимости. Деформация и контаминация этих феноменов недопустима, если стоит задача понимания их внутреннего содержания.

[9]Ярким примером является переработка персонажей румынского фольклора и мифологии в видеоигре «Resident Evil: Village».

[27, с. 149–150]; а в определенных сферах (например, мода) склонна к бесполезности (бессмысленности) и безобразной гротескности [27, с. 175–176]. Новизна в современном обществе не фактор и следствие расточительства (как у Т. Веблена, хотя и не лишена этого), а тотальное условие производства и потребления. Необходимо бесконечно воспроизводить все новое и новое (в виде стиля, обновления, персонализации и т. д.), ведь только в такой форме товар становится релевантным и потребляемым. Специфика интеграции религии или отдельных ее компонентов отчасти связана с реализацией вышеуказанного. Однако не менее важной в данном случае является тенденция к обеспечению безопасности. Иными словами, новизна не должна выступать элементом деструкции и девальвации системы, но выполнять функцию стимулятора и стабилизатора.

В целом стоит указать, что, являясь приручением фактором, который предположительно должен создавать угрозу для традиционной структуры, новизна раскрывает свои «блеск и нищету». Первый выражается в тотальном влиянии на современного индивида, вторая – в содержательной ущербности и агональной зацикленности на самой себе без выхода из данного круга. Вместе с тем именно подобный безопасный образ религиозной системы необходим видеоигре, чтобы сохранять актуальность игрового процесса. Следует отметить интересный парадокс, который обнаруживается в рамках реализации образа религии в пространстве игры: религия, которая не склонна к интенсивной модернизации, сама приобретает данный статус и является формой проявления/позиционирования модернизации. Она не только привносит новизну в видеоигру, но и для нее самой открывается возможность неограниченных нововведений, которые недопустимы для реальных религиозных систем с их приверженностью традиционализму. Стоит указать, что данный парадокс решается в рамках геймплея.

Но вместе с тем вышеуказанный синтез инициирует реверсивный процесс стереотипизации религии. В данном случае требуется отметить два важных момента. Во-первых, редукция по форме и/или содержанию необходима для интеграции многогранного феномена религии в ограниченную (как в рамках стеснения техническими условиями, так и в границах реализации собственно геймплея) плоскость, которая обладает определенным лимитом качественно-количественного позиционирования того или иного элемента видеоигры. Во-вторых, низведение религиозной системы или отдельного ее элемента до усеченного компонента игрового пространства усиливает обращение к различным социокультурным клише, особенно поп- и масс-культурным, связанным с образом/представлением о религии. Более того, такая искусственная модель, выстроенная общественным мнением, есть лишь синкретический конгломерат мнений, отношения и фактов.

В данном случае стоит отметить важный момент, который заключается в сходстве общественного мнения и хайдеггеровских толков. Публичность не только имеет, но и сама создает для себя настроенность [28, с. 138]. Беспочвенность толков благоприятствует их доступу к публичности, тотально определяя настроенность [28, с. 169–170]. Таким образом, общественное мнение является аналогичным замыканием, не требующим осмысления и знания сути, а также способным на постоянную передачу благодаря своей «простоте» (усредненности). Оно определяет, «что» и «как» человек видит, и ему нет необходимости во внешнем доноре, который может быть источником объективной информации. Следовательно, общественное мнение, которому достаточно только самого себя, претендует на объективную интерпретацию. Ж. Бодрийяр подчеркивал, что общественное мнение является образцовым примером средства сообщения и самого сообщения вместе, а единичное мнение, даже противоположное, должно воспроизводить общественное [29, с. 139]. Все «за» и «против», протест и поддержка, сопротивление и благоговение должны составлять и происходить из единого источни-

ка – общественного мнения. Однако в видеоигре стереотипы, производимые массовым толкованием, не обретают вышеуказанной тотальности. Претензия стереотипа на абсолютную объективность противоречит самой сути игры как таковой, т. е. ее фиктивности. Более того, она оставляет объективную реальность во власти стереотипов, одновременно обескровливая их для своего пространства. Стереотипность, проистекающая из общественного мнения, становится лишь инструментом актуализации видеоигры.

Несомненно, что синкретический стереотип, предоставленный общественным мнением, носит в себе искаженный образ феномена[10], который попадает в поле зрения массовой оценки и интереса. Последние, будучи факторами субъективными, приобретают статус объективной ценности. Хотя аксиология отрицает подобное отождествление [30, с. 27, 34, 158]. Видеоигровое пространство не интересует процесс детального построения модели/копии, которая будет полностью отражать ту или иную религию. Для видеоигры важнее релевантность этой самой модели игровому пространству и процессу, а также узнаваемость и просвечивание стереотипа. Рафинирование конкретного религиозного компонента или системы – это неизбежный процесс, даже если конкретный источник (например, определенная религия) полностью растворяется в рамках адаптации к игровому пространству. Таким образом, сам играющий уже имеет дело не с религией, но лишь с ее интерпретацией массовой культурой. Более того, получаемая искусственная модель не обязательно указывает на конкретную религию, но на религию вообще как некий абстрактный и безопасный феномен. Безопасность обеспечивается тем, что подразумевается не конкретная религия, а «какая-то», «другая» «иная», что скрадывает точное отождествление/отсылку. Даже прямое указание нивелируется маргинализацией того, что ее представляет. Данная особенность позволяет выполнить две задачи. Во-первых, избежать опасности критического отношения со стороны конкретной религии (осуждение, обвинение в оскорблении и т. п.). Во-вторых, не вызвать отторжение у потенциальных пользователей, которые, например, являются представителями интегрированной религии.

Заключение

Интеграция религиозных систем или отдельных их элементов происходит двумя основными способами: пассивным (сюжетным) и синтетическим (соединение геймплея и нарратива) внедрением. Выделены три самых распространенных функциональных назначения, установленные для религиозных систем/компонентов в видеоигре (регулирующая, перспективно-апокалиптическая, ретроспективно-поддерживающая). Инструментальный характер религии в видеоигре в качестве стимулятора игрового процесса предполагает ее фривольную интерпретацию. Видеоигра не всегда прибегает к презентации чисто религиозного, внедряя его квази- и псевдоформы. Все они спаяны с концепцией навязчивых идей, в частности в парадигме арки протагониста. «Иллюзии» последнего имеют форму гротеска, который подчеркивает фиктивность игры, что предполагает актуализацию ее самой, а не вторичных компонентов. Стереотипность в данном случае обладает важным значением: чем сильнее искажение (гротеск) образа религии, тем больше

[10]Аналогично сплетням (как субъективной и искаженной интерпретации некой информации), которые предполагают раскрытие скрытых адаптивных данных, актуальных для социального взаимодействия [21, с. 169–170], вышеуказанное субъективное отношение и редуцируемый, но одновременно вызывающий отклик образ становятся важным компонентом будущего товара и экономического успеха. Производство допускает подобное вмешательство лишь по причине того, что оно способствует реализации той или иной продукции. Таким образом, если радикализированный, деструктивный и тоталитарный образ религии лучше продается и реализуется в различных формах медиа, чем объективный и реальный (имеющий меньшую заинтересованность), то выбор является очевидным. Фикция игрового процесса прекрасно сочетается с фантазийным, но не реальным образом религиозных систем и отдельных элементов.

оно служит развертыванию игрового процесса. Перегруженность и стереотипность создают концепцию притягательной гиперболизированной религии, в которой отсутствуют референс и узнавание конкретной религии. Внутриигровая зацикленность, связанная как с аспектом ритуала, так и с навязчивой идеей, утверждая фиктивность, не только стимулирует игровой процесс, но и формирует удовольствие играющего.

Интегрирование религии в видеоигру – имитация новизны. Однако такой модернизм не имеет разрушающего эффекта для видеоигры, а представляет собой стимулятор и стабилизатор игрового процесса. Интересно, что именно в пространстве видеоигры религиозная система, склонная к традиционализму, имеет тенденцию к бесконечным нововведениям. Религиозные стереотипы не обретают в видеоигре своей тотальности, но наоборот подчеркивают фиктивность игры, а, соответственно, ее первичность. Играющий не сталкивается в игровом пространстве с точной копией той или иной религиозной системы, но лишь с пустой абстракцией (интерпретацией), что гарантирует безопасность.

Список литературы

1. *Wildt de L., Aupers S.D.* Eclectic Religion: The Flattening of Religious Cultural Heritage in Videogames // Int. J. Heritage Stud. 2021. Vol. 27(3). P. 312–330. https://doi.org/10.1080/13527258.2020.1746920
2. *Šisler V.* Procedural Religion: Methodological Reflections on Studying Religion in Video Games // New Media Soc. 2017. Vol. 19, № 1. P. 126–141. https://doi.org/10.1177/1461444816649923
3. *Campbell H.A.* Surveying Theoretical Approaches Within Digital Religion Studies // New Media Soc. 2017. Vol. 19, № 1. P. 15–24. https://doi.org/10.1177/1461444816649912
4. *Rupcic T.* Techno-Religion and Cyberspace Spirituality in Dystopian Video Games // Religions. 2023. Vol. 14. Art. № 247. P. 1–16. https://doi.org/10.3390/rel14020247
5. *Wildt de L., Aupers S.D.* Pop Theology: Forum Discussions on Religion in Videogames // Inf. Commun. Soc. 2019. Vol. 23(10). P. 1444–1462. https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1577476
6. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994. 704 с.
7. *Юл Й.* Рассказывают ли игры истории? Краткая заметка об играх и нарративах // Логос. 2015. Т. 1(103). С. 61–78.
8. *Bogost I.* Why Gamification Is Bullshit // The Gameful World: Approaches, Issues, Applications. Cambridge, 2015. P. 65–79.
9. *Bogost I.* Play Anything: The Pleasure of Limits, the Uses of Boredom, and the Secret of Games. N. Y., 2016, 288 p.
10. *Gregory D.J. Jr.* Video Gaming Faith: Playing Out Theologies of Religions // Religions. 2022. Vol. 13. Art. № 944. P. 1–16. https://doi.org/10.3390/rel13100944
11. *Snodgrass J.G.* The Avatar Faculty: Ecstatic Transformations in Religion and Video Games. Berkeley, 2023. 280 p.
12. *Maram S.S., Pfau J., Kasar M.R., El-Nasr M.S.* A Topic Modeling Approach Towards Understanding the Discourse between Religion and Videogames on Reddit // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. 2024. Vol. 8. P. 1–44. https://doi.org/10.1145/3677054
13. *Giuliana G.* Religion and Digital Games: Past, Present, and Future Studies. An Overview // Annali di studi religiosi. 2023. Vol. 24. P. 203–234.
14. *Cowan D.E.* «Crap, we needed a god…»: Religion, Videogames, and the Digital Social // The Digital Social: Religion and Belief. Berlin, 2019. P. 93–109.
15. *Wildt de L.* Video-Game Religion Beyond the Anthropocene // End-Game: Apocalyptic Video Games, Contemporary Society, and Digital Media Culture / ed. by L. DiTommaso, J. Crossley, A. Lockhart, R. Wagner. Berlin, 2024. P. 385–400.
16. *Юнг К.Г.* Душа и миф. Шесть архетипов. М.: Port-Royal, 1997. 384 с.
17. *Бо-дуань Ч.* Главы о прозрении истины (У чжэнь пянь). СПб., 1994. 346 с.
18. *Элиаде М.* Аспекты мифа / пер. с фр. В.П. Большакова. М., 2010. 251 с.

19. *Фрейд З.* Человек Моисей: психология религии. М., 2020. 186 с.
20. Хиллман Д. Архетипическая психология. М., 2006. 351 с.
21. *Буайе П.* Объясняя религию: Природа религиозного мышления / пер. с фр. М. Десятовой. М., 2018. 496 с.
22. *Генон Р.* Кризис современного мира. М., 2008. 784 с.
23. *Хейзинга Й.* Homo Ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. СПб., 2011. 409 с.
24. *Кайуа Р*. Игры и люди: Статьи и эссе по социологии культуры / сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М., 2007. 302 с.
25. *Бодрийяр Ж*. Система вещей. М., 2020. 256 с.
26. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс. М., 2024. 96 с.
27. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 2021. 384 с.
28. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 2015. 447 с.
29. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2015. 392 с
30. *Матвеев П.Е.* Моральные ценности: моногр. Владимир, 2004. 190 с.

References

1. Wildt de L., Aupers S.D. Eclectic Religion: The Flattening of Religious Cultural Heritage in Videogames. *Int. J. Heritage Stud*., 2021, vol. 27, pp. 312–330. https://doi.org/10.1080/13527258.2020.1746920
2. Šisler V. Procedural Religion: Methodological Reflections on Studying Religion in Video Games. *New Media Soc.*, 2017, vol. 19, no. 1, pp. 126–141 https://doi.org/10.1177/1461444816649923
3. Campbell H.A. Surveying Theoretical Approaches Within Digital Religion Studies. *New Media Soc*., 2017, vol. 19, no. 1, pp. 15–24. https://doi.org/10.1177/1461444816649912
4. Rupcic T. Techno-Religion and Cyberspace Spirituality in Dystopian Video Games. *Religions*, 2023, vol. 14, art. no. 247, pp. 1–16. https://doi.org/10.3390/rel14020247
5. Wildt de L., Aupers S.D. Pop Theology: Forum Discussions on Religion in Videogames. *Inf. Commun. Soc.*, 2019, vol. 23, pp. 1444–1462. https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1577476
6. Veber M. *Selected Works. The Image of Society*. Moscow, 1994. 704 p. (in Russ.).
7. Juul J. Games Telling Stories? A Brief Note on Games and Narratives. *Logos*, 2015, vol. 1, pp. 61–78 (in Russ.)
8. Bogost I. Why Gamification Is Bullshit. *The Gameful World: Approaches, Issues, Applications.* Cambridge, 2015. pp. 65–79.
9. Bogost I. *Play Anything: The Pleasure of Limits, the Uses of Boredom, and the Secret of Games*. N. Y., 2016. 288 p.
10. Gregory Jr. D.J. Video Gaming Faith: Playing Out Theologies of Religions. *Religions*, 2022, vol. 13, art. no. 944, pp. 1–16. https://doi.org/10.3390/rel13100944
11. Snodgrass J.G. *Avatar Faculty: Ecstatic Transformations in Religion and Video Games*. Berkeley, 2023. 280 p.
12. Maram S.S., Pfau J., Kasar M.R., El-Nasr M.S. A Topic Modeling Approach Towards Understanding the Discourse between Religion and Videogames on Reddit. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 2024, vol. 8, pp. 1–44. https://doi.org/10.1145/3677054
13. Giuliana G. Religion and Digital Games: Past, Present, and Future Studies. An Overview. *Annali di studi religiosi*, 2023, vol. 24, pp. 203–234.
14. Cowan D.E. "Crap, we needed a god…": Religion, Videogames, and the Digital Social. *The Digital Social: Religion and Belief.* Berlin, 2019, pp. 93–109.
15. Wildt de L. Video-Game Religion Beyond the Anthropocene. *End-Game: Apocalyptic Video Games, Contemporary Society, and Digital Media Culture.* Ed. by DiTommaso L., Crossley J., Lockhart A., Wagner R. Berlin, 2024, pp. 385–400.
16. Jung C.G. *Soul and Myth. Six Archetypes*. Moscow, 1997. 384 p. (in Russ.).
17. Jhang Boduan *Chapters on the Insight of Truth*. Saint-Petersburg, 1994. 346 p. (in Russ.).
18. Eliade M. *Aspects du Mythe*. Moscow, 2010. 251 p. (in Russ.).

19. Freud Z. *The Man Moses: the Psychology of Religion*. Moscow, 2020. 186 p. (in Russ.).
20. Hillman D. *Archetypal Psychology*. Moscow, 2006. 351 p. (in Russ.).
21. Boyer P. *Religion Explained: the Evolutionary Origins of Religious Thought.* Moscow, 2018. 496 p. (in Russ.).
22. Guenon R. La Crise du Monde Moderne. Moscow, 2008. 784 p. (in Russ.).
23. Huizinga J. *Homo Ludens. Proeve eener bepaling van het spel-element der cultuur*. Saint-Petersburg, 2011. 409 p. (in Russ.).
24. Caillois R. *Les Jeux et les Hommes*. Moscow, 2007. 302 p. (in Russ.).
25. Baudrillard J. *Le Système des Objets.* Moscow, 2020. 256 p. (in Russ.).
26. Horkheimer M., Adorno T.W. Kulturindustrie – Aufklärung als Massenbetrug. *Dialektik der Aufklärung*. Moscow, 2024. 96 p. (in Russ.).
27. Veblen T.B. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions.* Moscow, 2021. 384 p. (in Russ.).
28. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Moscow, 2015. 447 p. (in Russ.).
29. Baudrillard J. *L'échange Symbolique et la Mort*. Moscow, 2015. 392 p. (in Russ.).
30. Matveev P.E. *Moral Values*. Vladimir, 2004. 190 p. (in Russ.).

Информация об авторе
Н.И. Петев *– кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.*

Information about the author
Nikolay I. Petev*, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.*

Поступила в редакцию 19.01.2026
Одобрена после рецензирования 04.03.2026
Принята к публикации 06.03.2026

Submitted 19 January 2026
Approved after reviewing 4 March 2026
Accepted for publication 6 March 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 140–145.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 140–145.

Рецензия на книгу
УДК 94(470+497.11)
DOI: 10.37482/2687-1505-V535

Русские и сербы: дружба и испытания

Рецензия на книгу: Радоньич М.Б. **Помощь русских и России сербам и Сербии. 1-е изд. Нови-Сад, 2018. 164 с. на рус. яз., 177 с. на серб. яз.; Радоньич М.Б. Помощь русских и России сербам и Сербии. М., 2025. 252 с.**

Владислав Иванович Голдин
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, v.i.goldin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1439-6267

Аннотация. Рецензируется книга М.Б. Радоньича, раскрывающая многовековую историю дружбы двух народов и помощи русских и России сербам и Сербии. В ней рассматриваются истоки славянской цивилизации, общие корни русских и сербов, укрепившиеся с принятием христианства, борьба сербского народа против турецкого владычества и содействие России освобождению от этого ига. Особое внимание уделяется страницам взаимоотношений русских и сербов в XX веке: истокам Первой мировой войны и сотрудничеству в ходе нее; русской эмиграции в Югославию и отношениям СССР и Королевства Югославии; драматичным страницам Второй мировой войны, совместной борьбе против фашизма; отношениям двух стран в послевоенный период; распаду СССР и Югославии; помощи постсоветской России Сербии в период агрессии НАТО. Характеризуется современный этап отношений двух стран. Книга пронизана благодарностью русским и России за многовековую поддержку Сербии и содержит надежду на дальнейшее развитие дружбы и сотрудничества двух стран.
Ключевые слова: *Россия, русские, Сербия, сербы, история международных отношений, современность, помощь, дружба*

Для цитирования: Голдин В.И. Русские и сербы: дружба и испытания // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 140–145. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V535

Book review

Russians and Serbs: Friendship and Challenges

Review of the book: **Radon'ich M.B.** ***Assistance of Russians and Russia to Serbs and Serbia. The first edition. Novi Sad, 2018. 164 p. (in Russ.), 177 p. (in Serbian);*** **Radon'ich M.B.** ***Assistance of Russians and Russia to Serbs and Serbia. Moscow, 2025. 252 p.***

© Голдин В.И., 2026

Vladislav I. Goldin
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,
v.i.goldin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1439-6267

Abstract. The article reviews the book of the Serbian author M.B. Radon'ich which reveals the centuries-old frienship of two nations and assistance of Russians and Russia to Serbs and Serbia. The book explores the origins of Slavic civilisation, the shared roots of Russians and Serbs that were strengthened by the adoption of Christianity, the Serbian people's struggle against Turkish rule, and Russia's support in liberating Serbia from the Turkish yoke. The author of the book pays special attention to the relationship between Russians and Serbs in the 20th century: the origins of the First World War and cooperation during it; the Russian emigration to Yugoslavia and the relations between the USSR and the Kingdom of Yugoslaviya; the dramatic events of the Second World War and the joint struggle against fascism; the post-war relations between the two countries; the collapse of the USSR and Yugoslaviya; the assistance provided by post-Soviet Russia to Serbia during the NATO aggression. The current situation in relations between the two countries is characterised. The book is filled with gratitude to Russians and Russia for their centuries-old support of Serbia, and it contains hope for further development of friendship and cooperation between the two countries.
Keywords: *Russia, Russians, Serbia, Serbs, history of international relations, modern times, assistance, friendship*

For citation: Goldin V.I. Russians and Serbs: Friendship and Challenges. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 140–145. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V535

Автор статьи познакомился с юристом и исследователем М.Б. Радоньичем в Сербии в декабре 2019 года на конференции в г. Нови-Саде, где тот представлял свою книгу, первое издание которой вышло в свет в 2018 году в необычном виде – под одной обложкой были помещены две версии текста, на сербском и на русском языке. Книга прошла серию презентаций в Нови-Саде, Белграде и ряде других городов Сербии и получила высокую оценку.

В 2020 году Митар Бранкович обратился по электронной почте к автору этих строк с просьбой дать отзыв на книгу. Ему был направлен короткий ответ также с высокой оценкой и обещанием дать ссылку на нее в планируемой работе о Сербии. К сожалению, напряженный график не позволил реализовать этот замысел.

В начале нынешнего года автор рецензии получил через одного из коллег данную книгу, открывающуюся страницей с той перепиской. Кроме того, выяснилось, что в 2025 году в Москве вышло в свет русскоязычное издание.

Двуязычная обложка первого сербского издания книги М.Б. Радоньича

The Bilingual Cover of the First Serbian Edition of M.B. Radon'ich's Book

Обложка русскоязычного издания книги

The Cover of the Russian Edition of the Book

Цель статьи – представить в наше сложное время заинтересованным русскоязычным читателям книгу Митара Бранковича Радоньича, пронизанную любовью к русским и России.

Книга открывается словами: «Написанное ниже – мой долг отцу, который носил в себе идею правды и справедливости, идущей с Востока, и которая помогала ему оставаться твердым и непоколебимым в своих мыслях, полных энтузиазма и энергии в отстаивании этой Идеи, с точным присутствием реализма и утопии, что опьяняет чувства…» (с. 3). Автор писал: «Многие задают вопрос: “Когда нам Россия помогла?”», добавляя: «Эта книга мой ответ им!» (с. 3).

Книга начинается с раздела под названием «Общее происхождение», где рассматриваются исторические корни славянской цивилизации, происхождение славян, характеризуются археологические и письменные памятники, раскрывающие истоки и начало истории славянских народов, принятие христианства в качестве государственной религии, православная ветвь которой связала русских и сербов в религиозном, культурном и других отношениях. Отмечается роль святых Кирилла и Мефодия, создавших старославянскую азбуку и церковнославянский язык, ставшие основой для формирования славянской литературной традиции и культуры, характеризуется роль монастырей как носителей этой культуры, раскрываются межцерковные отношения в период турецкой оккупации Сербии.

Автор книги описывает этапы борьбы Сербии с Османской империей, четыре волны вынужденной миграции сербов и их надежды на помощь России, которая пришла в эпоху правления Петра I. Он начал борьбу с Турцией и призвал сербов в 1715 году переселяться в Россию. В книге описываются миграции сербов в Россию в XVIII веке, увидевших в ней страну, которая способна дать защиту и новый дом. С этого времени сербы поняли, подчеркивает Радоньич, что только Россия могла быть их верным союзником, и убеждались в этом в своей дальнейшей истории.

В книге раскрываются драматичные страницы Первого и Второго сербского восстаний и российской дипломатической борьбы за независимую Сербию, а также войн России с Турцией, результатом которых стало вытеснение турок с европейского континента. Характеризуется участие сербов в Русско-японской войне. Важной вехой сербской истории предстают Балканские войны, в результате которых, как подчеркивает автор, Сербия стала региональной силой на Балканах и союзником России, но это противоречило интересам Австро-Венгрии. Убийство Г. Принципом эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника престола Австро-Венгрии выступило поводом для ультиматума Сербии и грозило оккупацией данной страны. Но в надвигающейся войне сербы получили поддержку России.

Автор подробно раскрывает перипетии Первой мировой войны и страницы взаимодействия сербов и русских, рассказывает о формировании Сербского добровольческого корпуса в России. В книге кратко, но интересно описы-

ваются события финала Первой мировой войны, когда Российская империя распалась, а Сербия стала стержнем новообразованного государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев / Королевства Югославии. Автор указывает на гуманизм Октябрьской революции в России и комплекс проведенных вслед за ней социальных преобразований. Характеризуя политическую борьбу в Советской России после Гражданской войны, он утверждает, что в ее результате победила историческая Россия, развернулась индустриализация, была создана экономическая, научная и военная мощь Союза Советских Социалистических Республик (СССР), которая могла противостоять агрессивной политике Запада.

В книге подчеркивается, что «эта политика общей экзистенциальной силы русского народа является символом исторической вертикали побед, которые заложены в характер русских побеждать и в силу российской государственной власти. Во многих аспектах СССР является верхом реального развития цивилизации, это замечательный этап русской истории с уникальной социальной системой социальной справедливости, близкой русским ценностям! Это была мощная фаза исторической России, которую Запад ненавидит независимо от того, как она называлась, СССР или Россия» (с. 108). Такой вывод автора книги, несомненно, близок всем, кто объективно оценивает советское историческое прошлое.

Вместе с тем русско-сербские отношения в эпоху существования СССР и Королевства Югославии превратились из близких во враждебные. Это во многом объяснялось, как справедливо отмечается в книге, присутствием в стране большого числа белых эмигрантов. Здесь находился главный штаб генерала Врангеля, который пытался сохранить армию для продолжения борьбы с Советской Россией и, заметим, создал Русский Обще-Воинский Союз как ядро «армии в изгнании». В Югославии была основана, как и указывает автор, Русская Православная Зарубежная Церковь. В книге описываются помощь югославских властей русским беженцам, жизнь русской диаспоры и ее вклад в развитие страны.

Автор уделяет особое внимание событиям и проблемам периода Второй мировой войны, имевшей судьбоносное значение и для СССР, и для Югославии. Он указывает на человеческие потери, понесенные СССР при освобождении каждой из стран Европы и Азии, справедливо подчеркивая, что их свобода была оплачена жизнями солдат Красной армии. Дается сравнительный анализ вооруженных сил союзников в Европе, который убедительно свидетельствует о решающем вкладе СССР в победу над фашизмом, о чем, как указывает автор, пытаются забыть сегодня на Западе. В книге раскрываются сложные перипетии Движения Сопротивления в Югославии, где существовали два антифашистских движения – четников и партизанское во главе с коммунистами. Конфликт их враждебных идеологий вел к тому, справедливо отмечает автор, что вместо борьбы против захватчиков, повстанцы сражались друг против друга: «Эта братоубийственная война была самая большая национальная трагедия, которая продлилась до конца войны» (с. 117).

В книге указывается и на хорватских усташей, которые вели борьбу против сербов, создавали многочисленные концлагеря, в т. ч. и концлагерь для сербских детей.

Автор доказывает, что Красная армия сыграла решающую роль не только в освобождении Белграда, но и в обеспечении прихода коммунистов к власти в Югославии. Отмечается, что за заслуги в освобождении Югославии 22 иностранца были награждены орденом Национального героя и из них 16 чел. были солдатами Красной армии. В книге перечисляются их фамилии с подчеркиванием: «Слава им!».

Отмечается, что в Югославии во время Второй мировой войны погибло 1 706 тыс. чел. Но страну разрушали не только немецкие оккупанты, но и бомбардировки западных стран. «Варварское англо-американское уничтожение десятков сербских и черногорских городов, сел в период с 20 октября 1943 года по 18 сентября 1944 года накануне вступления Красной армии с целью освобождения Сербии является одной из самых больших загадок нашей новой

истории» (с. 129), – пишет автор. Он задает и другие вопросы, например, почему Сербию и Черногорию подвергали ковровым бомбардировкам, хотя немцы при этом почти не несли потерь, страдали именно сербы. Здесь западные союзники, по сути, тренировались в том, что позже применили в Германии.

Интересен раздел книги под названием «Время лжи. Холодная война, которой не было». В нем демонстрируются неискренность и нечестность западных союзников по антигитлеровской коалиции к СССР во время войны и после ее окончания, показывается, как шаг за шагом подвергалась забвению реальная история Второй мировой войны и формировалась ее вымышленная история с утверждением, что Соединенные Штаты Америки (США) победили гитлеровскую Германию и принесли свободу Европе и миру. В противовес этому автор приводит цифры и факты, свидетельствующие о решающем вкладе СССР в победу. В книге представлены многочисленные примеры некорректной западной пропаганды антисоветского характера, которая формировала атмосферу холодной войны, а также перечисляются войны, которые велись странами Запада после окончания Второй мировой войны, начиная с противостояния в Корее и заканчивая агрессией против Сербии и Черногории, Афганистана, Ливии и Сирии.

Автор анализирует отношения СССР и Югославии после Второй мировой войны, причины конфликта И.В. Сталина и И. Тито, полагая, что «это был не столько идеологический, сколько существенный геополитический конфликт» (с. 132). Он возлагает ответственность на Тито за репрессии, которые были развернуты в стране, а также за подписание соглашений со странами НАТО и даже готовность предоставить территорию и базы страны в случае великой войны в Европе и конфликта между США и СССР в распоряжение НАТО. Вместе с тем в книге излагается и другая версия: «Тито и Сталин сыграли блестящую шахматную партию под кодовым названием “Дело Информбюро”». В результате Югославия получала мощную поддержку Запада, а «Москва сэкономила на Белграде десятки миллиардов долларов, которые вложила в восстановление Советского Союза» (с. 135).

Специальный раздел рецензируемой книги посвящен драматичным страницам распада СССР и Югославии. События в Югославии в 1990-х годах были «генеральной репетицией» для разделения России «по кровавому югославскому сценарию», указывает автор книги. И с этим можно согласиться, как и с его тезисом, что «разрушение СССР и Югославии было окончательной формой разрушения освобождающегося потенциала социализма и внедрения хищного западного капитализма» (с. 140–141). В книге анализируются средства и механизмы, использовавшиеся Западом для уничтожения государства Югославии, провоцирования гражданской войны в этой стране с последующим политическим и военным вмешательством и попыткой возложить ответственность за югославскую трагедию на сербов и Сербию.

Большое внимание в книге уделяется вооруженной агрессии 19 стран НАТО в Югославии в 1999 году, ее масштабам и последствиям, а также действиям России, в т. ч. знаменитому развороту самолета российского премьера Е.М. Примакова над Атлантикой, марш-броску российских десантников в Приштину, российским добровольцам, прибывшим тогда на помощь сербам.

Заключительная часть книги названа «Россия и Сербия опять вместе». В ней рассматриваются помощь России Сербии и сербам в начале нынешнего столетия, противодействие попыткам стран Запада возложить на них ответственность за югославскую трагедию, обвинить в геноциде. В противовес этому автор повествует о реальных примерах геноцида в мировой истории со стороны британцев, немцев, американцев и представителей других западных стран.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что рецензируемая книга будет, несомненно, интересна и для специалистов, и для широкого круга читателей, а ее лейтмотив – дружба русских и сербов и помощь русских и России сербам и Сербии – исключительно важен в современных условиях, когда предпринимаются активные попытки разделить наши страны и народы, разорвать их многовековые связи.

Информация об авторе
В.И. Голдин *– доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического федерального университета имени М.В. Ломоносова.*

Information about the author
Vladislav I. Goldin*, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Prof. at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov.*

Поступила в редакцию 24.02.2026
Одобрена после рецензирования 03.03.2026
Принята к публикации 05.03.2026

Submitted 24 February 2026
Approved after reviewing 03 March 2026
Accepted for publication 05 March 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 146–149.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 146–149.

Рецензия на книгу
УДК 811.134.2
DOI: 10.37482/2687-1505-V536

Торжество исторической правды (к вопросу о признании преступлений финских оккупационных властей на территории Карело-Финской ССР в 1941–1944 годах геноцидом)

Рецензия на книгу: Харченков Д.Н., Веригин С.Г., Елошин Д.А. **Суд истории: правда о геноциде советского народа на территории Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2025. 75 с.**

Юлия Николаевна Зеленская
Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия,
yulia-zelenskaya2008@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2818-3684

Аннотация. Рецензируемое мемориальное издание аккумулировало в себе современные подходы и актуальные данные о геноциде гражданского населения и военнопленных на территории Карело-Финской Советской Социалистической Республики в годы Великой Отечественной войны. Книга имеет особое значение для современного исторического дискурса, сохранения исторической памяти. Она является результатом тесного сотрудничества работников прокуратуры и ученых-историков, которое способствует формированию уважительного отношения к историческому прошлому, противодействует фальсификации истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Карело-Финская ССР, оккупация, военные преступления, преступления против человечности, геноцид, решение Верховного суда Республики Карелия*

Для цитирования: Зеленская Ю.Н. Торжество исторической правды (к вопросу о признании преступлений финских оккупационных властей на территории Карело-Финской ССР в 1941–1944 годах геноцидом) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 146–149. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V536

Book review

The Triumph of Historical Truth (On the Question of Recognising the Crimes of the Finnish Occupation Authorities on the Territory of the Karelo-Finnish SSR in 1941–1944 as Genocide)

© Зеленская Ю.Н., 2026

Review of the book: Kharchenkov D.N., Verigin S.G., Eloshin D.A. *The Judgement of History: The Truth about the Genocide of the Soviet People on the Territory of the Karelo-Finnish SSR during the Great Patriotic War.* Petrozavodsk, 2025. 75 p. (in Russ.)

Yuliya N. Zelenskaya
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia,
yulia-zelenskaya2008@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2818-3684

Abstract. The reviewed memorial publication contains modern approaches and relevant data on the genocide of civilians and prisoners of war on the territory of the Karelo-Finnish SSR during the Great Patriotic War. The book is of particular importance for modern historical discourse and the preservation of historical memory. It is the result of close cooperation between prosecutors and historians, which contributes to the development of a respectful attitude towards the historical past and prevents the falsification of the history of the Great Patriotic War.
Keywords: *The Great Patriotic War, Karelo-Finnish SSR, occupation, war crimes, crimes against humanity, genocide, decision of the Supreme Court of the Republic of Karelia*

For citation: Zelenskaya Yu.N. The Triumph of Historical Truth (On the Question of Recognising the Crimes of the Finnish Occupation Authorities on the Territory of the Karelo-Finnish SSR in 1941–1944 as Genocide). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 146–149. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V536

30 сентября 2025 года в Зале Благородного собрания Национального музея Республики Карелия состоялась презентация книги «Суд истории: правда о геноциде советского народа на территории Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны». Авторами издания выступили прокурор Республики Карелия Дмитрий Николаевич Харченков, доктор исторических наук, профессор Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) Сергей Геннадьевич Веригин, аспирант ПетрГУ Дмитрий Александрович Елошин.

Презентация коллективного труда была приурочена к празднованию 81-й годовщины освобождения территории Карело-Финской Советской Социалистической Республики (КФССР) от немецко-фашистских и финских захватчиков. В мероприятии приняли участие заместитель главы Республики Карелия Т.П. Игнатьева, ветераны специальной военной операции, представители ПетрГУ, Карельского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северного института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, кадеты Петрозаводского президентского кадетского училища, общественники. Событие получило освещение в республиканских средствах массовой информации.

Великая Отечественная война оставила глубокий след в истории Карелии. К декабрю 1941 года значительная часть ее территорий была оккупирована немецко-фашистскими и финскими войсками. Период длительностью 2,5 года стал временем суровых испытаний, страданий гражданского населения, советских военнопленных, временем проявления несгибаемой воли к жизни, веры в победу. В условиях агрессивной политики коллективного Запада в отношении Российской Федерации борьба с фальсификацией истории приобретает особую остроту, а просветительская работа о событиях Великой Отечественной войны – важность и необходимость. Понимание потребностей

сегодняшнего дня, запроса современного общества подтолкнуло авторов к изданию данной книги.

Знакомство с содержанием коллективного труда предваряют обращения к читателю заместителя директора Института государства и права Российской академии наук, президента Академии Нюрнбергских принципов А.Г. Звягинцева и прокурора Республики Карелия Д.Н. Харченкова.

Издание состоит из введения, 5 разделов, списка источников. Во введении рассматриваются подготовка и проведение судебного процесса, проходившего в Карелии с 19 июля по 1 августа 2024 года. Авторы книги справедливо отмечают, что в ходе заседаний Нюрнбергского военного трибунала с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года материалы об оккупации территории Советской Карелии не стали «предметом обособленного рассмотрения», финские военные преступники избежали справедливого наказания по итогам Хельсинкского процесса.

Действительно, признанные судом виновными первые лица Финляндии вскоре были досрочно освобождены, а затем помилованы. Некоторым вовсе удалось избежать наказания. Например, начальники Военного управления Восточной Карелии В. Котилайнен и Й. Араюри после войны уехали из Финляндии. В последующие годы с них были сняты обвинения в неравном распределении продуктов и использовании детского труда.

1 августа 2024 года Верховный суд Республики Карелия принял решение о признании военными преступлениями и преступлениями против человечности, геноцидом советского народа установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками, оккупационными властями и войсками Финляндии на территории КФССР в годы Великой Отечественной войны.

Раздел «План создания «Великой Финляндии» повествует о событиях, предшествовавших Великой Отечественной войне, и подписании Московского мирного договора с Финляндией 12 марта 1940 года, который утвердил новые границы между Союзом Советских Социалистических Республик (СССР) и Финляндией. Придерживаясь агрессивных планов по созданию расово чистого государства «Великая Финляндия», руководство страны пошло на сближение с нацистской Германией, и Финляндия вслед за Германией объявила войну СССР 26 июня 1941 года. Финские армии наступали сразу по нескольким направлениям, в т. ч. по территории Карельского перешейка к Ленинграду, чтобы встретиться с войсками группы армий «Север». К декабрю 1941 года противнику удалось оккупировать 2/3 территории Советской Карелии.

Особенностям оккупационного режима, установленного на захваченной территории КФССР, посвящен раздел «Оккупация Карело-Финской ССР». В основе политики, проводившейся администрацией Военного управления Восточной Карелии, лежал принцип сегрегации. Гражданское население, не относящееся к родственным финнам народам, вне зависимости от пола и возраста, а также советские военнопленные помещались в места принудительного содержания, которые отличались по типу, но преследовали единую цель – создание для узников условий, несовместимых с жизнью. Опираясь на обширную источниковую базу, авторы книги подчеркивают, что в 1942 году уровень смертности в финских лагерях составлял 13,75 % против 10 % в немецко-фашистских. За период оккупации только в лагерях для военнопленных погибло от 18 до 22 тыс. чел. (в четвертом разделе «Последствия оккупации» число жертв указано «более 26 тыс. мирных жителей и советских военнопленных»). Представляется, что точные данные о количестве людей, погибших в финских лагерях, ученым предстоит еще установить. На это, в частности, направлен Всероссийский проект «Архивный десант» Национального центра исторической памяти при Президенте Российской Федерации, к которому присоединились студенты и преподаватели кафедры отечественной истории ПетрГУ.

Трагической судьбе белорусов посвящен отдельный раздел книги. В ходе судебно-

го процесса удалось установить фамилии 155 белорусов, находившихся в концентрационных лагерях на территории Карелии. В заключительном разделе авторы вновь возвращаются к итогам судебного процесса 2024 года и отмечают, что «сохранение и защита нашей истории – это нравственный долг каждого…».

В списке источников представлено библиографическое описание использованных в ходе подготовки книги источников личного происхождения, делопроизводственной документации, периодической печати.

Безусловным достоинством коллективного труда является привлечение широкого корпуса визуальных источников из Национального архива Республики Карелия, Научного архива Карельского научного центра Российской академии наук, архива Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Военного архива Финляндии и других открытых источников. Фотографии, карты, копии документов размещены в каждом разделе и дополняют текстовый материал. Использованы как хорошо известные фотографии, например «Узники нацизма, город Петрозаводск, 1944 год» Г. Санько или «Анна Севастьяновна Рогозкина и моряки Онежской военной флотилии с красным знаменем у причала городского порта, город Петрозаводск. 28 июня 1944 года», так и вводимые в научный оборот впервые.

Издание является результатом плодотворной работы авторского коллектива, отражает как профессиональное, так и глубоко личное отношение к изучаемой проблеме.

Заметим, что в книге не получил освещения вопрос о пребывании в лагерях смерти представителей финно-угорского населения, которые не поддались пропаганде финских властей, сохранили верность Родине, разделив трагическую судьбу с другими узниками. Размещение списка литературы с перечислением специальных опубликованных работ помогло бы читателю сориентироваться и продолжить знакомство с данной темой, ее отдельными сюжетами. Указанные пожелания авторы смогут учесть в ходе дальнейшей работы. Мы уверены, что сотрудничество ПетрГУ и прокуратуры Республики Карелия в этом направлении продолжится.

Приветствуем выход данного мемориального издания, выполненного в высоком полиграфическом качестве, адаптированного для широкого круга читателей, а также стремление авторов передать его экземпляры во все библиотеки и образовательные организации Республики Карелия. Книга станет незаменимым помощником в учебном процессе и воспитании подрастающего поколения.

Информация об авторе
Ю.Н. Зеленская *– доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета.*

Information about the author
Yuliya N. Zelenskaya*, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Russian History, Petrozavodsk State University.*

Поступила в редакцию 25.11.2025
Одобрена после рецензирования 30.04.2026
Принята к публикации 04.05.2026

Submitted 25 November 2025
Approved after reviewing 30 April 2026
Accepted for publication 4 May 2026

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области истории и археологии, языкознания, философии.

Общие требования	Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала https://vestnikgum.ru/ и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия и инициалы автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм; верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются посередине верхнего поля страницы арабскими цифрами.
Шрифт	Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.
Объем статьи	Максимальный объем статей: научных – 10–15 страниц, обзорных – до 20 страниц.
Сведения об авторе	Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.
ORCID	В сведениях об авторе также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки https://orcid.org/0000-0000-0000-0000. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.
Индекс УДК	Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие

Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.

Аннотация

Предоставляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть:

– информативной (не содержать общих фраз);

– оригинальной;

– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

– компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов).

Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию объемом 50–100 слов.

Ключевые слова

После аннотации указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.

Примечания и комментарии

Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также справочную и анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).

Библиографические ссылки

Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).

– Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. *Например*:

в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59];

в списке литературы: 59. *Кауфман И.М.* Терминологические словари: Библиография. М., 1961. 419 с.

– Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. *Например*:

в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.;

в списке литературы: 10. *Бердяев Н.А*. Смысл истории. М., 1990. 175 с.

Рисунки, схемы, диаграммы

Принимается не более 4 рисунков. Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (*рис. 2*). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабдить порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

• Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
• Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
• Статьи публикуются на бесплатной основе.
• Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала https://vestnikgum.ru/

Тел.: (8182) 21-61-00 (18-20); e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

Свободная цена.